

18+

Дарья  
Гребенщикова

Визави

Повести  
и рассказы

ИМАРИ

Дарья Гребенщикова

**Визави. Повести и рассказы**

«Издательские решения»

**Гребенщикова Д. О.**

Визави. Повести и рассказы / Д. О. Гребенщикова —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673190-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,  
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ  
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН  
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ  
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Дарья Гребенщикова, театральный художник,  
окончила постановочный факультет Школы-Студии МХАТ, долгое время  
работала в московском Ленкоме. С 1992 живет с мужем в деревне Шешурино  
Тверской области. Пишет стихи, повести, рассказы, издается с 2018 года.  
Её книги «ДАШУАРЫ», «От меня до тебя два шага и целая жизнь», «Мона  
Ли», «Бузина» полюбили читатели, на ее стихи сочиняют песни и романсы,  
по мотивам ее произведений ставят спектакли. Книга «Бузина» — участник  
книжных ярмарок и разных конкурсов.

ISBN 978-5-00-673190-5

© Гребенщикова Д. О.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Яша Измайлов                      | 6   |
| Глава 1                           | 6   |
| Глава 2                           | 9   |
| Глава 3                           | 12  |
| Глава 4                           | 15  |
| Глава 5                           | 19  |
| Глава 6                           | 25  |
| Глава 7                           | 28  |
| Глава 8                           | 32  |
| Глава 9                           | 35  |
| Глава 10                          | 39  |
| Глава 11                          | 47  |
| Глава 12                          | 53  |
| Глава 13                          | 57  |
| Глава 14                          | 62  |
| Глава 15                          | 65  |
| Глава 16                          | 69  |
| Глава 17                          | 73  |
| Глава 18                          | 75  |
| Глава 19                          | 84  |
| Глава 20                          | 87  |
| Глава 21                          | 94  |
| Глава 22                          | 98  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 105 |

# Визави

## Повести и рассказы

**Дарья Олеговна Гребенщикова**

*Посвящается моим родителям –  
маме Галине Алексеевне Дьяковой  
и папе Олегу Сергеевичу Гребенщикову, с любовью и бесконечной  
и запоздалой благодарностью за все то, что они  
для меня сделали.*

© Дарья Олеговна Гребенщикова, 2025

ISBN 978-5-0067-3190-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

#

#

#

#

#

#

#

#

#

#

#

#

#

#

Все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

## Яша Измайлов

### Глава 1

Яша Измайлов жил с семьей на Татарской улице, в Москве. Счастливое детство в Замоскворечье – а каким оно еще могло быть? Старославянская вязь переулков, стремительный бег – до Озерковской набережной, стояние на Зверевом мосту, все то, прежнее, исчезнувшее, безжалостно поглощенное новой, равнодушной к жизни горожан и истории Москвой, было для Яшеньки драгоценностью. Сложная коммунальная какофония сменялась стройностью лада мальчишеского братства, где значимым было одно – честность, яростная отвага и умение делить принадлежащее тебе—на всех. Яшенька как-то пропустил бури, происходившие в семье, и даже не заметил, что папа его, и так существующий в вечных разъездах по командировкам, и вовсе перестал появляться дома, и обманчивая тишина, жившая за шкафом, которым была перегороджена большая комната Измайловых, стала – честной тишиной, и мама Яшеньки стала называться противным словом «разведенка». Бабушка плакала, мама делала вид, что ничего не произошло, и напевала приторно бодро, наворачивая волосы на папильотки. Если бы все ограничилось исчезновением отца, Яшенька компенсировал бы эту потерю – Москва, с видом карточного шулера, извлекала из карманов все новые козыри, тут были и кинотеатры с зарубежными фильмами, и великолепные, прохладные залы Пушкинского музея, и кружок живописи в Доме Пионеров – а там везде – были и девочки, то в белых фартучках и с капроновыми бантами, то в лыжных костюмчиках с перепачканными глиной пальчиками, то нарядные, как бабочки – на школьных вечерах. Но отец, унеся с собой тайну обманчивой тишины, посмел еще, и разрушить Яшино Замоскворечье, и ухитрился разменять две их комнатки (раздельный выход в коридор) – на комнату себе и квартирку в чистом поле, как сказала бабушка – в Новых Черемушках. В Черемушках было страшно. Некрасивые коробки стояли среди груд строительного мусора, и ветер поднимал пыль, и нес её всё дальше, на юг. Не было Москвы-реки в павлиньих разводах бензиновых пятен, не было пряничного домика Бахрушинского музея, акаций с кривоватыми стручками, афиш театра Образцова и горячего и будоражащего запаха шоколада от фабрики Рот-Фронт. С балкона пятого этажа была видна кромка леса, шпиль МГУ, озаряемый салютами, и трансформаторная будка с леденцовыми зелеными стеклами. Яша томился, боялся выйти на двор, где царили чужие дети – в пятиэтажки расселяли деревни, буквально, по подъездам, и один подъезд шел биться с другим, как улица на улицу. Круглый очкарик Яша был обречен – на одиночество.

Что может быть лучше одиночества? Отказ от шумного, вольного бега в «казаках-разбойниках», отказ от упругого резинового мяча, летящего на тебя в «штандере», отказ от дымушки, сделанной из обломка маминой мыльницы – дает главное. Сосредоточение в себе, бесконечное пространство для фантазии, и, главное – время! для постижения чужого опыта и накопления своего. Пусть и книжного, зато проверенного. И, еще – поле для творчества. Как выразить себя, если ты бит в школе портфелем и мешком для сменки? Как? Если на физкультуре весь класс ржет, когда ты висишь на перекладине, боясь посмотреть вниз? Если даже некрасивые девочки отказываются сидеть с тобой за одной партой? Ну, что же остается? Литература! Первые неловкие попытки написать своих «Трех мушкетеров», в которых даже наивная бабушка угадает – в Д'Артаньяне – тебя, а в Миледи классную учительницу, а в Констанции одноклассницу Вику, с фиалковыми глазами и пальцами, перемазанными шоколадом. Остается живопись, наивные штудии с натюрмортами, портреты соседской кошки, в которой, опять же, угадывается Вика с ее фиалковыми глазами? Это потом ты научишься чирикать комиксы шар-

ковой ручкой, и одноклассники будут совать тебе свои тетрадки на переменках – а мне, а мне? А девочки, краснея, будут просить нарисовать стенгазету к 8 марта. Яша же избрал иной путь, пробежав по всем возможным способам самовыражения – поиграл на фортепиано, побренчал на балалайке, вывел старательным альтом «В юном месяце апреле», сыграл Городничего в «Ревизоре» и даже прочел стих «Левый марш» под сочувствующие аплодисменты класса. Всё это было – не то, и требовало жизни в обществе. Поэтому Яша Измайлов начал лепить. Из пластилина. Пластилин стоил дешево, брусочки тусклых цветов пачкали руки, стол, и, падая, прилипали к полу и к подошвам обуви, но в собственном, отгороженном тем же шкафом уголке, под лампой, плавящей пластилин, сидел Яша, и лепил – кирпичи. Кирпичи получались такие, как надо. Прямоугольные. В масштабе 1:20, то есть 1 см 25 мм на 6 мм. Кирпичи были разного цвета, но абсолютно одинаковые, и в лепке Яша проявлял дьявольское упорство. Выпрашивая у бабушки пергаментную промасленную бумагу от маргарина, Яша прослаивал кирпичи, чтобы они не слипались, и – лепил. Ровняя их металлической линейкой, протертой смоченной в керосине тряпицей. Мама, он сумасшедший, – тихо говорила Ада, – ты посмотри? У нас всё в этих кирпичах. Я боюсь выйти на балкон. Мама, ему нужен психиатр! Психиатр нужен тебе, – бабушка варила из кефира диетический творог, – ты трешь спину о чужие простыни, вместо того, чтобы водить сына в Третьяковскую галерею! Я бы тоже на его месте лепила кирпичи. Кстати, у нас кончился пластилин, может быть твой очередной...

«Очередной» как-то был представлен бабушке и сыну. Ради этого всю неделю тёрли щётками паркет, и натирали его светлым «эдельваксом», после чего Яша, стоя на коленках, полировал пол до стеклянного блеска. Раздвинутый до овала круглый стол благодарно принял на себя дефицитную еду, от тресковой печени до маринованных венгерских огурчиков, и мужчина, готовый угодить в капкан семейной жизни, благосклонно взирал на дымящуюся загорелую курицу и крошечные тарталетки с золотистыми шпротами, проткнутыми пластмассовыми шпажками – подарок Аде из Эстонии. Гостя приятно удивила даже теснота, а уж россыпь майсенского фарфора в буфете, бледные пейзажи на стенах, вышитые бабушкой наволочки и каретные часы вовсе привели его в состояние тихого блаженства. Правда, Яшины кирпичи, сложенные аккуратными параллелепипедами, его смутили.

– Никак, в Гауди метишь? – спросил Андрей Захарович, прикуривая от любезно поднесенной Адой к сигарете спички.

– А Гауди, это что? – Яша потер переносицу под очками.

– Сыр, – уверенно сказала бабушка.

Андрей Захарович в мужья не прошел, но остался дружен с Яшей, и привел его в Музей архитектуры имени Щусева. Вечером этого же дня Яша понял, зачем он лепил кирпичи. Еле высидев положенные школьные часы, Яша, срывая на ходу алый галстук с обмахившимися краями, расстегивал пуговишки рубашки, спеша переодеться в «домашнее». Куриный суп был проглочен наспех, а азу, смешавшись с дефицитной гречкой, застыло под некрасивой пленкой. Шмыгая носом, Яша – творил. Первый дом был выстроен Яшей в стиле классицизма. Но, лишенный окон, портика, колонн, и, собственно, всего остального – представлял собой всего лишь неоконченный строительный объект. Яша испытал жесточайшее разочарование. Примерно такое же по силе, как переезд из Замоскворечья в хрущобы Черемушек. Вроде бы – и там, и там, кирпич, как основа, и тот же параллелепипед, но! Именно, что «но» – в этом «но» и заключилась вся таинственная мудрость Архитектуры. Яша занес кулак над идеально сложенной коробкой с пустыми глазницами окон, но ...смять свое детище он не смог. Ну, Яшенька, – сказала бабушка, здесь есть, над чем поработать! И в ход пошло – все. Картонные коробки от обуви, баночки из-под монпансье, палочки от флажков, пуговицы, даже крышечка от тюбика с зубной пастой – все шло в дело. Почему-то первым Яшенька воссоздал по фотографии из альбома дом генерала Борщова в Костроме, и остановился. Пластилино-

вый дом был грузен, неказист и потерял всю легкость и стройность классицизма. К тому же разноцветные кирпичи чрезвычайно портили дело и придавали зданию какой-то печальный и нищенский вид. Яшенька хотел смять дом с той же яростью, с какой нервный литератор сжигает свое неудачное детище, но... Дом Борщова бабушка успела спрятать на балконе, и он там долго стоял, плавясь на солнце и источая химическую вонь. Яша охладел к пластилину – совершенно. Благородно смущаясь, Яша передал пластилиновые кирпичи в школьный кружок, где младшеклассники тут же выстроили из кирпичиков доты, дзоты и прямоугольные танки, и принялись играть в войнушку, добавляя правдоподобия при помощи взрывов, устраиваемых из марганцовки и глицерина. Яша растерялся – цель игры в Архитектуру была потеряна, и было совершенно непонятно – а что же дальше? Аквариумные рыбки? Ритмика? Игра «Зарница»? Что? Тут ненадолго появилась девица из параллельного класса. Зина Карасик. Она же, разумеется, Зинка-Корзинка, Зинка – Карасиха, особа вертлявая, неискренняя, с жидкими мышинными волосиками и вечно мокрым носом. У Зины были ледяные пальцы и вечно продранные колготки. Яшенька же, приближаясь к комсомольскому возрасту, хорошел, хотя, по-прежнему смущался сам себя, и потому предложенная Зиной дружба пришлась, как нельзя, кстати.

## Глава 2

Зина представляла собой абсолютную ошибку. Её погрешность относительно идеала женской красоты была просто чудовищна. Отдельно взятые, Зинины части были вполне даже ничего, но, когда все это складывалось вместе, хотелось закрыть глаза или посмотреть на обложку журнала «Советское кино». Как-то раз, Яша обошел Зину по окружности, и, сняв очки, зажмурился резко, а потом, открыв глаза, перевел взгляд на репродукцию «Рождение Венеры» кисти великого Боттичелли, висевшую немного косо, над бабушкиной кроватью. Слушай, Зинаида, – Яша покусал свой указательный палец, – давай, мы из тебя сделаем красавицу! А я, что, – Зинка слезла со стула, – некрасивая, по-твоему? Бабушка воспитала Яшу честным, что впоследствии осложнило ему жизнь, – нет, нормальная, местами вообще хорошо, но можно же лучше? И вот Зинаида, украшенная подобно дому Борщова, совершенно изменилась. За неимением раковины Яша поставил Зину в таз, из легкого газового шарфа соорудил Зине прическу, и загримировал ее – бабушкиной пудрой, маминой помадой и акварельными красками – провел зеленые стрелки от уголка глаза к вискам. Раздевать Зинку Яше даже не пришло в голову. И вот, в тазу, на пятом этаже хрущевки, вдруг появилась совершенно прекрасная девушка, красоте которой не помешала даже школьная форма и испачканный чернилами фартук. Яша, – бабушка варила кизилковый компот, – что ты делаешь? Зачем ты поставил Зиночку в таз? А что с её лицом? – бабушка сложила полотенце вчетверо и забросила его на плечо, – таки красotka! Надо же? Ты что, НАРИСОВАЛ ей новое лицо?

И Яша опять – задумался. О том, как можно изменить объект. Самыми доступными средствами. Преображенная Зинка-Карасиха переминалась с ноги на ногу, громыхая тазом, а Яша смотрел на неё – и влюблялся. Пойдем в кино? – спросил Яша, и Зинаида церемонно согласилась.

Бедная Яшина мама, запертая в коконе своего молодого еще тела, в однокомнатной квартире, в жалобном положении «разведенки», пыталась всячески превратиться в бабочку, и, радостно поведя обсохшими крыльями, вырваться из Новых Черемушек, сбросить дешевые туфли и заношенный костюм джерси и улететь – к морю. Маме повезло, Яше – не очень. Торопливо расцеловав сына, так отвратительно подробно напоминавшего Аде бывшего мужа, она улетела в Эйлат. Навсегда. А Яша подумал, что это неплохо, и даже прекрасно, потому что скоро наступит лето, а бабушка обязательно поедет на дачу, к своей подруге Наталье Генриховне и он с Зиной... а вот, что именно он будет делать с Зиной, Яша так и не придумал.

Отъезд бабушки в «Заветы Ильича» ровным счетом ничего не изменил. Опыта проведения любовных свиданий не было ни у того, ни у другой, но у Зины был отец, всё ещё влюбленный в жену, потому было представление хотя бы об антураже. Дешёвый «огнетушитель» портвейна был до половины выпит под мерцание новогодних витых свечек и музыку. Удачным оказался лишь музыкальный ряд – Зинка стащила у старшего брата диск «Yellow Submarine» и, торжественно, держа диск между растопыренных пальцев, водрузила его на резиновую тарелочку проигрывателя «Аккорд». Собственно, «Beatles», и спасли ситуацию – под музыку можно молчать, дышать, целоваться или, просто – прикрыть глаза. Портвейн оказал свое пагубное воздействие, и оставшуюся часть вечеринки Яша и Зина провели в совмещенном туалете, справедливо поделив «удобства». Яше досталась раковина. Больше к любви они не возвращались, к обоюдной радости, и, сдав положенные экзамены за 8 класс, решили, что достаточно держаться за руки в живой, наполненной чужими словами и смехом, полутьме кинотеатра. Зарубежная жизнь, блага которой в СССР так тщательно скрывались теми, кто этими благами пользовался, лезла изо всех щелей. Зарубежное кино, особенно доступный демократичный итальянец Челентано, демонстрировало невиданные в СССР интерьеры, шмотки, машины,

стрижки, вина, еду – даже аромат духов витал в зрительном зале. Пока еще Яша размышлял о загранице, именно как о декорации, то есть, как бы Европа – это СССР, но удачно видоизмененный – берём «советские» кирпичики, украшаем! Оп! Берем Зинку, украшаем! Оп! ТАМ вроде было все, что есть здесь. Дома, машины, рестораны. Но что-то убеждало Яшу в том, что «Песняры» это не «Beatles», водка это не виски, а брюки техасы, пошитые рукодельцами в подвале, вовсе не джинсы «Lee». Зинка, та смекнула насчет разницы еще раньше, и носила джинсы старшего брата, прикрепляя их на отцовские подтяжки. Если сверху надеть мужскую рубашку, выходило даже очень и ничего, джинсы гремели при перемещении внутри штанин худых Зиначкиных ног, и клеш был такой, что нога болталась в них свободно – как язык в колоколе. Мешало одно – выбраться из них, чтобы сходить «в кусты», было проблематично. Зиначка вообще начинала меняться буквально на глазах, пропадала в очереди за французской тушью «Lankom», делала тональный крем из материнского Ланолинового, фабрики «Свобода» и пудры и какао, и вообще, обуржуазивалась буквально на глазах. Яшу же поразили заграничный интерьер, воспроизвести который в советских условиях было невозможно, даже при наличии связей в магазине сантехники или «1000 мелочей» на Ленинском проспекте. Пока Зина работала над внешним, Яша стал работать – над внутренним. Журнал «Посев», «Голос Америки», «Труба», «Плешка» – порочный путь, на который ступил Яша, был извилист, опасен, но привлекателен.

Публика, собирающаяся в центре Москвы, на «Плешке», была не похожа ни на замоскворецкую, ни на ново-черемушкинскую. Это было особое сообщество, близкое к тайному, имеющее один язык, одну моду и один закон – на всех. Яша с удовольствием перекачивал во рту сленговые словечки, хотя еще не решался называть Зину «герлой», но уже резво сыпал всякими «флэт», «парентса», «пипл», «сейшен». С прической было просто, Яша перестал стричься, а Зина, высунув от напряжения язык, подстригла при помощи хитрой бритвы, вправленной в расческу, волосы по пробору, и получилась вполне себе модная стрижка «голландский мальчик». Пошлые школьные очки в тяжелой оправе Яша заменил на кругленькие очочки, невесть как сохранившиеся у бабушки – и стал просто – Джон Леннон. То есть – портретное сходство. Как и когда круглый Яша удлинился, как и почему так причудливо трансформировалось его лицо – загадка. Яша вытянулся настолько, что даже стал сутулиться, рубашки носил без воротника, отпарывая его бритвой «Нева», а Зинка, начавшая всерьез благоговеть перед Яшей, расшивала его рубашки куриными лапками и смешными цветными червячками-цветочками. Не хватало самого главного – джинсов. Синие форменные школьные брюки, и, как альтернатива им, пошитые в ателье из приличной, как выражалась бабушка, шерсти зимние тяжелые брюки модели «Иван Бровкин на целине». Ткань в елочку. Штаны с отворотами. Нужны были джинсы, но не было у Яши старшего брата! Хотя была мама. Из Эйлата она давно перебралась в Ашкелон. Посылки шли в СССР и из Израиля, но процесс ожидания был долг, а таможенный досмотр мог и лишить Яшу вожделенных «Levi Strauss», или, как их называли на той же Плешке – левайсов. Мало кто из этих, как называла их мудрая Яшина бабушка, «босяков» был в курсе, что некий выходец из России, Джэкоб Дэвис, собственно и поучаствовал в рождении знаменитых штанов. Клёпочки приделал, всего делов! Через сто лет советские граждане и гражданки готовы были отдать сумму, превышающую их среднюю зарплату, только, чтобы втиснуть себя в это чудо. Цена вопроса была – 150 рублей. Таких денег не было. Зина сказала – Яшка! У брата есть две пары попиленных джинсов, давай сделаем из них – одни?

«Зингер» брал все. Даже кожу. Даже брезент. «Зингер» взял и левайсы. Джинсовый зад представлял собой просто шедевр. «Настроканные» друг на друга «лейблы» от одежды, кожаные растопыренные лапки, даже метки от белья для прачечной ... все остальное состояло из обрезков, хаотично составленных, и простроченных изумительно, неправдоподобно ровной строчкой. Яша вспомнил свои кирпичи, свою тягу к совершенству, математически точно рас-

считал натяжение верхней и нижней нити, и – первые джинсы «YASHA» вышли в свет. Зина, как и всякая влюбленная в гения дура, позволила себе остаться в тени.

## Глава 3

Деньги любят того, кто к ним равнодушен. Скажите, что можно было сделать с большими деньгами в СССР? Ничего. Машину купить? Вот, просто так, без записи? Прийти в магазин, и купить себе «Жигули»? Цвета коррида? Как бы не так. Квартиру? Взнос на кооператив? Пацану в 9 классе, на что была такая уйма денег? У Яши появились магнитофоны кассетные, стереосистемы, непиленные диски, жвачка «Wrigley's Flavours Juicy Fruit», дорогие сигареты, белые носки, кожаные куртки, фотоаппарат «Polaroid», журнальчики для мальчиков и даже презервативы. Джинсы «YASHA» принесли Измайлову не просто деньги. Они принесли ему славу. Яша оброс знакомствами. Ему доставали фирменные клепки, «зипперы» – молнии, а толковый парень с фабрики «Парижская коммуна» сделал для Яши фирменный label, не хуже «Wrangler». Толковая девочка из Текстильного моментально освоила юбки, конфедератки и рюкзачки – справедливо отстегивая Яше за «марку», чья-то мама снабдила Яшу суперпрочными нитками, чей-то папа привез из Калинина «штуку» классного индийского денима, и пошло, пошло, поехало-поехало. Пока джинсы ходили по своим, проблем не было – клиент сдавал две пары старых, доплачивал, получал пару фирменных, от Яши. Когда развернулись, к Яше, весело прожигающему жизнь в «Метле» за коктейлями, подсели нехорошие улыбчивые парни в кожаных куртках. Парни были из Грузии, и давно и пристально наблюдали за резвым парнишкой Яшей Измайловым. «Шампань-коблер» не располагал к дипломатии, но Яша быстро все понял, когда очнулся на задворках ресторана, рядом с вонючими мусорными баками. Ребята были грамотные, руки Яше не испортили, но ребра сломали. В те унылые дни, когда Яша лежал на простынях, помеченных лиловыми штампами городской больницы, он понял, что заниматься частным предпринимательством в СССР – опасно. Было два варианта – прийти на швейную фабрику и предложить свои услуги по пошиву брюк типа техасы, или выйти на Дом моделей на Кузнецком, просто так – поделиться опытом, и совершенно безвозмездно. Зинаида, с испуганными глазами, каждый день припиралась в больницу и сидела, страдая, на холодной железной раме кровати, ощущая, как безжалостные крючки, держащие сетку, впиваются в её молодые ноги. Зине хотелось роста Яшиной славы и сопутствующего славе материального благополучия, но не хотелось лишаться Яши как объекта любви. Оба её желания одновременно исполнены быть не могли. Грамотные ребята обеспечили Яшу водой Боржоми, фруктами с Центрального рынка, взяв взамен всего лишь слово – что «YASHA» джинсы теперь будут отшиваться в подвалах солнечного Кутаиси. Впрочем, Яше разрешили шить единичные модели – в подарок. В принципе, Яша не стремился стать богатым, ему было просто интересно делать то, что ему – нравится.

Диссидентство не увлекло Яшу. Там было слишком много различных направлений, сами диссиденты показались ему слишком пафосными, заумными, и вся эта таинственность больше напомнила ему опасную игру в «казаки-разбойники» – на которую он взирал свысока, с балкона 5 этажа ново-черемушкинской хрущевки. Реальной опасности Яша не понимал, ему просто было с ними – скучно и тревожно. Свобода казалась ему абстракцией, а уж куда вошли танки, и где тот Афган, и почему подавили Новочеркасск аж в 1962 году, когда Яши еще не было – это все было такой же мутной историей, как ГУЛАГ. К литературе Яша оказался восприимчив, правда, «Матренин двор» вызвал у него тоску, «Один день Ивана Денисовича» – брезгливый ужас, а сквозь «Архипелаг ГУЛАГ» он так и не продрался. Ходивший по рукам Булгаков впечатлил Яшу «Роковыми яйцами», причем, биологичка Женечка из МГУ честно сказала, что эти гады – живородящие, что, впрочем, не уменьшило остроты впечатления. Пожалуй, лишь «Доктор Живаго» задел Яшу, а фильм с Омаром Шарифом стал любимым навсегда, как становится любимой плюшевая игрушка – ты, взрослый, стесняешься, видя ее несо-

вершенство, но не можешь уснуть, не прикусив старого матерчатого уха облезлого мишки. Шкатулочка, игравшая музыку Мориса Жарра, потеряет свой голос, но будет бережно хранима Яшей, уже Яковом Борисовичем Измайловым. Дело было в том, что «Доктор Живаго» оказался удачно подсунутыми нотами – именно тогда, когда Яша захотел петь. В 10 м классе пора уж было влюбиться. Верная Зинка-Карасик стала давно уже подругой детства, и, как ни драпируй ее в бабушкины шали, как не пудри, куда не ставь – через временно иную Зинаиду проглядывала та же, прежняя, с пальцами, испачканными пастой от шариковой ручки, и мятым пионерским галстуком. Пробовал Яша влюбиться в новую англичанку – Мариночку Пилипчук, сосланную в их школу после Мориса Тореза, но там все было плотно занято широкоплечими спортсменами и победителями межрайонных Олимпиад. Впрочем, как-то на дорогом «сейшене» на Кутузовском, Яша столкнулся с Пилипчук нос к носу, выпил с ней брудершафт и помялся в медленном танце под «Eleanor Rigby», был изящно высмеян и ретировался – зализывать раны. Любовь, как и деньги, часто появляются неожиданно, и Яша, решивший 17 августа навестить друга, живущего на станции метро «Молодежная», уткнулся носом в девушку в переходе на Киевской. Девушка шла, уткнувшись в Воннегутовскую «Бойню номер пять», и налетала на мраморные холодные колонны.

По счастью, Яше не пришлось хвастать своими мужскими подвигами – ни в школьном туалете, ни на спортплощадке, ни в подъезде – нигде. Дистанция, проложенная между ним и одноклассниками, не позволяла им приставать с вопросами, а ему позволяла – не слушать их пошлого хвастовства, уснащенного такими грязными подробностями, какие и выдумать – сложно. Среди своих Яшка считался отшельником, философом, «крутым мэном» – поговаривали, что он балуется литературкой, стишки пописывает, на гитарке бренчит, картиночки рисует – и все ждали, когда он все это предъявит, вот так, в одну минуту – как козырную карту из рукава. «Золотые» девушки не особо к Яше льнули – ну, под Леннона косит, и что? Пол-Москвы таких. А в «Синей птице» – так и все. Пока Яшины джинсы были в моде, вокруг такое количество народа толклось – не продохнуть, вот, тогда и случились все его первые опыты. Самая первая попытка сорвалась – виной всему была огромная двуспальная кровать родителей самой крутой в их тусовке девочки по кличке Кобра. Кобра и впрямь была похожа на змею, с маленькой, гладко причесанной головкой и странным прикусом – верхняя губа как бы налезала на нижнюю. Родители Кобры были из Аппарата ЦК КПСС, Кобра объездила все страны, где только были компартии, а они были – везде. Кобра просто взяла Яшу за руку – и увела. В спальню. Там Яша долго пытался вызвать к жизни виденное в мужских журналах, но почему-то оживали лишь призраки – грузный Кобрин папаша с черными усами и бульдожьими щеками и сухая, как борзая, мать – известная коллекционерша царской ювелирки. Тут уж было не до опыта, Яша потел, вздрагивал, взбивал плотными пятками дорогие шелковые простыни, а Кобра лежала, курила, пускала сиреневый дым в расчерченный уличными огнями на клетки потолок, и думала о том, что те латинос, которые были у неё на Кубе – и есть настоящие мужики, не в пример этому веснушчатому бледнолицему Яше. Вторая попытка была успешной, и, в сущности, и стала первой. Умная, немногословная, некрасивая филологиня с романо-германского сделала все быстро, легко, и, не дав Яше возможности удивиться собственным достоинствам, похлопала его по плоскому еще животу и сказала, – нормальный мальчик, толк будет, – и исчезла. Дальше все пошло совсем уж легко, как все то, чего не хочешь. Яша, опираясь на мировой литературный опыт, предпочитал женщин постарше, но не сильно, замужних, не склонных ни к романтике, ни к расчету. С ними было просто, безопасно – и без ненужных чувств. А тут, на Киевской, на стылом перроне метро, он стоял и держал за левую руку чужую девушку, опустившую, наконец-то правую руку с книжкой, и думал – куда же мне теперь? Или нам? Яша влюбился.

Как бы ни надевали на себя маски равнодушия эти мальчики – влюблялись все, и, большей частью, трагически. А какой еще она может быть, первая любовь? Все эти фразочки – «Та-ка-а-а-я герла у Стаса, офигеть!», «Старики, я вчера такую герлу снял на Плешке», «Мы вчера с моей так зажгли, просто fuck your mother...» – все они заканчивались ожидаемо – «Она трубку не берет», «Я вчера ее видел с Русланом», «Её мать запретила со мной встречаться» – и так далее. Пили, не умея пить, водку, курили до рвоты, даже вены резали – все было. Приближалась пора выпускных экзаменов, вступительных экзаменов, и, в случае неудачи – самая главная советская страшилка – армия. От нее, армии, можно было откосить, но это требовало дополнительных усилий и мастерства. И вот, когда, казалось бы, надо обо всем забыть и думать о будущем, и приходили они, соблазны. Что Яшу понесло на Молодежную? Сидел бы дома, переписывал бы Зинкины конспекты, но – нет. И вот Яша держит за руку эту девушку, и слышит только грохот вагонов метро, и понимает, что нужно хотя бы имя спросить, и понимает, что имя ему неважно, ему вообще ничего не важно – ему бы только стоять вот так, и держать эту маленькую горячую ладошку и смотреть, как разлетаются от сквозняка её волосы, как она закусывает губу, и пытаться понять, куда она смотрит. Как тебя зовут, – наконец он выдавит из себя, а она ответит просто – Магда. Магда? – Яша удивится так, что отпустит ее руку, – в натуре – Магда? Да, а что? – она потербила фенечку на запястье, – я привыкла. И это имя войдет в Яшу, поселится, и отныне и до века Магдой будет только она, единственная Яшина любовь. Магда Мигдаль, в джинсах клёш и в голубой майке тай-дай, в босоножках на пробковой платформе и с ноготками, крашеными лаком морковного цвета.

## Глава 4

Главное достоинство Магды было в её уверенности в том, что весь мир существует ради неё одной. Она не пыталась мир усовершенствовать или переделать под себя, но приспособлялась, чтобы извлечь максимум удовольствия или избежать неприятностей. В чем-то её судьба была схожей с Яшиной – «но я к отставленным щенкам – себя причислю», отец умер рано, мать занималась наукой, в ущерб всему – и себе тоже, правда, бабушки не было, никакой. Среднего роста шатенка, с чертами размытыми, с лицом, постоянно меняющимся, с глазами – какими бывают лесные озерца, с тёмной, стоячей водой, с неожиданной глубиной или, наоборот, бледнеющие, когда в них отражается небо. Чаще всего Магда была безмятежна, иногда до полной отрешённости – вот так, как тогда, в метро. Взял бы её за руку кто-то другой, не Яша – и не заметила бы. Яша стоял с Магдой в вагоне, у двери с надписью «Не прислоняться» и боковым зрением видел стены тоннеля, и ему казалось, что они мчатся внутри какого-то огромного чудовища. На «Молодежной» все было легко. Типовые пятиэтажки создавали иллюзию, что Яша идет по своему 32 кварталу Новых Черемушек, двухэтажный пивной бар тоже был типовым, и магазин Универсам был устроен точно так же. В эту типовую картинку вносила разнообразие – Магда. Правда, на Йоко Оно она была непохожа ни капли, но их пара, составленная так случайно, оказалась очень гармоничной. С 17 августа и началась новая Яшина жизнь. Успешно сданные школьные экзамены ничем ему не помогли, баллов в Бауманку он не набрал, да и сам не понимал, зачем решил поступать – именно туда. Что ты делаешь сегодня вечером, – спрашивал Яша телефонную трубку, и трубка отвечала голосом Магды, – сегодня я люблю тебя, – и Яша, составив ладони ковшиком, просил у бабушки мелочь – на метро, ссыпал ее в карман, хватал с вешалки куртку и – бежал, летел – на «Молодежную», на улицу академика Павлова, где на первом этаже такой же пятиэтажки, как Яшина, жила Магда. Он всегда влезал через окно, находя в этом особый кайф – подтягивался на руках, громыхал жестью подоконника, и буквально впадал в крошечную кухню. Им было хорошо – вдвоем. Молодость нетребовательна к антуражу, молодости безразлична еда, у молодости совсем другой – вкус.

– Откуда я знаю? Ай, ну с виду так, немочь... бледная немочь! Да, шикса, а что? А что ты еще тут найдешь? Хорошо тебе там, а как мне здесь? – бабушка говорила громко, перекрывая гул телевизора и бульканье белья в выварке. – Приезжай! А, приезжай! И не надо меня пугать и давить на мою совесть! Ты его бросила на мне, а что хочешь сейчас? Вот, и жени его там! Забери, забери! Сделай мне больно и ему невыездным! Вот ... – Яша слушал, поправлял очки и отпаривал джинсовый шов ткани, лежащей на сложенном вчетверо детском одеяльце. Такие разговоры случались раз в неделю – мама длинно перечисляла, что отправила в посылке, спрашивала, когда он уже поумнеет, на какие курсы пойдет, и чтобы телефон репетитора дал лично ей, и она будет знать, на что он тратит деньги, которые здесь, в Израиле, она, между прочим, зарабатывает, а не гребёт лопатой, как Яша в Москве... С бабушкой мама говорила про болезни и про Магду, заранее ненавидя её. Яша думать не хотел ни про институт, ни про бабушку, ни про маму – он весь был занят одной Магдой. Магда сказала то, Магда сказала это, мы вчера с Магдой, а завтра мы с Магдой... Хуже всех было Зине. Яша, пристегнутый к ней, казалось бы, навечно, спускаемый с поводка ею самой – пусть побеждает! её Яша, перекусив поводок, убежал. В Магде Зина сразу почувствовала не просто соперницу, а свою погибель, Магда просто перечеркнула Зину, перешагнула через неё и пошла дальше, а сзади побежал Яша. Неся в зубах перекушенный поводок. Если бы Яша поговорил с Зиной, повинился, раскаялся, дал бы Зине хотя бы одну минуту почувствовать прежнюю власть над ним! Но нет. Яша, завязывая узелки на принесенной Зиной в покраску майке, со смехом рассказывал, как Магда заткнула за ремешок милицейской фуражки сорванную с клумбы маргаритку, как Магда

сделала занавески, оттрафаретив фото Брежнева у микрофона и повесила их дома, как Магда выпила на спор с ним 6 кружек пива в «Пльзене». Магда была в каждом слове, в каждом жесте, и Зина понимала, что, даже если она эту Магду отравит, задушит или пристрелит – её, Зинин, Яша – никогда не забудет эту... тут Зина, краснея даже мысленно, употребляя такие слова, произнести которые язык не повернулся бы. А Магда даже не давала себе труда узнать, кто это такая – Зина? Для Магды существовала только одна женщина – она сама. А Яша, выпрашивая у Зины денег – бабушка наотрез отказалась его кредитовать, говорил, пьяный от счастья, что вот, весной они с Магдой поедут на КСП, в Шатуру, хочешь с нами, а летом мы хотим авто-стопом в Коктебель, хочешь с нами? не понимая, что каждой фразой просто – убивал верную, любящую Зинку-Карасиху.

Эйфория все длилась, они были вместе почти год, и время странно вело себя – то растягивалось, то сжималось. Яша не замечал ничего вокруг. Правда, денег стало катастрофически не хватать. Яша еще не подошел к осознанию того, что без денег даже при социализме не прожить, и наивно думал, что деньги сами по себе появятся. Были же они, когда Яша кроил и шил свои знаменитые джинсы, которые сейчас просто улетали в курортных Сочи и Геленджике, в строгом и розовом от туфа Ереване, в солнечном Тбилиси и в Прибалтийской вежливой Паланге. У Магды деньги были всегда. Крупные, мелкие, шуршащими бумажками, звенящей россыпью – были. Откуда-то приходили к ней импортные тряпки, диски, билеты в театр, абонементы на кинофестивали. Сначала Яша пользовался этим, не задумываясь, ну – есть, и есть, а потом, когда сам начал стрелять пятачки на метро, задумался. Спросить Магду об этом прямо было просто невозможно, Яша боялся её оскорбить вопросом, но время шло, и никакие хохмочки, вроде «финансовая пропасть самая глубокая, потому, что в нее можно падать всю жизнь», уже не спасали. И, вот, как-то в баре ресторана «Ядран» у Яши не нашлось денег, чтобы расплатиться, и ситуация грозила перерасти в скандал, но кто-то из компании, приобняв прохладные даже в дискотечном жаре Магдины плечи, вложил деньги в карман Яшиной куртки со словами, – старичок, ты б насчет бабок подумал, Магда у нас девушка дорогая, но кормить тебя никто не будет... Всю дорогу до «Молодежной» Яша молчал, смотрел на мелькающие за окном такси огоньки, и нехорошие мысли ворочались в его голове. На кухоньке, среди постеров с рок-группами и Магдиных плакатиков в духе «Make love, not war!» и произошел неприятный разговор.

– Откуда у тебя деньги? – Яша упирался спиной в раковину, забитую грязной посудой.

– Какая тебе разница, – Магда хлопала дверцами шкафчиков в поисках кофе, – мне дают, когда я нуждаюсь.

– А кто дает?

– Какая ТЕБЕ разница? – теперь Магда искала джеззу, – деньги, это ничто. Их вообще нет, но мир устроен так, что их меняют на то, что нужно тебе. Нужно желать меньше, и деньги не будут нужны. Совсем. Можно жить где-то, в коммуне, работать, ничего не нужно, только любовь имеет смысл, правда, Яша?

При слове «любовь» Яша дернулся, привлек к себе Магду, стиснул ее плечи:

– У тебя есть любовник, да?

– У меня есть ты, – Магда уперлась в Яшину грудь руками, – что ты хочешь знать?

– Кто у тебя есть еще? Кто? Ты моя, и я имею право это знать! Ты принадлежишь мне, понимаешь? – Яша орал, это было некрасиво, но то, что он понял, буквально ошеломило его.

– Я не принадлежу никому, – Магда оставалась абсолютно невозмутимой, – один человек не может принадлежать другому, это же так просто? Нельзя быть ничьей собственностью...

– Ты с кем-то спишь, кроме меня? Ты мне ничего не говорила! Ты мне врешь, как ты можешь? – Яша захлёбывался от своих слов, понимал, что теряет Магду, но и оставить все так же – не мог.

– Какой бред, – Магда уже сидела на подоконнике, – разве на мне остается след оттого, что я с кем-то, кроме тебя, трахаюсь? Если кто-то хочет меня любить, почему я должна ему отказать? Чем он хуже тебя? Я что, становлюсь грязной? Чего ты разорался? Что во мне может измениться? Да ты никогда и не замечал, как я живу, тебе же нужно было получить свое, и ты его – получал? Чего тебя не устраивает?

Яша вылетел из квартиры Магды, оставив дверь открытой, и пошел в сторону метро, но, вспомнив, что метро закрыто, сел на лавочку ждать утра, в надежде, что Магда одумается и побежит его искать. Разумеется, Магда никуда не побежала.

Для самоубийства нужно подходящее место. Сделать это в совмещенном санузле однушки – невозможно. Это просто – пошло. Представьте, вот, вы написали прощальное письмо, выкурили последнюю в своей жизни сигарету, взяли бритву, наполнили ванну... всё, можете вылезать, бабушка обязательно постучится и спросит, что это вы там делаете, и ей негде замочить белье или, наконец, подействовала касторка с ревенем. Второй раз вы в ту же ванну не полезете, уверяю вас. Продрогший до костей Яша, просидевший до 5 часов 30 минут утра на заплыванном пяточке около станции метро, дойдя до дома, вывернул краны и зеленоватая, со стойким запахом хлорки вода наполнила ванну. «Прощайте, Магда М., – вывел Яша квадратными крупными буквами на листке бумаги, – я не виню Вас в своей смерти, но знайте, никто не будет ... " – тут Яшина мысль встала, как вкопанная. Боже, какая пошлость, – Яша скомкал лист, – может быть, так? «Прощай Магда ...»? А запятую нужно? Или, нет – так «Magda, I need to make you see ...oh, what you mean to me...» еще более идиотская мысль! Нет, ничего не буду писать, просто по венам бритвой, и все. Или седуксена нажраться? Бабушка испугается, конечно, – мысли прыгали, – может, Зинке позвонить, чтобы она бабулю подготовила? Нет, бред, что же я трушу? – Яша стянул грязные джинсы, майку и остался в трусиках, решая – снять? Нет? Народ же придет, неудобно голым? Залез в ванну, согрелся, подбавил еще горячий, – на похоронах Магда будет плакать. Она придет, и будет стоять – одинокая, и к ней никто не подойдет, потому что будут знать, что я из-за неё! Вот, пусть мучается ... – как же Магда узнает о трагической гибели, Яша не подумал, – ну, скажет же ей кто-нибудь? На этой спасительной мысли он уснул, а вода, переливаясь через край ванны, уже вытекла на кухню, поднялся и поплыл джутовый коврик у двери, забарабанили соседи с 4 этажа, поднялся переполох – и белые плотики прощальных писемплыли, и расплывались на них черные чернила.

Из трагедии вышел пшик, да еще потемнела побелка потолка у соседей. Яша неделю лежал за шкафом, изучая узор рисунка на промасленных обоях, и всё ждал телефонного звонка от Магды. Сначала он хотел ей ответить гордо что – «Ты для меня не существуешь», потом – «Я так страдал, неужели ты не чувствовала ничего»? потом – «Прошу тебя, прости, я идиот, я измучил тебя», а потом опять – «Не звони сюда никогда, слышишь?» Все это время верная Зинка сидела в продавленном кресле, и читала ему вслух «Хитопадешу». Зин, – в конце концов сказал Яша, – давай поженимся?

Если бы Зина отказалась, у неё, в принципе, появился бы шанс – хотя бы заинтересовать Яшу. Но она – согласилась. Конечно, она спросила – а ты меня любишь? И Яша, безразличный ко всему, ответил, – конечно, – но глагол «любить» не употребил. Бабушка пожалала плечами, «делайте, что хотите, но учтите – жить у нас негде! Я в богадельню не пойду! Ждите моего конца, но не раньше!» Яшину маму Зина устраивала, потому, как подруга детства была человеком надежным. Зининым родителям было все равно, но и у них в квартире не было места. Надвигалось лето с экзаменами, провалив которые, Яша прямиком мог отправиться в армию. Зина готовилась в Текстильный, и не знала, чего ей хочется больше – поступить, или выйти замуж? Безразличный Яша честно отправился в Грибоедовский ЗАГС, где было помпезно и расписывали иностранцев, и согласился на какое-то летнее число, в самое неудобное

время, в будний день. Зина выразила желание стать Измайловой, и, получив книжечку с колечками на обложке, успокоилась совершенно. Бабушка стеснила Наталью Генриховну в «Заветах Ильича» на всё лето, и Зина переехала к Яше. Днем всё было ничего – Зина жарила яичницу, варила кофе, ставила цветочки в вазочки, стирала какие-то маечки и носочки, рисовала, разложив на полу ватманские листы, бегала в магазин за хлебом и молоком, тормошила Яшу, сажала его за учебники, вежливо говорила с Яшиной мамой по телефону – примеряла на себя роль жены, и была счастлива, но не совсем уверена в себе. К ночи все менялось. Нужно было идти и ложиться в одну кровать, точнее, на диван. Узкий, раздвигающийся в длину диван. Диван был ужасен. Жёсткий, на хлипких ножках. Но дело было не в диване, просто Яша не хотел Зину. Как только он закрывал глаза, он видел глаза Магды, полуприкрытые тонкими веками, видел тень от ресниц, переносицу с крошечной отметкой-оспинкой, его пальцы обводили губы Зины и их рисунок не совпадал с губами Магды. И запах был не тот. И смех. И не те плечи, и не та грудь – вместо Рахили ему подсунули – Лию. Яше было неловко, ему было даже стыдно, да еще и Зина утешала его, словно ребенка, «да ладно, Яш, ну, ты не переживай, все наладится, я же понимаю...» И они просто стали спать врозь, Зина взбила подушки на бабушкиной кровати и сопела, счастливая, а, просыпаясь рано утром, слушала птичий щебет в кроне тополя, и гул троллейбусов на сонной улице.

Пока Зина бегала на экзамены, Яша ездил на Молодежную, желая только одного – не встретить Магду, точнее – встретить, или встретить так, чтобы она его не увидела – но Магды не было. Закрыты были окна ее квартиры, и телефон ее не отвечал, и некого было спросить о ней. Бабушка решила, а Яша подчинился, и опять пошел сдавать экзамены в Бауманку, как будто забыв о прошлогоднем провале. Как ни странно, экзамены он сдал, и был этим поражен совершенно, потому как не хотел там учиться, и не понимал, зачем туда поступает. Впрочем, для поступления ему не хватило баллов. Упорная Зина поступила в Текстильный имени Косыгина, на проектирование, и была в таком безумном восторге, что отодвинула Яшу на второй план. До свадьбы оставалось всего ничего, и Зина уже кроила себе свадебное платье и шила Яше костюм, покалывая его булавками при примерке, как вдруг в дверь позвонили.

## Глава 5

Яша, как и был – в джинсовых шортиках и смётанной на булавках выкройке джинсового пиджака, распахнул дверь. Подпирая притолоку, стоял какой-то странный, словно развинченный тип. Измайлов, ты? – спросил он. Я, а что? – Яша снял очки, словно ожидая удара по лицу. На, записка тебе, – тип наколол записочку о булавку, торчащую в Яшином плече и ссыпался по лестнице. Яш, – крикнула Зина, – кто там? Зови? Да ушёл уже, – Яша снял с плеча записочку, развернул, увидел Магдин косой, узкий почерк – «Приезжай быстро, я умираю, Татарская улица...» и адрес. Это был адрес старой квартиры семьи Измайловых. Яша прочел, и ничего не понял. Прочел еще раз, но буквы то сливались в одну линию, то вовсе исчезали. Подошла Зина, выдернула бумажку – это от кого? Кто это умирает? Ведьма твоя? Туда ей и дорога, – Зина разорвала записочку и сдула её обрывки с ладони, – все, Яш, твоя Магда – в прошлом, понимаешь? Ты – мой муж, и ты принадлежишь мне! МНЕ! Ты понял? Мой, Яша! – Зина колотила его кулачками в грудь. Яша слышал Зину как будто сквозь наушники – бу-бу, бу-бу, но совершенно не понимал, о чем она говорит. Мне нужно ехать, – он оттолкнул от себя Зину, – уйди, я прошу тебя. Ему казалось, что все происходит очень медленно, а на самом деле он бегал по комнате, не понимая, что нужно просто выйти из квартиры. Зина, которая соображала куда лучше, чем Яша, боднула его головой в живот, – не пущу! Не уйдешь, ты сволочь, я тебя никуда не пущу, Яшка, я прошу тебя! Яша, она не нужна тебе, не нужна, это я тебя люблю, Яша... Она хватала его за ноги, и орала так, что уже начали стучать в стенку соседи. Яша пнул её ногой, сорвал с себя остатки сметанного пиджака, и ушел. Поймать ночью такси непросто, и он тормознул «Скорую», с молодым пьяненьким медбратом и спящим в кабине фельдшером, и долетел до своего Замоскворечья буквально – пулей. Запах родного с детства подъезда успокоил Яшу мгновенно, он вдруг почувствовал себя мальчишкой, избегающим по лестнице, чтобы выпросить у матери мелочь на квас или на аптечный гематоген. Все осталось таким же, как и было – та же шахта лифта, с забившимся в проволочную сетку серым тополиным пухом, те же таблички с номерами квартир, даже почтовые ящики – те же. Дверь в квартиру была открыта, слышны были шаги, громкие голоса, кто-то колотил в дверь, кричали, – «Открой, гадина, сейчас милицию вызову», Яша ввинтился в толпу, и нажал на дверь как раз в тот момент, когда её открыли изнутри. Дверь открыл тот же самый тип, и Яша успел подумать, как это так, что он добрался быстрее него, но думать было некогда – на тахте в ворохах красных тряпок лежала абсолютно белая Магда, его Магда, с закрытыми глазами и даже не стонала, а вздыхала серыми губами тяжело и жалобно, – мам-м-ма, мамм-ма... Дальше все произошло очень быстро – Яша вылетел назад, в коридор, оттолкнул кого-то стоявшего у телефона, вырвал трубку, крутанул диск «03», – Скорая? Умирает, Магда Мигдаль, 20 лет, кровяшка кругом, кругом кровь, улица Татарская... Яша Измайлов, муж. По-моему, её убили – проямлил он, теряя сознание.

С 14-й подстанции в 5-м Монетчиковом «Скорая» буквально прилетела, но вот же, ирония судьбы – бригада была та же, с которой ехал Яша. Не считая нужным даже выгнать столпившихся в комнате жильцов коммуналки, сумевший протрезветь фельдшер сказал только одну фразу, – криминальный, на Павелецкую. Мужик, – обратился он к синему от страха Яше, – ты, что, муж? Муж, муж, – Яша уверенно закивал головой и даже зачем-то погладил холодный Магдин лоб. – Ну, муж, тогда неси, – и Магду вынесли в том же положении – как и лежала, подстелив под нее для верности тканевое одеяло.

В карете «Скорой» Яша даже не успел изумиться равнодушию бригады – он, волея-неволей отсмотревший огромное количество советских фильмов, в которых врачи буквально зубами вырывали больного из лап Смерти, не мог понять, почему они шутят так грязно

и не делают ничего, чтобы спасти Магду? Понимая свое зависимое положение, Яша молчал и только смотрел на приподнимающие тряпье странно безжизненные Магдины ноги, и на такую неуместную здесь фенечку на её щиколотке. В больнице все происходило бесконечно долго, как будто все сговорились бросить Магду умирать здесь. Не могли, или не хотели найти дежурного врача, долго заполняли бумаги, а так как паспорта ни у Магды, ни у Яши, не было, оформляли Магду как «неизвестную, со слов». Магда уже не стонала, дышала тяжело, и на каждом вздохе Яша думал, что этот вздох – последний. Пахло кровью и чем-то еще, приторным, неуловимым, но страшным. Яшу охватило отчаяние. Обшарпанный приемный покой 56-й больницы, дырявый линолеум, подсохшие коричневые пятна на нем, какие-то жуткие крики – и полное не просто равнодушие, а какое-то садистское удовольствие персонала, наблюдавшего за муками свозимых сюда со всей Москвы женщин – пожалуй, это впечатление останется в Яшиной жизни самым тошнотворным. Только к утру Магду поглотил грузовой лифт с круглыми окошечками-иллюминаторами, и толстая неряшливая нянька в спущенном чулке увезла Магду – в неизвестность. Первые сутки Яша просидел на скамеечке в чахлом больничном скверике, курил, и тарашил глаза, чтобы не заснуть, сидя. Как назло, сидевшие рядом на скамейке рассказывали жуткие истории, да еще с такими подробностями, что его, не спавшего вторую ночь, голодного, промерзшего до костей, курящего сигареты одну за другой – тошнило. В справочной говорить отказывались, и он все пытался пробиться к замотанной расспросами пожилой бабине, державшей у уха телефонную трубку, а она захлопывала перед его носом стеклянное окошечко и крашенная белой масляной краской щеколда нервно вздрагивала. К вечеру следующего дня Яша понял, что ничего не добьется, и поехал домой.

Зина, как только Яша полетел к Магде, совершенно успокоилась и сказала себе, что ничего страшного не произошло, и что это нормально – бежать спасать свою БЫВШУЮ – это слово она выделила большими буквами, любовь. Подумаешь, ну, может быть, она сломала ногу? Или руку? Или ударилась головой? Все бывает. Съездит, поноет около нее, и вернется. И даже она, Зина, может с ним поехать – женщина женщину всегда поймет! Да, и как можно бояться БЫВШЕЙ соперницы, когда, вот – бумажка, вот, день и час – и узаконенное счастье до конца жизни. Зинаида Измайлова, – Зина вздохнула, – классно звучит! Куда как лучше, чем Карасик? На второй день Яша не вернулся. Тут уже Зина забеспокоилась, вспомнила записочку. В записочке был адрес. Название улицы Зина запомнила, это был адрес старой Яшкиной квартиры, а вот, номер дома – нет. Сама разорванная на клочки записочка давно уже ехала на мусорную свалку. Зина приняла самое неверное решение – ехать на Татарскую улицу. С Яшей они разминутись.

Дома Яша упал на свой диван и проспал двое суток. Он не слышал, как вернулась Зина, прочесавшая всю Татарскую улицу и нашедшая, наконец, дом, в который приезжал Яша. Словоохотливые старушки у подъезда, скучающие мамы с колясками, редкие в дневные часы собачники – информацию можно было найти о чем угодно. Зина не отнеслась всерьез к словам Магды на бумажке «Я умираю», нет, она решила, что это просто тонкий ход, чтобы завлечь Яшу. И расспрашивала она всех о своей подруге, с которой поступала в институт, вот, она, подруга-то, решила, что не поступила, а ее приняли на свободное место, а адрес в деканате она дала по прописке, а где-то здесь живет, комнату, наверное, сняла? Подруга такая красивая (на этих словах Зину окатывала жаркая волна ненависти), да вы б сразу поняли, о ком я! Ну, да, невысокого роста, да, волосы длинные, бледненькая она, как же – сколько готовилась... и во втором же дворе узнала все, что нужно. Магда в больнице, и душераздирающие подробности, типа «кровищи было, жуть», и «милиция приезжала, всех опрашивала» – были Зиной получены. Оставалось все это систематизировать и начать действовать. В справочной 56-й больницы Зине повезло гораздо больше, чем Яше. Подложив шоколадку в окошечко, она, захлебываясь слезами, заголосила о «лучшей подруге» и узнала, что состояние Мигдаль тяже-

лое, сепсис, температура 40, и вообще – «вот-вот помрёт». Что ж ты подругу-то не уберегла, – тётка даже расчувствовалась, – небось, по мужикам вместе бегали! Головой надо думать, а не... этим местом! – и закрыла окошечко. Если бы она увидела радость, озарившую Зинино лицо, она бы добавила пару слов о мрачных перспективах Магды на выздоровление. Вернувшись, успокоенная, дома у Яши Зина ходила на цыпочках, размышляя, как извлечь пользу для себя из этой ситуации. В то, что соперница навсегда покинет этот свет, Зина не верила, как не верят в это в молодости, а вот, в то, что она утратит красоту и будет вообще «чёрт те что», Зина верила. Зачем Яше какая-то больная, когда есть она, Зина, здоровая? Зина решила даже сходить вместе с Яшей – навестить Магду в больнице. Проявить великодушие и унижить соперницу – одновременно. Когда Яша проснулся, он мрачно посмотрел на Зину и спросил, – а ты чего тут делаешь? Зина удивилась, и ответила, что, вообще-то, у них свадьба через две недели, если он не забыл? Яша сказал, что свадьбы не будет, что он любит Магду, а Зина может собирать свой хлам – он так и сказал «хлам», и мотать отсюда. А он, Яша, никого никогда так не любил, как Магду. И ребенок, которого она потеряла, был от него, Яши, и, значит, он во всем и виноват. Поворот был настолько неожиданным, что Зине даже не пришлось в голову то, что Яша не встречался с Магдой уже несколько месяцев.

Зина решила с Яшей не спорить, и ушла. Но не совсем. Сначала демонстративно долго собирала свои эскизы, складывала их в папки, папки завязывала на тесемочки и ставила аккуратно – одну к другой. Собирала булавки, вынимая их из патронок, и накалывала – на смешную подушечку в форме зайчика. Выходило, что зайчик весь истыкан булавками, как ёжик. Зина думала, не подпустить бы слезу, но не знала наверняка, разжалобит это Яшу, или разозлит. Долго еще? – Яша все еще был похож на Джона Леннона, – помочь? Зина попробовала проявить характер, села на венский стул, лицом к спинке, и показала Яше фигу. Никуда не уйду, – сказала она спокойно, – те перебесишься, успокоишься, и все пойдет, как и было раньше. Ты что, не понимаешь, что она просто тебя использует? Чего ей надо от тебя? – Зина заводилась, и голос ее звучал крещендо, – да ты знаешь, с кем она трахалась? Ты-то откуда знаешь? С чего это ты решил, что это был ТВОЙ ребенок? Я-то, вот вообще... ты со мной ни разу... а с этой! – тут Зина назвала Магду так, как называют соперниц жёны. – С этой... у тебя все получалось! – Яша ударил Зину. Пощёчина была такой силы, что Зина едва не упала со стула. Ну, все, Измайлов, – произнесла она раздельно и твердо через разбитую губу, – все, гад. Этого я тебе не прощу.

После ухода Зины Яша успокоился совершенно, попытался еще и еще раз дозвониться в справочную больницы, бросил в раздражении трубку, пнул стоящий на полу телефон, подошел к шкафу в поисках рубашки, и тут позвонили. Решив, что это Зина вернулась за вещами, Яша подошел к двери, и распахнул ее со словами, – ты че, решила меня достать? На пороге стоял человек в милицейской форме. Измайлов? Яков Васильевич? Я к вам, собственно.

– Ко мне? – Яша изумился. Милиция не имела к нему, к Яше, никакого отношения. Ладно бы, гэ бэ, это хоть понятно, но милиция? К тебе, – милиционер уже сидел на кухне, и стопка разграфленных листков лежала перед ним на кухонном столе. Так, имя, фамилия, место проживания, паспортные данные. Яша поправил очки, вынул сигарету из пачки. Не курить! – рявкнул милиционер, и Яша бросил пачку на подоконник. Заполнив все строчки, лейтенант изучил паспорт, несколько раз переспросил, «где проживает мать», " а Аш-ке-лон, это где? Израиль???", «где проживает отец» и, наконец, приступил к главному. Вопросы шли один за другим. Знаком ли с Магдаленой Михайловной Мигдаль, где, когда, при каких обстоятельствах? Когда встречался в последний раз? При каких обстоятельствах? Как может охарактеризовать? Где она работает? А где сам, Измайлов, работаешь? Временно не работающий, понятно, понятно, – он строчил корявенькими буквами, переворачивал листы, а Яша, морщась от напряжения, листки подписывал, с обеих сторон. К чему вся эта фигня, – думал про себя Яша, – мы с Магдой давно ничего «такого» не выкидывали, фуражку как-то с милиционера

сняли, но это было прошлым летом? Магда еще жезл выпросила у экипажа ГАИ, было дело, она на спор тогда разделась... на смотровой площадке на Воробьевых, Яша дико ревновал, но компания была из «посольских», из мгимошных – и промолчал. Они потом этой палкой махали, таксистов тормозили... из-за этого, что ли? Яша все пытался сказать милиционеру, что Магда в больнице сейчас, и, причем тут – где работает? Правда, он с удивлением узнал, что Магда, оказывается, работает в театре реквизитором. Слово было непонятным, но театр был известным – «На Юго-Западе». Наконец, с писаниной было покончено, и милиционер спросил Яшу в лоб – ты, когда оформлял гражданку Мигдаль в больницу по «Скорой помощи», дал сведения, что ты её муж. Так? Так, – кивнул Яша, – а иначе бы они не приехали, наверное. Ты сожительствуешь с гражданкой Мигдаль? – милиционер смотрел Яше в переносицу. Я – чего? – Яша изумился, – в смысле, это как? Милиционер разъяснил настолько подробно, что Яша замахнулся – дать в лоб. Но-но, Измайлов! – милиционер снял фуражку. По лбу прошел розовый рубец от околыша. – Голову включи, сейчас срок себе увеличишь дальше некуда. Значит, ты утверждаешь, что состоял в интимной связи с гражданкой Мигдаль, сдал её по «Скорой помощи» в 56-ю больницу, в больнице регулярно наводил справки о состоянии её здоровья. Короче, Измайлов, ты попал. Я не понял? – Яше стало страшно, хотя он и не понимал ничего. Поймешь, – лейтенант дописал дату на повестке, – вот, явишься к нам, в 134-е отделение. У твоей сожительницы был произведен криминальный аборт, – милиционер поморщился, – ну, и она показала, что это ты ей помог. От ребенка избавиться. А это, Измайлов, статья уголовного кодекса. До двух лет. А помрёт она – так и восемь. Жди теперь.

Когда милиционер, наконец, закончил писать, и, подчеркнуто холодно попрощался, Яша впал в панику. Сообразить, что нужно делать, он не мог. Никакого опыта общения со следователями у него не было, а все, что он знал о милиции – это были фильмы, фраза «сержант с собакой на выход» и загадочное – «пробей по базе». Тюрьму он себе представлял довольно живо – глухая стена, зарешеченные окошки, часовой на вышке и утрюмые уголовники на нарах. Посоветоваться было не с кем. От страха за себя он забыл про Магду, попытался успокоиться, позвонил пару раз в справочную, еще больше перепугался оттого, что там никто не брал трубку, и опять поехал в больницу. От метро Павелецкая шел автобус, и Яша, сжавшись в комочек, сидел у окна, и думал об одном – что теперь делать? Бежать? Куда? У него не было денег. Внезапно он со злостью вспомнил о матери, которая наслаждается жизнью в далеком Израиле, где уж, наверное, получше, чем в Союзе! Бросила меня, – Яша забыл о том, что ему исполнилось 18 лет, – без денег, пожрать купить не на что, бабушка уехала, меня в тюрьму посадят, а ей дела нет! Яше не приходило в голову, что в Израиле в 18 лет он сам бы зарабатывал себе на жизнь и уже служил бы в ЦАХАЛ, в условиях, близких к боевым.

В справочной сидела новая тетка, еще злее прежней, на Яшин вопрос ответила, не глядя в сводки, что Мигдаль тяжелая в реанимации, и больше справок не даем. И снова Яша ходил вокруг здания больницы, пытаясь по какому-то движению в окнах понять, не это ли палата Магды, и даже надеясь, что она подойдет к окну и будет, как те вон, женщины в байковых тусклых халатах, бросать вниз записочки. Как выглядит реанимация, Яша совершенно не мог себе вообразить. К вечеру небо посерело, пошел дождь, и Яша опять продрог, и страшно захотелось выпить. В рюмочной он взял водки, которую терпеть не мог, бутерброды, и сел у окна – смотреть на дождь, лужи, и мокрых прохожих. От водки стало тепло, даже жарко, начало клонить в сон, и Яша уснул, сидя. Разбудил его чей-то осторожный вопрос, – не занято? Спрашивал мужчина лет тридцати, одетый в строгий костюм, при галстукке и дорогих часах. Не занято? – повторил он вопрос, и Яша кивнул – садитесь, свободно. Мужчина тут же представился – Борис Эдуардович, простите, что побеспокоил.

Конечно же, сама судьба послала Бориса Эдуардовича, не иначе. Борис Логинов был юристом. В простой юридической консультации, что не мешало ему возвращаться в самых изыскан-

ных кругах. Через полчаса они уже были на «ты», а через час решили продолжить вечер в более приличном месте.

Боря Логинов попросил называть его «Боб», выдал с десятков анекдотов, с матерком, но тонких, на «ценителя», и вообще – моментально успел стать своим в доску. Вечер приятели закончили на Яшиной квартире, под коньяк «Martell» и сырые яйца. Яйца, собственно, их развеселили больше всего. Разве французы до такого додумаются? – хохотал Яша, аккуратно разбивая яйцо в чашку, – запатентуем? А м-м-м, – отвечал Боб, не в силах выговорить от смеха ничего больше. Пока они мотались по Москве, проходя без очереди в рестораны – Яша поражался тому, как меняются в лице швейцары, видя раскрытую бордовую книжечку, – Боб объяснил ему, что у ментов ничего не может быть на Яшу, они его берут на понт и всячески «прессуют». Узнав, что Яша в то время, когда Магда избавлялась от беременности, был дома с Зиной, Боб скривил губы и сказал уверенно – старик, так у тебя алиби! Сто процентов! Пусть Зина твоя даст показания, и все! Все! Ты чист! И мы махнем на бархатный сезон в Коктебель. Кстати, хочешь, я тебе достану суперские джинсы? Мне один кент возит, из Грузии, во, – и Боб, повернувшись к Яше спиной, продемонстрировал ему лейбл от «YASHA – jeans» ... Тут же родилось предложение вернуть производство в Москву, так как у Бори, разумеется, везде были связи. Оставив в покое джинсы, перешли на андеграунд, потом на чувих, тёлоч и прочих «гёрлз», а уж дальше говорили обо всем подряд, находя всё больше и больше общих точек.

Логинов уснул, не раздеваясь, на бабушкиной кровати, а Яша, мучаясь бессонницей и тяжёлым похмельем, вытащил зачем-то коробки с кирпичиками, и, неожиданно быстро и ловко сложил домик. Домик оказался зданием тюрьмы, и даже в окошечках стояли решетки, сплетенные из обычных канцелярских скрепок.

Явившись по повестке на допрос, Яша снисходительно сообщил следователю, что у него есть алиби.

– Какое, – следователь прикусил колпачок ручки, – интересно узнать.

– А вот, – Яша посмотрел на следователя, – я все эти дни был с Зинаидой Карасик, можете ее спросить.

– Надо будет, спросим.

– Спросите, спросите.

– Кем приходится Зинаида Карасик? – следователь почиркал на бумажке, – адрес, телефон?

– А! – Яша очнулся, – мы же 17 августа расписываемся! Невеста! Как же я забыл! Точно, она мне еще пиджак к свадьбе шила, – Яша испытал такое облегчение, что был готов расцеловать следователя.

Если Яша испытал облегчение, то следователь, напротив, весь подсобрался и сделал стойку.

– Во как! – он прикусил колпачок и тот треснул, – во! Как это, Яков Васильевич? Это ж меняет дело! В корне меняет!

– Да, да, – Яша закивал, – я вам об этом и говорю! Как я, главное, забыл-то? Вот, Зину вызовите, и все, фигня вопрос, как говорится.

– Ты резвый какой! – следователь всадил кулак в столешницу так, что вздрогнул бюст Дзержинского на сейфе, – ты меня учить будешь? Это я тебя поучу! Ты ситуацию просекаешь? Хиппи волосатый! Ты тунеядец! – на каждой фразе следователь бухал кулаком по столу, – анти-советчик! Фарца! Ты дал показания, что сожительствоешь с Мигдаль, а в это время регистрируешь отношения с Карасик! Двоеженец? Вот, почему ты криминальный аборт сделал ей! Она тебе мешала? Или ты в сговоре с Карасик? Вдвоём? Ну, ты попал... все, попал конкретно! —

Следователь закурил и пустил дым в Яшу. Яша, совершенно не ожидая, что его ситуацию можно перевернуть подобным образом, сидел ни живой, ни мертвый. Это конец, – быстро пронеслось в Яшиной голове.

## Глава 6

– А Зина дома? – глупо спросил Яша у предполагаемой тещи. Валерия Викторовна все уже знала о ссоре, но приняла неосведомленный вид.

– Зиночка в институте, Яшенька, проходите. Чаю? Вы за кольцами когда собираетесь? И списка гостей нет! А что, бабушка ваша, Яша? И мама? Прилетит? Яша, вы простите, но времени всего ничего, а нужно достать продукты, вы же понимаете? У вас же есть талоны на продуктовый заказ?

– Да-да, понимаю, – Яша выскользнул из прихожей, – я вечером тогда зайду, можно?

До темноты он ждал Зину на лавочке у соседнего подъезда. Зина приехала поздно, выглядела усталой, домой не пригласила. Разговаривали они на лестничной клетке, между 3 и 4 этажами.

– Зин, у меня беда.

– В курсе.

– Мне нужна твоя помощь, Зина.

– Прости, Измайлов, это – не ко мне. – Зина за эти дни осунулась, но, как ни странно, ей это очень шло. – Мы с тобой теперь друг другу никто. – Зин, – Яша потянул Зину за руку, – Зин, помоги, а?

– Яш, скажи честно – ты меня любишь? – Зина мотнула головой, и косички, в которые были вплетены шнуры и бисеринки, описали полукруг. – Честно скажи. Хоть раз в жизни...

Яша, понимая, что правду говорить нельзя, а врать опасно, взял в ладони Зинино лицо и поцеловал ее в губы.

– Зин, конечно, люблю, ты же мне больше, чем друг, пойми.

– Ну, да. Друг. А на друзьях не женятся, так, Яша?!

– Нет, Зин, свадьбу никто не отменял, ты что! Я вот, к маме твоей заходил, там нужно насчет гостей, давай обсудим, что и как?

– Не будет никакой свадьбы, Яша. Говори, что тебе от меня нужно?

Яша, сбиваясь, не решаясь поднять глаза на Зину, описал ситуацию и попросил Зину сказать следователю, что она была все это время с ним.

– Не буду я этого говорить, Яша. – Зина подвинула ногой этюдник, и он противно скрежетнул по кафельному полу, – не буду.

– Но ты же знаешь, что я был с тобой все время, Зин, я же не прошу тебя врать? Меня же посадят!

– А мне какое дело? Впрочем, фингал еще видно, – Зина сняла очки, – вот, его можно показать, да, Яша? Ты даже не извинился, и имеешь наглость прийти и просить меня, чтобы я тебя защищала! Иди к своей... Магде, это теперь – ее проблемы! – И Зина буквально взлетела на свой этаж и вдавила кнопку звонка.

В унылом коридоре 134-го отделения милиции было многолюдно. Пятнадцатисуточники мыли полы, елозя по ним грязной тряпкой, взад-вперед ходили одетые в серую форму милиционеры, кого-то вели на допрос, кто-то, испуганно прижимаясь к окошку дежурного, писал заявление – был самый час пик. Яша переминался с ноги на ногу, нервничал так, что все время хотел курить, смотрел на табло, на котором мигали минуты, и мысленно прощался с жизнью.

– Измайлов, – крикнули через закрытую дверь, – заходи.

Следователь, торжествуя, вынул из тумбы стола пухлую папку, со вкусом раскрыл её, начал просматривать исписанные им самим листки. Время шло.

– Ну, где свидетельница твоя, а, Измайлов?

– Придёт, – неуверенно просипел Яша.

– Посмотрим, – следователь стал что-то вписывать в разлинованный лист, – ну, за неяв-  
ной свидетеля... и тут вошла Зина. Где она откопала этот явно театральный костюм, Яша  
так и не понял. На Зине было длинная белая юбка, блузка с защипами и крохотными пугов-  
ками, легкая прорезная тальма и изящная соломенная шляпка с вуалеткой. Кружевной зонтик,  
митенки и сумочка. Зина с преувеличенной грациозностью уселась на стул, похлопала реснич-  
ками и приготовилась слушать. Следователь закашлялся и совершенно растерялся – ситуация  
вышла совершенно комическая.

– Чего это ты так вырядилась? – следователь краснел и вертел шеей, – тебе чего тут, цирк?

– Я только что со съемок, – Зина была сама любезность, – в фильме играю. По Чехову.  
Три сестры, слышали?

– У себя там умничать будешь. – На столе появился новый листок. В него следователь  
внёс Зинины фамилию, имя, отчество, паспортные данные. Кабинет постепенно наполнялся  
любопытствующими. Заходили, рассматривали Зину, переглядывались. – Так, Зинаида Кара-  
сик, подтверждаете ли вы, что подозреваемый Яков Измайлов находился с вами в такие-то  
числа августа месяца? – На этих словах Яша замер, и закрыл лицо ладонями.

– Да, – спокойно сказала Зина, – подтверждаю. – Яша охнул и открыл рот.

– Так, – протянул следователь, – странно.

– А что странного? – удивилась Зина, – у нас скоро сочетание законным браком. В Гри-  
боедовском ЗАГСе, между прочим.

– Ну, так ты того, лицо заинтересованное! Больше никто не подтвердит!

– Почему же? – Зина была сама кротость, – мои родители, бабушка, брат. Мы к свадьбе  
готовимся, дел по горло. Соседи, кстати. Мы так громко музыку включили, они хотели мили-  
цию вызывать, приходили к нам ругаться. А в чем дело-то?

– А ваш жених показал, что он муж потерпевшей Магды Мигдаль, тебя это не удивляет?  
Вот, со Скорой помощи у нас есть насчет вызова. Как же так? На двух разом женился? – сле-  
дователь заржал.

– Это я его попросила так сказать. Магда моя подруга, с детства. Я попросила Яшку  
съездить, я сама ужас как боюсь всего такого, да и мне скоро уж самой рожать, – Зина погладила  
маленький животик. – Давайте, где надо подпишем, и мы пойдем, у меня съемки, там сам  
Бондарчук меня ждет, нормально?

На улице Яша, еще не в силах прийти в себя, хватался то за голову, то хлопал себя по кар-  
манам в поисках сигарет:

– Зин, ну ты, ты человек, Зинка! Я не ожидал, Зин! Спасибо тебе, Зин, ты мне жизнь  
спасла, я... пойдем, отметим, а? Я офигел, как ты это классно! Что я тебе должен Зинуль?

– Мне? – Зина сняла митенки, – ничего. Я не ради тебя это сделала. Ради мамы твоей  
и бабушки. Ради тебя я и пальцем не шевельну. Прощай, Измайлов, не сдохни от счастья.

Яша вышел на Профсоюзную улицу. Настроение у него было, как у человека, голову  
которого просунули в петлю, а он стоит, и ждет, когда вышибут из-под ног табурет – и проща-  
ется с жизнью, а тут его хлопают по плечу, петлю снимают, и говорят, – прости, мужик, мы  
пошутили, ты свободен. К пивному ларьку была очередь, стоять было, как говорили Яшины  
друзья, «без мазы», но хотелось выпить, просто, чтобы обозначить радость свободы. Купив  
бутылку дешевого портвейна, Яша скovyрнул с нее ключом пластиковую пробку, предвари-  
тельно погрев её зажигалкой. Он сидел на скамейке, под огромным старым и уродливым пыль-  
ным тополем и пил портвейн из горлышка. Ему было так хорошо, что хотелось обнять весь  
мир. Вся эта дурацкая история разрешилась неожиданно благополучно, да еще и не надо было  
теперь жениться на Зине – Яша даже помотал головой, представив себя в ЗАГСе. Когда порт-  
вейн согрел и расслабил Яшу, он вдруг вспомнил, что есть еще и Магда! А где же Магда,  
он совсем забыл о ней, а вдруг она – умерла... Хмель исчез, появилось сосущее чувство под

ложечкой, Яшу снова затошнило от страха. Нет-нет, – отогнал он от себя эту мысль, – если бы что-то случилось, меня бы не отпустили. Наверное, ее скоро выпишут, – и Яша, лавируя между прохожими, заспешил к метро.

Около больницы, казалось, ничего не поменялось. Все те же озабоченные родственники, равнодушный персонал, грубость. Зрелище чужой боли притупляло свою, но Яша уже стоял в хвосте очереди в «Справочную».

– Мигалова? – переспросила дежурная. – Марина?

– Нет, – Яша старался не дышать в окошко, – Магда. Мигдаль.

Дежурная перелистала тетрадку, – а нету такой. Почему я знаю, где она? Тебе надо, ты и ищи.

Дверь в квартиру Магды на улице Академика Павлова никто не открыл. Яша стоял, звонил, стучал кулаком, стучал ногой, пока не высунулась взлохмаченная голова из квартиры напротив:

– Чего долбишь? Нет здесь твоей шалавы, давно нет. Хоть пожили спокойно! Хоть бы она издохла где! – и дверь с шумом захлопнулась.

До Татарской улицы Яша добрался уже к вечеру. Нырнул в арку своего дома, встал, задрал голову, словно рассматривая ночное московское небо. Дом, образовавший колодец, обнимал собой крошечный двор, в котором так и росло знакомое Яше с детства дерево. Яша прислонился к стволу вяза и стал мысленно путешествовать по квартирам дома – вот, тут жили Хамидуллины, огромная семья, отец и мать были дворниками, занимали полуподвальное помещение, а Яша всегда бегал к ним за крупной серой солью, которой тетя Диля посыпала лёд. А вот окно Решетниковых, у них была огромная собака овчарка, которая спала на балконе и отчаянно лаяла, если кто-то выбегал во двор. А вот там жила тетя Галя, машинистка, которая отдавала маленькому Яше испорченные листки для рисования, а вот там жили сестры Зайончковские, старшая была пианисткой, а младшая пела под ее аккомпанемент в кинотеатре «Победа», а там... а там вдруг показался знакомый профиль. Со двора было видно, что в комнате полутьма, но что-то вспыхивает в такт ритму – как будто лампочки на елке. В тишине двора Яша услышал Магдин смех, и слова «Свэн, сделай потише...» Задержали штору, и музыка стала слышна еще более явственно, и что-то звякнуло, будто упал, но не разбился стакан.

## Глава 7

Три коротких – никто не открыл, четыре коротких – шаркающие шаги, грохот дверной цепочки, вопрошающий глаз в вертикальной щели.

– Теть Маш, это я, Яша. Яша, Измайлов? Помните?

– Проходи, – соседка, тётя Маша Севрюгова, полжизни прослужившая в Бутырках надзирательницей, редкая сволочь, но баба к своим жалостливая, пропустила Яшу в коридор. – Не узнать, – тётя Маша потыкала в Яшу пальцем, – пришёл, чего? К этой? – тётя Маша употребила словцо, которое меньше всего подходило к Магде. – Целыми днями, проходной двор, все ходят и ходят. Дура твоя мать, и дура бабка. Надо было тебя в детдом сдать. Безотцовщина горькая, – тётя Маша толкнула локтем дверь своей комнаты, – небось бы не шлялся по всяким... и имя то, прости Господи, Магда? Рази ж так нормальную девку назовут?

Яша постоял перед дверью, за которой набухала незнакомая музыка, погладил зачем-то дверную филенку, и пальцы сами нашли щербинки от самодельных «пулек» – за эти следы он был порот отцом, и вдруг накатило, да так, что стало невозможно дышать, и Яша толкнул дверь, и вошел в комнату. Дым, наполнявший комнату, внизу был плотным, а сверху, под потолком – почти невесомым. Мигали огоньки ёлочных гирлянд, развешанных хаотично, и это создавало впечатление звездного неба – такого, детского, веселого неба. Пока Яшины глаза привыкали к темноте, из смежной комнаты вышла Магда, в коротенькой рубашечке и цветастой юбке до полу. Чудесные Магдины волосы исчезли – она была острижена коротко, как мальчишка, но это ей, несомненно, шло. Похудевшая за время болезни, она казалась совсем подростком. Яша прижал Магду к себе, узнал знакомый её запах, провел ладонью по затылку, тронул тонкие кольца сережек. Магда моя, – в эту минуту он любил её, как никогда, – Магда моя... я искал тебя, я так переживал, я не знал, что с тобой! Я с ума сходил! Что ты все – «я», да «я», – Магда вдруг резко нажала на переносицу Яше так, что едва не лопнула оправа, – Джон Леннон хренов... какого черта ты ментов привел? Зачем ты меня сдал в больницу? Я просила? Меня чуть не посадили из-за тебя! – Яша хотел сказать, что это его чуть не посадили из-за нее, Магды, и чем это он виноват, интересно, но, вместо этого стал оправдываться, что она сама его позвала, а он, как увидел, что с ней, растерялся, а что надо было делать? Что? Да ничего, – Магда сделала шаг назад, наступила на подол юбки, и юбка съехав с ее талии, обнажила бедра. – Что смотришь? – внизу живота виднелся огромный страшный рубец, – интересно? Магда сузила глаза, и Яша понял, что она пьяна, или одурманена, и, оглянувшись по сторонам, различил несколько фигур – кто-то сидел в кресле, кто-то лежал на том самом топчане, с которого забрали Магду – в больницу. Можно, я останусь, – спросил Яша, и Магда, дернув плечами, ответила – флэт не мой, мне-то что?

Яша остался – и, как будто, вернулся в детство. Две смежные комнаты, казалось, сохранили отпечатки его жизни, хотя мебель была чужой, и исчезло всё, населявшее его детский мир – мамина ножная швейная машинка с восхитительными выдвижными ящичками, полными цветных катушек, холодных металлических шпудлек, мелков, булавок с разноцветными головками; встроенный шкаф, потерявший стянутые брезентовыми ремнями полосатые матрасы – на случай приезда гостей, стопки старого, желтоватого белья; исчезли аккуратные коробки с обувью, подписанные бабушкиной рукой «Яша зима» или «Ада демисезон.», пропал даже антикварный смешной холодильник, в который вставлялось оцинкованное корыто со льдом, пропали стопки книг, листы нот, тетрадки... Но на стенах были те же обои, что и при бабушке, и при папе с мамой – и Яша легко находил след от гвоздя и, зажмурившись, вспоминал, что тут весела групповая фотография бабушкиной семьи, на которой были все, включая младенцев на руках, а там – любимый бабушкин пейзажик кисти Бенджамина Уильямса – пло-

хонькая репродукция из календаря «В мире искусств» – замок вдаль, домики сбоку, песчаная дорожка, женщина с девочкой – и кошка. Сколько раз они путешествовали по этой картинке, придумывая разные истории! Пятна

на стене, к которой был придвинут мамин письменный стол, и стёртый рисунок обоев там, где стояла вешалка с загнутыми вверх рожками – для шляп.

Компания, занявшая в тот вечер комнату, к утру постепенно рассосалась, днём Яша с Магдой остались вдвоем, но о том, чтобы дотронуться до неё – он даже боялся думать. Она стала казаться ему стеклянной, хрупкой, и любое случайное прикосновение могло разрушить её, лишить жизни. О том, что случилось, они больше не говорили, обходя это стороной, замирая, как при красном сигнале светофора. Яше вдруг оказалось легко выйти на старую кухню, где остался их шкафчик и открытая полка с тарелками, и он даже – вспомнил, какая из конфорок на газовой плите – их. Труднее оказалось с ванной, за пятнадцать лет все это обветшало, проржавело, и чудесная ванна на настоящих львиных ногах выглядела так страшно, что мыться приходилось, вставая на принесенный коврик. Яша чувствовал себя здесь – хозяином, а Магда – гостьей, поэтому Яша вдруг взял на себя заботу об их немудреном хозяйстве. Все магазинчики в округе оказались на прежних местах, и овощной, с его огромными бочками с квашеной капустой и огурцами, и молочный, с прохладными бутылками кефира – зеленая крышечка из фольги, и ряженки – красная крышечка. И булочная была на месте, и кондитерская с дорожущими трюфелями и дешевыми карамельками, и даже собаки, которые уж точно могли бы измениться за эти годы – остались прежними. Магда все больше молчала, но не упрекала больше Яшу, а, казалось, тоже находила радость в обретении себя – здесь. Яша только раз спросил её – а почему она здесь, а не на Молодежной, и Магда ответила просто – ненавижу эти хрущевки, а здесь у домов есть лица...

Бабушка известие об отмене свадьбы встретила спокойно и, сев расчесывать перед сном волосы, сказала Яше, что жить ему, а ей, бабушке, на том свете будет все равно, кто будет Яше рубашки гладить и стирать носки, и вообще – каждый сходит с ума по-своему. Яша расцеловал бабушку, стрельнул десятку под честное слово и, перепрыгивая через ступеньки, помчался на Павелецкую.

К началу осени Магда стала совсем прежней, безмятежной, но часто застывала – как будто задумывалась, или силилась вспомнить что-то важное. Сентябрь был жарким, неизъяснимо прелестным, с горьковатым запахом гари от костров, в которых тлели золотые осенние листья. Взявшись за руки, они бродили по Москве, просто так, без цели, то застывая перед чугунной оградой особняка, то задирая головы на свист, чтобы увидеть парящих над крышами голубей, то пили теплое вино под стенами Спасо-Андроникова монастыря, то сидели на скамейке, откусывая от одного на двоих стаканчика с мороженым – Яша будет вспоминать ту осень, как царский дар Судьбы, неоцененный им. И, еще – Яша, возвращаясь мысленно к той осени, будет пытаться отыскать признаки надвигающейся беды, и с запозданием поймет, что все можно было бы изменить – если бы он не был так счастлив тогда. По какой-то странной причине они весь месяц оставались одни, вдвоем, и старая Яшина коммуналка приняла и признала их, как будто Яша был вправе вернуться к себе домой. Яше бы заметить, что Магда все чаще становится беспокойной, раздражаясь на любое Яшино слово, и, стараясь загладить свою вину, позволяет ему больше обычного. Они опять стали любовниками, и Яша учился у Магды, и был учеником прилежным и старательным. Он просыпался – и видел в окно старый вяз, и слышал далекий трамвайный перезвон, и вдыхал запах родного города, и трогал губами плечо Магды – и был, вне всякого сомнения, счастливейшим из смертных.

Первый глуховатый звоночек он не заметил. Как-то утром зарядил дождь, и Магда, сидя на подоконнике и глядя на мокрый асфальт мостовой, сказала, – ты знаешь, мне, наверное, пора на работу возвращаться. Если они меня не уволили, конечно. Они так, без справок дали мне

месяц, а уже прошло два. Я съезжу в театр. Завтра. А можно мне с тобой, – Яша боялся отпустить Магду от себя, – я могу на улице подождать? Магда провела рукой по своему затылку, – почему нельзя? Театр же не мой?

Театр Яша не любил. Бабушка, водившая его на «Синюю Птицу» и «Трех Толстяков» во МХАТ, справедливо ожидала возрастания интереса к Мельпомене, но, приуныв на классике, Яша театр отнёс к нудной школьной программе и предпочел кино, как более динамичное, демократическое и не требующего всего этого театрального ритуала – «лишний билетик», бинокль, гардероб, программка – скукотища, да и только. Разве что зрительский буфет был существенным плюсом.

Театр, в котором служила Магда, был молод. Единомышленники, сыгравшие на площадке подмосковного ДК «Женитьбу Бальзамина», сорвали на премьере аплодисменты, спектакль имел оглушительный успех, потому как худрук Женя Темницкий смог продернуть советскую власть, выразить свое отношение к вводу танков в Прагу, потоптать бездыханного тело усатого тирана и выразить надежду на светлое будущее демократической России. Публика хохотала облегченно, в особо острых моментах (въезд Бальзамина на танке к Домне Белотеловой) взрывалась криками «браво», и Министерство культуры, решив, что оставить такой спектакль болтаться без надзора – преступно, выделило театру цокольный этаж жилого дома, внедрило своих сотрудников и стало наблюдать за процессом – где надо, подрезая, где надо, разрешая, завербовало и самого Темницкого, да так ловко, что тот этого и не заметил. Театр гремел, а диссиденты и прочие им сочувствующие, всякая либеральная молодежь, студенты и бородатые ИТР-овцы – все они были под колпаком. Впрочем, спектакли всё равно были прекрасны, а уж немного ущипнуть власть, ставя Лопе де Вегу или Хармса, было делом несложным.

В театре Яша растерялся совершенно. Ему театральное закулисье представлялось чем-то строгим и важным, вроде передачи «Театр на телеэкране», но все оказалось ровно наоборот. Яша изумился тому, как часто все целуются, обнимаются, говорят друг другу гадости или комплименты, матерятся, одалживают деньги – и вообще ведут себя так, будто они все – родственники. Магду закружили, затискали, отовсюду слышались охи-ахи, двусмысленные комплименты, и, что Яшу поразило более всего, почти все спокойно и открыто обсуждали Магдину проблему, давали советы, вроде таких – «Ты чего мне не позвонила, у меня врачиха классная», или «Какой урод тебя сдал тебя этим палачам»? Магда живо обсуждала свой аборт, и Яша не удивился бы, если бы она, расстегнув джинсы, показала всем свой страшный шрам. Похоже, это никого не смущало, тут же решили отметить возвращение Магды, скинулись, отослали гонца, пока ждали гонца, отправились на сцену, смотреть новое световое оборудование, и Магда ахала со всеми, и удивлялась, как это Темницкий все это выбил?! Потом пили кислое вино, сидя в крошечном буфете, пели «То ли люди, то ли куклы», плакали, а Яша, не пьянея, наблюдал за тем, как смотрят на Магду эти мужчины, и ему становилось страшно. Магда, наоборот, расцвела совершенно, в лице её не было заметно ни капли скуки, полумрак делал её еще более прекрасной, и она всё чаще прикрывала глаза и облизывала губы, как будто её мучила жажда. Разговоры за столом то становились нестерпимо громкими, то зависала пауза, и кто-то обязательно говорил, – о, мент родился! и разговор вспыхивал с новой силой... Курили беспрерывно, дым то вздымал вверх, то опадал, у Яши голова кружилась, и дико хотелось спать. Он не заметил, как отключился на пару минут, а, когда открыл глаза, понял, что Магды за столом – нет.

Искать Магду, стуча в гримерки, Яша не стал. Он боялся, что на стук откроет Магда, и скажет, – что ты тут забыл? – и он должен будет или ударить её, или молча выйти – и ждать

у служебного входа. Стараясь не попадаться никому на глаза, он с трудом нашел выход и уехал домой. Один.

Ночью Яша не спал. Нет пытки страшнее, чем ожидание. Яша не отходил от окна, и все смотрел на спящий двор, на дерево, с которого с царской неторопливостью облетали листья, слушал мерный дробный стук капель по жести подоконника, и всматривался в каждую фигурку, входящую в подъезд. Когда уставали глаза, он садился на стул, клал на подоконник руки, и на скрещенные руки голова опускалась сама собой. Когда хлопала дверь лифта, и лифт, скрипя и охая, тащился вверх – с тем же звуком, как и в Яшином детстве, сладко ныло в позвоночнике, и сердце начинало биться в клетке из ребер, желая одного – выпрыгнуть и разбиться. Но лифт останавливался на других этажах, и где-то – выше, или ниже, хлопала входная дверь, забирая домой гостя с улицы. Два раза лифт останавливался на Яшином этаже, и Яша разворачивался лицом к двери – встретить Магду. Что он ей скажет в этот момент, он не знал. До 4 утра он думал, что просто убьет её, чтобы покончить с этой любовью, потом он, решив, что она попала в беду, стал думать, что простит ей все – только бы она была жива, только бы вернулась! В самые мучительные, серые, рассветные часы, когда зажигались огни в комнатах чужих домов, и Яше, даже сквозь занавески, были видны люди, вставшие для труда и забот в это раннее время, Яша думал об одном, что никогда не любил Магду так сильно, как сейчас, и никогда не желал её так же страстно, и гнал от себя мысль, что кто-то, другой, не он, сейчас курит в постели, обнимая Магду за плечи... Магда пришла в 10 утра, когда Яша, не выдержав пытки бессонницей и ревностью, уснул. От звука её шагов он проснулся, бросился к ней, трясаясь от ненависти и счастья, что она жива и вернулась, и был поражен её видом – Магда была свежей, отдохнувшей, такой вот – прохладной, какой она была всегда после крепкого сна. Почему ты не спал, – она говорила на ходу, расстегивая пуговицы на мужской рубашке, которую Яша покрасил ей неделю назад, – у тебя такой больной вид? Есть же кровать, что за фантазия – спать на стуле? Она расстегнула молнию на джинсах, стянула их, цепляя пальцами ног, на пол, и пошла – в душ. В трусиках и в трогательных белых носочках с грязными пятками. Яша ждал её, комкал рубашку, нюхал её, как собака – желая найти чужой запах, но рубашка пахла Магдой, её духами, сигаретным дымом и терпентином. Прохладная Магда, в капельках воды, уже босая, подошла и поцеловала Яшу в затылок, – милый мальчик, ты ревнуешь? Зачем? А дальше Яша любил её так, как можно любить потерянное навсегда – и внезапно обретенное. А дождь все шел, и царапал серую жёсть подоконника, и голуби ходили по перилам балкона, и падали листья, на лету становясь из золотых – ржавыми.

## Глава 8

– Евгений Аркадьевич? – Магда подошла к Темницкому, который махал рукой кому-то наверху, на колосниках, – Евгений Аркадьевич?

– Ты видишь, я занят! Колпин! Софит собьешь к едрене маме! У тебя руки откуда? Магда! – наверху что-то стукнуло глухо и на планшет сцены упал молоток. – Колпин! Уволен!

Магда взяла Темницкого под руку, зашептала ему что-то на ухо, косясь на стоящего в кулисах Яшу.

– На полставки. Монтировщиком. Вон, вместо этого уродя Колпина. Скажи, чтобы оформляли. Да уйди ты, – Темницкий отцепил Магду от себя, – сколько тебе говорить! И всем, кстати! – Евгений Аркадьевич составил ладони рупором, – касается всех! Никого! Когда монтировка! Чтоб никого! Цехам делать нечего? Я сейчас работу найду! Где завпост?

Дальше все было быстро, нервно и шумно. Ставили павильон к новой постановке «В ожидании Годо». Темницкий, решивший отказаться от постмодернизма, сам не понимал, к чему пришел, потому успех спектакля был под вопросом. Диди и Гого сидели на школьных скамейках-партах, а с колосников свешивались канаты, которые, по ходу действия, выбирались наверх, пока не оставался один. Магду Темницкий решил взять на роль Мальчика. Она, совершенно неожиданно получив первую свою роль, находилась в состоянии какого-то истерического возбуждения. С одной стороны, она жалела, что роль ничтожная, и не костюмная, а с другой – ей казалось, что именно она будет звездой, и пыталась спорить с Темницким, чтобы обставить каждое свое появление на сцене как нечто сверхъестественное. Яша, которому Беккет вообще не был знаком, честно пытался полистать пьесу в курилке, но, пожав плечами, бормотнул – что за мура, хрень какая-то, и пошел знакомиться с коллективом монтировщиков. С этой минуты их роли в театре определились четко – Магда – актриса, Яша – рабочий. Теперь Яша ходил в комбинезоне, шикарно рваной майке, ругался матом, закладывал за ухо папиросу и сыпал к месту и не к месту специальными терминами. Магда же сидела за своим гримировальным столиком, в служебном буфете стояла в очереди с актерами, ходила за Темницким с умильным лицом посвященной и начала стесняться Яши. Теперь она часто уезжала домой раньше, а Яша, проклиная все, оставался разбирать декорации. Когда он возвращался, усталый, злой и голодный, то заставал дома новых или старых приятелей Магды и шел на кухню – ужинать в одиночестве. Соседки жалели его, оставляя остывший суп в кастрюльке на плите или дешевые пережаренные котлеты с лапшой.

Спектакль «В ожидании Годо» не провалился, даже имел успех, во многом благодаря тому, что пьесы абсурда каждый может трактовать, как угодно. Магда была трогательна, и, пожалуй, она стала самым понятным персонажем в спектакле. Она с чувством выбегала на поклоны, дрожала от радости, а Яша стоял в кулисах с махровым халатом, который набрасывал ей на плечи. Когда он видел её на сцене, он волновался так, что не мог понять, хорошо ли она играет, или плохо – ему казалось, что десятки глаз смотрят на неё зло и оценивающе, и ему хотелось одного – обнять её, укрыть и сделать невидимой – всем.

Это только так кажется, что театр – демократичен, не знает сословий, рангов и каст. На самом деле у каждого своё место, определенное не близостью к сцене, нет – известностью зрителю. Зритель, пожирающий глазами программку, обиженно дующий щеки на то, что в роли Гамлета сегодня не Нар. арт. РСФСР Нездвицкий, а вовсе даже Засл. арт. Респ. Туркмения Горковенко, вряд ли станет читать длинный список работников никому неведомой постановочной части, да еще во главе с заведующим ею! Кто такие костюмеры мужской стороны, реквизиторский цех, осветители, машинисты сцены, звукорежиссеры? Кто они? В чем их заслуга перед публикой? Публика хочет одного – Гамлета, в исполнении Нездвицкого! Того, того, –

зритель пихает локтем свою соседку справа, – помнишь? Детектив был? Ну, где он её в ванной зарезал, помнишь? Во, этот сейчас Гамлет. Вряд ли зритель знает мебельщика Федю, который выносит на чистой перемене чёрные шаткие табуретки, или бутафора Машу, которая, отложив сигаретку на край жестяной банки, выклеивает папье-маше для будущей китайской вазы. Они – никому не видны, неизвестны и не интересны. Актер сможет существовать сам, один – только сцена и он. А постановочная часть – нет. Вот, это и есть касты, и внутри самого театра – так же. Звания, которые дает государство актерам, и есть – звания служебные. Сколько раз, пробегая глазами неизвестные фамилия с приставкой «Засл. арт.», зритель недоуменно поднимает плечи – а кто это? Да что, заслуженный? Народных не всякий знает, а скажи фамилию мальчишки, студента, сыгравшего Пятнадцатилетнего капитана, или школьницы, семиклассницы, предводительницы целой оравы мальчишек – зритель сам выдохнет фамилию любимого артиста. В театре – там обласкан тот, кто ближе к руководству, тот и получает роли первого плана, а всякие там бунтовщики, борцы за справедливость, или просто те, кто в опале без причины – те ждут роли годами, роли – любой, только бы – выйти на сцену. Магда, не отличавшаяся выдающимся талантом, просто попала «в струю». Публика и сама не знает, чего она хочет, а тут Темницкий и предложил ей эту девочку Магду, как Твигги – Сесил Битон. На Магду Темницкий сделал ставку. От «Лолиты» до «Завтрака у Тиффани» – от «Первой любви» до «Повести о Сонечке». Популярность Магды набирала обороты, Темницкий уже договорился с театральным училищем о поступлении – Магде нужен был диплом, а пока... пока он не мог даже зачислить ее в труппу, и Магда получала крошечную ставку капельдинерши. Яша уже не стоял в кулисах с махровым халатом – для этого к Магде приставили вёрткую нагловатую девицу, и уже не решался подсесть к ней в буфете с чашечкой кофе, а только стоял в толпе и смотрел, как Магда репетирует, как Магды выходит из театра, как Магда садится в машину. Они по-прежнему делили комнаты в коммуналке на Татарской, но Яша уже и сам не понимал – кто он? Не раз, и не два он, приходя домой, слышал возню за закрытой дверью, глуховатый смех Магды и чьи-то чужие голоса, и уходил на кухню, садился у двери, ведущей на черную лестницу, курил, и думал, а что же делать – дальше? А дальше Яше светила армия...

Изо всех предложенных вариантов – Яша сразу отбросил «пацифист», «баптист», и отсрочку по причине рождения ребенка. Нет, старик, – говорил пожилой, сорокалетний машинист сцены Паша Шицкий, – откосишь на полторашку, а ребёнок на всю жизнь. Опять же, алименты? А по любви, – глупо спросил Яша. По любви делай сразу близнецов и свободен на всю оставшуюся! Среди приемлемых вариантов был и ЦАТСА – знаменитый Театр Советской Армии, на сцену которого, при желании, мог въехать танк – но туда брали с актерского и тоже – по великому благу. Был и кинополк в Алабино, в/ч 55605, но тоже – по благу. Можно было податься в бега, мотаться из города в город, или спрятаться в деревню, или вообще бежать – на Севера, к угрюмым «бывшим интеллигентным человекам», а, и того экзотичнее – спрятаться в монастыре, но все это – временно. Варианты с больными родственниками, с взятой размером в стоимость машины Жигули – тоже отпали. Оставался самый верный, практический беспроектный путь – закосить в «дурке». Правда, получивший «белый билет» становился прямо-таки лишенцем и отщепенцем, но приобретение водительских прав и престижный ВУЗ для Яши были – пустой звук. Важно было одно – не оставить Магду, быть рядом, вблизи, на какой угодно роли – только видеть, слышать, иметь возможность дотронуться.

Желание хоть как-то досадить советской власти, посягавшей на свободу, было столь велико, что к освобождению Яши подключились все, кто мог, не мог, или просто – сочувствовал. Яша вспомнил даже про адвоката Борю, и тот, обзвонив при Яше с десятков человек, вынес вердикт – будешь косить по дурке, потом исправим на маниакально-депрессивный, а потом что-нибудь изыщное, типа импотенции с плоскостопием, и будешь ты, Яшка – ни туда, ни

в Красную Армию! – Боря радостно заржал и стал намечать на листке последовательность действий.

– А сколько это будет стоить, – глупо спросил Яша, у которого в кармане пересыпалась мелочь, – у меня денег нет.

– Разберемся, – Боря выпростал из-под сиреневой манжеты «Seiko» на дорого и сдержанно поблескивающем браслете, – сейчас главное – не загромоздить в армию. Или, что еще хуже – во флот!

## Глава 9

Наконец, было решено назначить «День икс» на 2 января, когда у «Скорой» и без того проблем по горло, и бригады подшофе, и общее пьяное ликование как-то смягчает ответственность за неверный диагноз. Татарскую улицу для проведения плана в жизнь отвергли – соседи, Магда, да еще не по адресу прописки. Решили, что лучше всего – Новые Черемушки. Опять же, соседи всегда подтвердят, что Яша – псих ненормальный. Отправили бабушку в гости, поставили ёлочку. Взяли журналы «Америка», «L'Humanité Dimanche», «Neues Berlinische Illustreitung», «Morning Star» – сделали из них флажки, развесили на веревочках. На чахлую ёлку нацепили пустых сигаретных пачек, пивных банок, оберток от жвачки – Боря притащил от знакомых фарцовщиков все, что мог. Раскидали по полу диски, разлили бормотуху по импортным бутылкам, отчего «Beefeater» приобрел мерзкий заборопокрасочный цвет, а «Baileys», налитый в стакан, напротив, получил цвет водки – прозрачный. Борис и Яша сидели на полу, постепенно накачиваясь коньяком, пьянели, трезвели, хохотали над своими анекдотами, травили немыслимые по своей глупости байки, пока, наконец, Борис, которому хотелось спать, не вызвал «Скорую», забыв сказать об этом Яше, который в этот момент сладко уснул в совмещенном санузле. Скорая, специализирующаяся на психах, прибыла под утро – немудрено спутать приступ шизофрении с белой горячкой! Боря спал, Яша сам открыл дверь и долго не мог понять, чего от него хотят угрюмые медбратья. Ты тут, что ли, псих, против советской власти? – грубо спросил Яшу брюнет со скошенным лбом. Я, – честно ответил Яша, – я вообще-то, диссидент. Фамилия моя – Щаранский, и я вернулся из Израиля, чтобы продолжить борьбу с режимом! Санитары сели на бабушкину кровать и закурили. Ждали фельдшера.

– Я вчера получил письмо от Сахарова, – гнул Яша, – сейчас же утром я выезжаю в Горький. Мы поднимем восстание на Горьковском заводе! Я, кстати, осуждаю ввод советских войск!

– Куда, – вяло поинтересовались санитары.

– Да куда бы то ни было! – парировал Яша. Ему было смешно. Санитары казались ему ошибкой, и он никак не мог вспомнить, какого черта они тут делают. – Я вообще, баптист.

– Ты еврей, – напомнил ему левый санитар, лысый, с мягкими оттопыренными ушами, – еще скажи – кришнаит?

– Или адвентист-реформист, – поддакнул правый, – ввод войск куда осуждаешь? Нам историю болезни заполнять. Потом менять нельзя будет!

– В Афганистан, – Яша икнул, – мы с Сахаровым конкретно! Опять же я еще этот? Пацифист!

– Пидарас ты, – ласково сказали санитары, – буйный, пойдешь?

– Вы что делаете? – завопил Яша, но кричать было поздно. Видавшая виды грязная смиренная рубашка ловко обхватила похмельного Яшу, очки слетели на пол, хрустнули стекла под ботинками, проснувшийся Борис запрыгал и забежал, размахивая зачем-то свернутой в трубочку газетой «Times», – прекратите произвол! Я немедленно звоню Рональду Рейгану! Права человека! Хельсинкская группа! Пустите Яшу!

– Ты что, чувак, – санитары остановились, – вместе с этим пойдешь? У вас же, коллективный типа психоз? Не, мы только одного возьмем, мест нету, – и, подталкивая Яшу, санитары начали медленно спускаться по лестнице.

В Ганнушкина было просто прекрасно. Ни до, ни после больницы Яша не встречал так много замечательных людей, добровольно избравших больничную палату на жительство. Поначалу Яше было страшно, но через некоторое время он освоился, благо, почти все, находящиеся в его палате лежали здесь с тем же самым диагнозом – «Отказ от службы в рядах вооруженных сил СССР». Коллектив подобрался исключительный – художники, программисты, географ, лингвист, физкультурник, и, все-таки, один – но баптист. Клички получили все, так было

проще. Сотрудник Музея землеведения стал «Географом», лингвист – «Языком», Яша – «Ленноном», ну, а баптист? Правильно. Так и остался – «Баптистом». Яшу быстро научили, как прятать таблетки за щеку, как симулировать коморбидные расстройства, как разговаривать с палатным врачом, а как – с зав. отделением. Яша узнал, как можно пронести в больницу водку, сигареты, «колёса», шоколад, чай, запрещенную литературу и игральные карты. Яша узнал, какая из медсестричек «даёт», а какая может заложить, какого из настоящих психов следует опасаться, а с кем можно даже и поговорить. Убогое помещение, чудовищная кормежка, вид психических больных ожесточили бы любое сердце, но компания подобралась настолько теплая, что дни пролетали незаметно – в игре в преферанс, в беседах об экзистенциализме, в критике теории Дарвина, в рассказах об эпохе великих географических открытий и в фантастически лживых рассказах про успехи у слабого пола. Фраза про «Ярбух Фюр психоаналитик» стала ходовой давно, но все делились личным опытом, на будущее – когда уже откосят, получают вожделенный белый билет с пометкой «7б» – «психопатия умеренно выраженная, с неустойчивой компенсацией». Боялись одного – психотропных препаратов, вводимых внутривенно, потому до буйного помешательства себя не допускали. Впрочем, зав. отделением прекрасно знал, кто лежит у него, и жалел ребят, хотя и не видел смысла в том, чтобы подвергать себя таким мукам, вместо того, чтобы гордо, вытягивая носок, топтать по плацу, бегать в самоволку, совершать марш-броски в полной выкладке и быть зверски битым «дедами». Яше письма приходили от Бори, от коллег по театру, от бабушки – бабушка переписывала письма от мамы, не будучи уверенной в том, что стоит оповещать больницу о наличии родственников в Израиле. Через месяц Яше стало тошно. Вид грязного сортира, страшные крики, смрад, грубость и зарешеченность окон начали постепенно сводить его с ума. В очередной раз, когда сосед, с которым он делил одну тумбочку на двоих, вслух и с выражением читал «Пирры Валтасара» Венечки Ерофеева, Яша заплакал и, путая от отчаяния слова, рассказал о своей любви, пластилиновых кирпичиках, реке Яузе и о верной, но ненужной Зине. Палата сочувственно прислушивалась, после чего даже выпили за любовь, чокаясь мензурочками зеленоватого стекла. На следующий день Яша написал Боре, что он не может здесь больше находиться, и что он сознается в совершенном преступлении, пойдет в тюрьму, а потом в армию. Или наоборот. Решившись на такой шаг, Яша стал рваться на разговор с лечащим врачом, но сопалатники уговорили его подождать, потому как нехорошо – рушить коллектив! Через три дня Яшу вызвали, и молчаливый санитар повел его нескончаемыми коридорами. Они то заворачивали направо, то поднимались вверх, то спускались вниз, и везде были железные двери с решетками, и санитар нарочито медленно отпирал замки, и они опять шли... В уютном кабинете с кожаным дореволюционным диваном, низким столиком и покойными глубокими креслами, его ждал Борис. – Старичок, – он протянул к нему руки, не вставая с кресла, – Яша?! Что с тобой сделали эти врачи-убийцы?

Яша, не решаясь присесть, остался стоять, озираясь по сторонам.

– Ты что тут делаешь, – спросил он, понизив голос.

– Я пришел дать вам волю, – Борис щелкнул «Ронсоном», – садись, старичок, я изложу тебе ПЛАН.

– Пожрать принес? – Яша схватил сигарету, – а покурить? Мы дрянь такую тянем, я дохаю, не могу. Борь, всё, я – пас. Я сдаюсь.

– Старичок, никто не говорил, что будет легко! – Борис налил кофе из термоса, – пей. Тебе повезло, что у тебя есть такой друг, как я. Все решаемо, Яша, друг дорогой! Ты помнишь, как шить джинсы?

– А чего их шить, – Яша отхлебывал кофе осторожно, наслаждаясь, – с коньяком! Шить, – сказал он после паузы, – да помню, конечно, ты что, предлагаешь мне тут цех открыть? Силами буйно помешанных?

– Недалеко от истины, но пока не в таких масштабах. Короче, Аксентий Поприщин. У нас все дороги – через баб-с, сам понимаешь. Надо будет одеть одну, но так, чтобы – сногшибательно. То есть – просто... Кинофестиваль, слышал?

– Еще бы, – Яша откусывал сырокопченую колбасу прямо от батона, – мы тут все новости знаем, пойти, правда, не можем – не в чем! – Яша похлопал себя по груди, и от ветхой байковой пижамы запахло немытым телом, – а так, да, мы в курсе!

– Яш, – Боря пощелкал замками атташе-кейса, – ты как-то недоволен, что ты здесь? Вроде бы я тебя против твоей воли сюда, да? И держу? А на секунду, что я тебя от армии отмазываю, рискую, и – между прочим! – Боря потер печатку на безымянном пальце, – плачу деньги? Иди, давай – иди! Иди в военкомат, кайся, и вперед. А то еще лицо такое!

– Прости, я чего-то ... – Яша съежился, – особенно сортир, я не могу, Борь, это же хуже тюрьмы!

– В тюрьме такой же, – Борис раскрыл кейс, – вот. Параметры. Фотка – но без лица! Ты не должен ее видеть, только размеры. Сшей так, чтобы все эти Кардены и Версаче бросились целовать тебе ноги.

– А ткань? А машинку, оверлок? Приклад? Да я где тут все это найду?

– Тебе все дадут. – Боря выложил на стол стопку листов, ручку, – вот, напишешь, всё, что надо – будет. Кормить будут. Поить – нет. Курева полно будет. Условие одно – молчи. Этим, психам, в палате, будешь говорить, что тебя на процедуры водят, эксперимент. Вживят тебе запчасти от собачки, чтобы ты в армию захотел, – Боря заржал. – И это, колбасой там не дыши? Приступай, тебе – неделя.

– А примерки? – Боря рассматривал фотографию, – как без них?

– А вот, никак. Манекен будет. Работай, старичок, и, впереди – свобода. Если все срастется, к осени уже будешь декорации таскать.

– А ... – Яша запнулся, – Магда? Магда – как? Я всё спрашиваю, а ты не отвечаешь про неё.

– Магда? – Боря пригладил виски, – а что, собственно, Магда? Магда как Магда. Что ей будет?

Яша не был модельером. Он вообще имел весьма поверхностные понятия о крое, да еще и о том, как делать выкройки на женскую фигуру. Джинсы – это одно, они одинаковы для всех, даже застежку никто не переставляет на «женскую» сторону. А тут – создать образ для женщины, которая пойдет на Международный кинофестиваль! И цена вопроса – его, Яшина, свобода! Если бы знать, кто она, какая она, что любит, как ходит? Какие у нее глаза? Курит ли она? Морщится, когда чихает? Пьет она водку или сухое вино? Ничего не было известно. Яша, как и все неврастеники, сразу же впал в отчаяние, и, когда Борис снова вызвал его для разговора, Яша беспомощно пожал плечами, – я не могу. Мне нужно как-то её представить, понимаешь? Хоть опиши её? Не могу и я, – Борис вынимал из пакета с надписью «Берёзка» сигареты, шампунь, печенье, шоколад с таким видом, будто видит все это впервые, – старичок, слово чести дал. Черт, – пробормотал Яша, – я понимаю! Подожди? Ты играл в «ассоциации»? Не помню, – честно ответил Борис, – в буриме, в чепуху. В штандер. В сыщик, ищи вора. Это – что? Ну, вот, смотри! – вчера вечером они всей палатой умирали со смеха, загадав сопалатника по кличке «Географ», а, когда «Баптист» сказал, что у него «Географ» ассоциируется с глобусом, грохнули так, что пришла медсестра, – «Географ» был худющий и тшедушный. Скажем, мы загадаем... Ленина! Я тебя спрошу, с какой чертой характера у тебя ассоциируется этот человек? Людоедство, – не задумываясь, выпалил Борис. Ну, это не черта, но да, понятно. Сыграем? Валяй, – согласился Борис, – насчет игр указаний не было.

– Животное?

– Помесь пумы со скорпионом.

- Литературный герой? Точнее, героиня, – Яша что-то чертил на листке бумаги.
- Помесь Вассы Железновой, Казановы и Лили Брик...
- Автомобиль?
- Скорая помощь.
- Еда? – Яша перестал чертить и смотрел на лицо Бориса.
- Кайенский перец. Запить Шампанским.
- Часть тела?
- ... – Борис дернул щекой. – Точнее не скажешь.
- Ты уверен, что в СССР такие водятся?
- Более, чем. Сам понимаешь, тут должно быть что-то с чем-то. Чтобы каждый, видя её, понимал, с кем имеет дело.
- Да, мне даже стало интересно. Обещаешь, что я хотя бы увижу фото?
- Борис пожал плечами.
- Последний вопрос, – Яша встал, – она ведь – молода, не так ли?
- Понятия не имею. – Борис пальцами растянул рот, высунул язык, закатил глаза. – Кстати, все тряпки будут импортными. Любые, какие скажешь. И это, напиши, какие машинки, чего там нужно? Ножницы? Иголки?

Вечером Яша, сидя на кровати, опираясь спиной на грязную облупленную стену, видел не противоположную, серую, измаранную похабными надписями, нет, он видел – Канны, набережную Круазет, красную ковровую дорожку, видел вспышки блицев, ощущал волнение актеров и толпы, вдыхал запах такой прекрасной и далекой жизни. Без сомнения, его модель – он назвал её «Кармен» – была бы здесь, как у себя дома. В чем же она? Безусловно, в алом. Только – в алом, слепящем, обжигающим взгляд – алом платье.

В душной палате, пропитанной миазмами, спалось ужасно. Жидкая, комковатая подушка, влажные простыни, храп соседей, стоны больных за стенкой, хохот, плач... Спасение приходило только ночью, снотворное, кстати, охотно, принимали – все. И приснился Яше сон. И приснился ему Понтий Пилат с лицом Магды Мигдаль, в том самом, белом плаще с кровавым подбоем. Пилат поднимался по широкой мраморной лестнице, останавливался на каждом марше, оборачивался назад и говорил, – больше любит папу-еврея, чем русскую маму... – тут Пилату подносили свернутые в свитки рулоны карт, – а зачем вас понесло на Геллеспонт? Ведь это, если мне не изменяют познания в географии, еще не наша территория... (с) – Яша икнул от ужаса и проснулся. «Географ», спустив ноги на пол, поддевал пальцем рваный больничный тапок, подбрасывая его, снова елозил ногой по полу, чтобы поймать. При этом «Географ» читал вслух при свете карманного фонарика. Ты чего, охренел? – мучаясь от сухости во рту, спросил Яша. А чего? – «Географ» удивился, – я, считай, что колыбельную читаю? Венечки Ерофеева бессмертные «Шаги командора» прямиком в Вальпургиеву ночь! Лимонаду хочешь? Иди на хрен, – Яша отвернулся от «Географа» и уснул честным младенческим сном. К утру он уже знал, каким должен быть костюм «Кармен». Алый комбинезон, белый плащ. Шляпка с вуалью, – вуаль красная, с красными же мушками. Перчатки. Темная, мертвенная помада, макияж без удлинненных ресниц, темные веки. Блин, – сказал сам себе Яша, – жуть, конечно. Но – впечатляет! На удивление быстро родились эскизы – при горячей заинтересованности сопалатников. Шикарная шмара, – даже «Баптист» отложил Библию и присоединился к сгрудившимся около Яши, – к нам такая ходила. В общину. Это – искушение было. Дьявольское! Отойди, – отпихнул его «Географ», – тебе Каргель на такое смотреть разрешил? Я его не спросил, – «Баптист» шмыгнул носом и вернулся на койку.

## Глава 10

– Вот, – Яша разложил листы на низком столике, потянулся за кофе, едва не пролил его, – как?

– Я бы такое не надел, – честно сказал Борис, – но женщинам такое – нравится. Говори, что нужно?

– Ох, ну, вот? Список? Трикотаж, шелк, оверлок для трикотажа, машинка, тоже, чтобы брала трикотаж и шёлк. Вот, нитки, выкраска? Тут по номерам. Приклад нужен, тут все есть, думаю, я ничего не пропустил. А меня правда, выпустят, Борь? Я просто на грани, пойми! Я не думал даже, ну, я слышал, что народ «косил» в дурке, и так все это – ну, как прогулка, скорее смешно, чем больно. Но это нереально тяжело!

– Ты еще спасибо скажи, – Борис сложил листки в кейс, – ты просто в санатории. А посмотрел бы ты на тех, кого по психушкам за политику... ты бы тут спрятался и сидел. Молча!

– Я не диссидент, – Яша разломил плитку шоколада, – мне это все по одному месту, сам понимаешь.

– Тогда иди в армию?

– А Магда?

– Да, кстати... Магда? – Борис пощелкал пальцами, – что-то про Магду?

– Что? – Яша замер, – она жива?

– Да жива, жива, и даже слишком. В рай её не возьмут, а ад она сама себе сделает, где угодно.

Магда, до этого дня заботливо отодвигаемая Яшиным подсознанием куда-то в папку -«Прошрое, не открывать», вдруг заявила о себе. Она стала мукой, зубной болью, тоской, такой тоской, когда в мозгу все время звучит одно имя, а твои глаза, даже в передовице «Правды» найдут буквы, составляющие это имя, а ухо выхватит, вырежет это имя, даже под землей, донесенное до тебя в обрывках разговоров, под мерный шум многих сотен шаркающих по мраморному полу метрополитена ног. Все стало Магдой. Подушка. Дыра в линолеуме, похожая на профиль Анны Ахматовой. Перловая каша в алюминиевой миске. Таракан, сидящий на краю раковины. Все убожество «желтого дома» превращалось в рай, всюду была она, Магда. Её духами пахло хозяйственное мыло, её смех слышался из прокуренного кабинета врача, её тень мелькала за замазанными белой краской стеклами дверей по ночам. Яша и впрямь начал сходиться с ума. Он писал ей письма на адрес своего бывшего дома, на театр, просил Бориса передать письмо ей, ей – в руки, лично! и дожидаться ответа. Но Магда не любила писать письма. Впрочем, как-то она передала Яше программку премьерного спектакля «Кавалер де Грие», где обвела в нежный, четкий овал свою фамилию и поставила три восклицательных знака.

– Ты знаешь, – Борис выложил на диван стопки сложенных тканей, – я удивлен. Обещали все, что нужно, и даже больше. Но, старичок, сейчас такое смутное время наступает, ты в курсе?

– В курсе чего, – Яша растягивал ткань, сжимал, даже нюхал, – насчет времени? Ну, да, нас, кто не буйный, «Время» смотреть пускают. Но такая там политика? Как в газете «Правда». Горбачев, перестройка. А причем тут кинофестиваль, ткань, нитки?

– Если ты не улавливаешь связи, тогда занимайся индпошивом. Как это называется? От кутюр? В смысле – ОТ винта?

– Нет, от – это французское «высокая». Мода высокая, в отличие от прет-а-порте.

– Невиданные познания для монтировщика декораций, – Борис поставил на столик жестяную банку с апельсиновым соком, – Яффо! Вещь! Пей, а то ты зеленый немного.

– Да, это ж Зинка тогда в Косыгинский поступала, просвещала.

– Ху есть «Зинка»? – Борис пододвинул к Яше кофр со швейной машинкой, – Зинка-как-картинка?

– Да, – Яша махнул рукой, – подруга детства. Так, страшненькая, но свой парень, это же она тогда меня от милиции отмазала, кстати. – Яша стыдливо умолчал, что фактически сбежал из-под венца.

– А, девочка-алиби! – Борис подмигнул. – Тайная страсть? А! На твой тонкий, но извращенный вкус, понимаю, понимаю!

– Да брось, говорю ж тебе ... – Яша сморщился.

– Бутылку поставил? – Борис встал, смахнул нитку с рукава пиджака, – никакого доброе дело не остается безнаказанным, надо было Зинку предупредить. Спасала, спасала, а ты ушел к другой...

Яша разложил ткани по кучкам, и приуныл. Никакого красного шелка. Никакого белого шелка. Трикотаж, правда, очень качественный, турецкий, но – белый. Но до такой степени белый, что – слепящий белый, ярчайший, кричащий, отливающий серебром. И – алые ленты, широкие, полосами. И еще всякое – в изобилии – какие-то немыслимой красоты пуговицы, звездочки, стразики, перышки – девчачья мечта, одним словом. Цирк, – сказал сам себе Яша. – Или кордебалет. Но что из этого сошьешь? Оставалось всего три дня.

– Я не понял! – Яша вскочил и подбежал к телевизору. Камера, будто залюбовавшись, приблизила лицо молодой женщины. Женщина посмотрела на камеру и чуть-чуть приподняла уголки губ. – Это же Зинка! Зинка Карасиха! Это я, что? Я – что? Я для ЗИНКИ? Я? Я шил для нее? Ни хрена себе, – Яша не мог успокоиться, – да я думал, я для Магды! Для нее! Тигр же, и Лиля Брик! Какая Зинка – Лилия? Какая Кармен? Меня обманули!

– Яша, ангел мой, уймись, – «Географ» схватил его за локоть, – аминазинчика захотел? Всех спалишь, уймись, тебе какая разница? Сдурел? Важно тебе, кто там попой вертит? Тебе на волю и билетик надо, Яшенька, голубь мира! Ты неврастеник, а не псих...

Яша, который с самого первого разговора с Борисом твердо решил, что алый костюм предназначен Магде, был просто в бешенстве. Он вообразил, что Магда стала любовницей Бориса и тот, таким образом, хочет как бы и отомстить Яше, и извиниться перед ним за то, что увел у него женщину. Зина даже не фигурировала в Яшиных мыслях, он и не вспоминал о ней, разве так – если приходилось к слову. Как же Зина сможет вытащить его из психушки? Да никак! Папа у нее инженер, мама учительница музыки, бабушка отсидела при Сталине, деда расстреляли – где тут «связи»? Да, Зинка поступила в свой Текстильный, но кто у нее там? Модельер Волков? Но он-то причем? Он сам под колпаком «у Мюллера»! Все ясно, – Яша вдруг успокоился и сник, – динамо. Они меня продинамили. Они меня обштопали. Разыграли! Зинка отомстила мне за то, что я на ней не женился. Все. Теперь я навеки тут. Я тут умру под хохот безумцев, упаду лицом в грязный унитаз. Бли-и-и-н, как я попал...

А камера уже переходила от лиц знаменитостей – к гостям и зрителям, да и просто – к зевакам. Яша уставился на экран, механически отмечая про себя, что толпа одета ужасно, безвкусно, и на этом фоне зарубежные гости выглядят просто космически. Тут камера захватила и приблизила тоненькую девушку, с огромной серьгой в ухе. Серьга была такая – кольцо, а внутри кольца – тигр. Это был тот самый тигр, Магдин. Яша нашел у бабушки старую брошку, серебряную фигурку тигра, и сделал из неё серьгу. Магда всегда говорила, что ей нужно такую же, вторую, чтобы тигр не был одинок. Магда стояла рядом с журналистами и людьми явно богемного вида, типичными киношниками. У Магды был обычный отсутствующий вид, как тогда, в метро. За плечи ее обнимал, притягивая к себе, сам Темницкий. Магда казалась

какой-то нездешней, впрочем, при большом скоплении народа она всегда и была такой. Темницкий говорил с кем-то, похожим на Кшиштофа Занусси, улыбался, и все сильнее сжимал Магдино плечо. Яша закрыл глаза и вышел из холла.

– Изма-И-лов? – пропел девичий голос.

– ИзмаЙлов, – грубо ответил Яша, – что? На укол?

– Я не знаю-ю-ю, – голос был просто волшебным, – про процедуры ничего не сказали. Вам к зав. отделением, за выпиской-ой-ой... у вас вещи есть? У старшей сестры... подпишите... если брали книги в библиотеке-е-ке, – голос все пел, а Яша стоял, теребя пуговку пижамы и не знал, хочет он на свободу, или – нет.

Странно устроен человек! Еще вчера Яша всё был готов отдать за то, чтобы только выйти из Ганнушкина, а сегодня он буквально плакал, расставаясь с «сокамерниками». Обменивались адресами, чокались мензурками со спиртом, шепотом пели «Here Comes the Sun», и Яша, отпустивший за время пребывания в дурке бородку, усы и бачки – снова ставший Джоном Ленноном, обнимал друзей за плечи, фальшиво – пел, и искренне – плакал.

Яша получил вожденную «7 б», вялотекущую, или малопрогрессирующую, шизофрению, «обострявшуюся», – как пошутил зав. отделением, – «в периоды необходимости исполнять священный долг советского гражданина». Судя по всему, врач тоже не любил – советскую власть, особенно в её армейской ипостаси. Когда Яша вышел через проходную, ему показалось, что он попал в какой-то иной, ирреальный мир. Люди свободно шли по улице, ехали автомобили, бежали собаки, летели птицы. Ни на ком не было ужасных байковых пижам и линялых халатов, не было лиц, искаженных мукой или страданием, никто не орал, не выкрикивал бессвязных слов и проклятий... Яша ощущал себя безумцем в мире нормальных людей. Ему казалось, что его немедленно схватят, и снова вернут туда – в дурку, ведь даже самый обычный милиционер сможет проверить его документы и увидеть этот пункт — «7 б»! Яша ощущал, что он совсем не такой, как эти – одетые одинаково, стриженные одинаково, одинаково мыслящие люди. До дома он добирался почему-то на автобусах, перекладными, ему вдруг стало страшно – как это – зайти в метро? Там же милиционеры стоят? Уж в метро-то его точно не пустят?! До своей квартиры он поднялся быстро, перепрыгивая через ступени, боясь услышать окрик соседа – Эй, Яшка? А ты где был? В психушке? Так ты, что? Ненормальный? Не пускайте его! Он нас покусает! Или подожжет! Бабушка, по летнему своему расписанию, гостила у подруги, на даче. Яша недоверчиво трогал ручки дверей – двери открывались. На окне не было решеток. Мебель могла свободно двигаться по полу. Больше всего его восхитила ванна – Яша погрузился в нестерпимо горячую воду, и замер, ощущая, как тело отзывается на тепло и как оставляет его страх, и радость начала проникать во все клеточки со словами – я свободен! Я СВОБОДЕН! СВОБОДЕН!!!

Тем же вечером он пошёл к Карасикам. Ему хотелось увидеть Зину, и спросить ее, собственно, откуда вся эта история, каким образом Зина смогла его вытащить? Что это за связи у нее, причем тут Борис? Яша забыл побриться, точнее, это просто не пришло ему в голову, и он шел, сопровождаемый удивленными взглядами. Хиппи волосатый, – сказали бабки у подъезда. – В тюрьму таких мало сажать! Яша вдавил кнопку звонка. Долго не открывали. Наконец, дверь приоткрылась, на ширину цепочки.

– Что вам тут надо? – несостоявшаяся теща холодно смотрела на Яшу.

– Валерия Викторовна, – Яша протянул руку к двери, – вы меня что, не узнаете? Это же я, Яша?

– Узнаю, – бывшая теща отпрянула вглубь коридора, – Валера! Иди сюда, Зинин бывший тут ломится в дверь! Валера?! Зови сюда милицию!

– Валерия Викторовна, – Яша замахал руками, – не надо, не надо милиции, я уйду! Я хотел просто... Зину увидеть. Ну, мне два слова бы? Зина дома?

– К счастью! Нет! Нет её! – отчеканила Зинина мама, – Ты! Нам! Теперь! Никто! И я рада! – онадохнула на Яшу чесноком и духами «Poison», – что наша! Дочь! Не связала жизнь! С таким гопником! ВАЛЕРА!

Дверь резко подавалась вперед, цепочка вылетела, на лестничную клетку вышел Зинин отец Валерий Викторович и, не примериваясь, отвесил хук в Яшину челюсть.

– Еще? – спросил Валерий Викторович.

Больше Яша не хотел и скатился по лестнице, абсолютно деморализованный. Минут десять он постоял на площадке у почтовых ящиков, потом отважно вышел из подъезда и пошел на остановку троллейбуса. Заплаканная Зинка, глядя в щель меж тюлевых турецких штор, шмыгала носом и тихо подвывала.

На хук Яша не обиделся – это было правильно, по-мужски. Если бы Валерий Викторович начал выговаривать Яше, давить на совесть, нудеть, то можно было и ответить дерзко, даже схамить, защищаясь. А так – быстро, коротко и убедительно. Фингал будет, – подумал Яша и даже попрыгал у зеркальной витрины, пытаясь поймать свое отражение. В витрине отражался всклокоченный бородатый тип в очках. Оправа была тяжелой, старила Яшу – но другой не было. Яша потолкался около винно-водочного отдела, не в надежде стать третьим, а в надежде найти собеседника, но он вид имел столь подозрительный, что даже алкаши со стажем не подходили к нему с вопросом – третьим будешь? В пивбаре было проще. Опуская мокрые двадцатикопеечные монетки в прорезь автомата, Яша прислушивался к ровному гуду – народ обсуждал новости, стучал рыбешками о края столешниц, сдвигал кружки, чокаясь, где-то явственно булькала водка, превращая обычное пиво в крепленое, где-то уже назревала драка, кто-то порывался петь... Яша встал у окна, первые две кружки выпил залпом, наблюдая за реакцией организма – организм обрадовался. Пиво – напиток опасный, оно тяжелит веки и желудок, хотя и рождает благодущие от сытости. После шестой Яше захотелось выйти на воздух, обнять кого-нибудь, рассказать о том, как страшно быть психом, пусть и мнимым, и как хорошо – откосить от армии, и как плохо, когда твоя невеста, пусть и бывшая, не хочет тебя видеть, а её папаша бьет тебе морду, и как хорошо, что есть на свете самая красивая женщина по имени Магда, и как плохо, что она, похоже, ему изменяет. Яша и не заметил, как она все это поведал тоскующему человеку с ореховыми глазами. Человек был трезв, ждал автобуса и совсем не хотел разговаривать с подвыпившим парнем, к тому же еще и с наплывающим на глаз синяком. Яша всё хватал человека за пуговку пиджака, и все бубнил, – старик, ты пойми? Пойми! Человек успел вскочить в автобус, а Яша, удивленно разглядывавший пуговицу, оказался лежащим на заплыванном асфальте. Дальше день покатился так, как и должен – если герой этого дня проживает его, как в первый и в последний раз. Яша догнал сухим вином в бутербродной, и отправился на поиски Магды. Почему его опять понесло на Молодёжную, он и сам не знал. В метро он несколько раз проехался на эскалаторе, побродил по переходу, соединяющему Киевскую радиальную с кольцевой, потом все же решил ехать, зачем-то вышел на Багратионовской, приставал к пассажирам, заинтересовал милиционера, но успел скрыться за дверями отъезжающего поезда. От страха он протрезвел совершенно, и уже на Молодежной вел себя тихо, курил на лавочке около Магдиного подъезда, и даже зачем-то вскрыл ее почтовый ящик ключом от своего, черемушкинского. В ящике оказалось его собственное, Яшино, письмо, телеграмма с обесцветившимися строчками и сухой кленовый лист. Убедившись, что Магды здесь нет, Яша поехал на Павелецкую, где ему пришлось идти навстречу москвичам, честно отрубившим свои часы по разным конторам и НИИ. На него опять косились, кто-то подсмеивался, кто-то показывал пальцем. Яше становилось страшно, он все время боялся окрика, – ату его! Он псих! – поэтому он свернул в переулок и дальше уже петлял по знакомым с детства местам, заглядывал в окна первых этажей, поражаясь тому, что за эти годы ничего не изменилось –

те же оранжевые да красные абажуры, тот же чад на коммунальных кухнях, крики детворы, бубнеж телевизора, голоса, голоса...

Переулки запутали Яшу, околдовали, заморочили ему голову – он уже забыл, что ищет Магду, и шел, повинувшись детской памяти. Вот здесь, за углом, была аптека, помнишь? – говорил ему чей-то голосок, – помнишь? Аскорбинку? Круглые толстые белые таблетки, от которых и кисло, и сладко, и гематоген, помнишь? Он ломался на конфетки-ириски, сладкий, приторный... Сверни через квартал, – голос замирал в восторге, – там были канцтовары, Яша! Ты помнишь разноцветные промокашки? А пластилин? Яша? Твои кубики, кирпичики, домики... Яша брел, узнавая и не узнавая свое Замоскворечье, и все никак не мог понять, почему он постоянно выходит к Бахрушинскому, и никак не может выйти на Татарскую? Куда бы он ни сворачивал, в какую бы подворотню ни нырлял – он снова и снова выходил к пряничному домику Музея. Он заходил в полупустые рюмочные, выпивал сто грамм водки, жевал безвкусную колбасу, покупал зачем-то шоколадку, которая потом таяла в нагрудном кармане, и шёл дальше. Когда отчаяние охватило его, и он решил обмануть Замоскворечье, и пойти не вперед, а назад, как бы возвращаясь – тут он и уткнулся в свой дом. Вечер накрывал Москву – плескались огни в окнах квартир, из раскрытых настежь окон несло жареным луком, шаркали по расчерченным на клеточки мостовым девчачьи сандалии, тукался глухо мяч о стенку дома... Яша вошел в свой подъезд, сел на старый стул без спинки, на котором всегда сидела лифтерша, и уснул. Разбудил его собачий лай, и Яша долго не мог сообразить, где он, и почему холодно, и который сейчас час? Он поднялся до своего этажа, и стоял, раздумывая, на какую кнопку звонка жать. Дверь открыла какая-то чужая женщина, окинула Яшу мутным взглядом, сделала приглашающий жест рукой, пробежала по коридору и исчезла за дверью уборной. У дверей бывшей своей комнаты Яша опять замер, не зная, а что же делать – дальше. За дверью говорили. Высокий голос, с фиоритурами – явно принадлежал Темницкому. Если на репетициях Темницкий говорил резко, грубо и весьма доходчиво, то в разговорах с нужными людьми он вдруг начинал подражать какой-то сказочной птице и даже взмахивал руками, как крыльями, и нос его удлинялся сам собою, напоминая клюв. Второй же голос был не мужским, не женским, непонятно даже было, молод говорящий, или стар. Музыка не перекрывала голоса говоривших, и Яша пытался вслушаться, и различить в шуме голос Магды. Нестерпимо болела голова, хотелось спать, курить, пить – и закончить этот день, забыть и перескочить в завтра.

– Чего стоишь, как засватанный? – чужая тётка, проходя по коридору, толкнула ладонью дверь в комнату, – небось, всё выпили, тебя не дождалась! – она подтолкнула его, и Яша влетел в полутемное пространство. Комната переменялась совершенно. Богемный стиль исчез, будто и не было его вовсе, все было дорого, безлико. Тускло поблескивали ножки стола, подлокотники кресел, под потолком медленно вращался какой-то металлический объект, не дающий света. Картины на стенах висели плотно, почти без зазоров, но выбор был странный – то обложки альбомов «Pink Floyd», то иконы, то примитивистская картинка, то авангардистский коллаж, то дурная копия передвижников... На низком – таком низком, что он казался возвышением, а не мебелью, диване – полулежал Темницкий в белом махровом халате. На столике – стеклянный круг на хромированных ножках – стояли стаканы и бутылки, в миске плавало крошево из ледяных кубиков, в овальной хромированной пепельнице дотлевала сигара, наполняя комнату противным дымом. На разноцветных кожаных индийских пуфах сидели в неловких позах люди – двое мужчин и средних лет женщина. Яша, привыкнув к полутьме, подошел к дивану. Говорить стоя было неловко, а сидя – глупо. Яша обвел комнату глазами – Магды не было.

– Яша, не усердствуй, – Темницкий похлопал в ладоши, – никто твою девочку не похитил. У тебя такой вид, как будто ты узник замка Иф. В поисках Мерседес. Женщин нельзя искать с таким лицом. Не так ли?

– Женщин вообще лучше не искать, – сказал седой, с темными глазами, – от них и так никакой жизни. Выпьете, Яков?

– Выпью, почему – нет? – Яша сел, скрестив ноги по-турецки. Сидеть было неудобно, и вся мизансцена была совершенно дурацкой.

– Яша, кстати, – Темницкий протянул руку к бутылке, – я не знал, что ты у нас модельер.

– Не у вас, – глупо сострил Яша, – да, и какой я – модельер?

– Вся Москва теперь знает, – сказала женщина, – Зина Валерьевна вам обеспечила зеленый свет. Это, знаете, заслужить надо! Чтобы сама...

– Ну-ну, – перебил её Темницкий, – обойдемся без громких имен! Яша, а почему вы скрывали, что вы знакомы с Зиной? Такими связями обычно хвастают?

– Да какие связи, – Яше казалось, что его разыгрывают, – мы с ней в школе учились. И все.

– Прекрасная протекция! – темноглазый пощелкал пальцами, – одно её слово, и вы даже Волкова переплюнете!

– Особенно шазюбль, – дама помахала в воздухе папироской, – исключительно. Париж будет на лопатках, я так думаю.

– А вот, и внешность у вашего Яши вполне, – заговорил второй мужчина, тот самый, с неопределенным, не женским, не мужским, голосом, – Тёмный, давай его на Леннона-то и возьмем? Почему нет? Он же не жадный? До денег?

– Яша-то? А заработать дадим, дадим ... – Темницкий почесал грудь, – слушайте, Измайлов. Вот этот, – он показал на лысого, – продюсер у нас. Джон. Или Бен, это неважно. Мы тут кинишку снять задумали.

– Христос остановился в Бирюлево, – темноглазый засопел, – сногсшибательный сценарий.

– По рукам? – спросил Темницкий. – Прославиться. Магда будет в восторге. Она любит такие цацки – слава, деньги...

Яша, который и сам находился внутри своей собственной пьесы абсурда, кивнул. Тут медленно распахнулась дверь в смежную комнату, и оттуда вышла Магда. В белой маечке на тоненьких бретельках.

Яша всегда поражался Магдиной невозмутимости. Она не испытывала смущения даже в таких ситуациях, попав в которые, любая женщина была бы испугана, растеряна, «потеряла бы лицо», как говорят китайцы. Вот, и сейчас, она вышла, сладко зевнула – так зевают коты, пригревшиеся на хозяйском одеяле, потянулась, подошла к окошку, уселась на подоконнике так, чтобы видеть и комнату, и двор, протянула руку – за стаканом. Яша вскочил, налил в стакан вина, поднес ей – на ладони. Магда улыбнулась, поцеловала Яшу сладкими от вина губами:

– Где ты шлялся, мой верный паж?

– Я же в больнице лежал! – Яша смотрел Магде в глаза, а руками сжимал её тонкие щиколотки, – Магда... я так скучал, там было так страшно, я был ужасно одинок. А ты обо мне вспоминала, правда? Ты хоть немного думала обо мне? Я теперь все! Я свободен! Хочешь, уедем? Завтра же?

– Яша, – Магда потрепала его за отросшую бородку, – почему ты так много говоришь? Какие-то вопросы? Скучала – не скучала? А, если нет? Что это изменит? Вспоминала? Странно... разве нужно напрягать мозг? Как будто мало есть в мире того, о чем можно думать? Я вот... я думаю, хорошо бы сняться у Поланского, да? Или стать любовницей Миттерана?

– Почему – Миттерана?

– Ха! – подал голос Темницкий, – Поланский его не смущает! Чем тебе президент Франции не угодил?

– Или плыть? Вот, на надувном матрасе. В Саргассовом море, да?

– Акулы съедят, – Темницкий налил себе еще, – Магда, слезай с подоконника, и мы с Беном тебя прославим!

– Может быть, мне прыгнуть? – Магда повернула щеколду, ригели замка выехали из гнезд и окно распахнулось. Магда свесила ноги наружу и осталась сидеть – так. Запрокинула голову, зажмурилась, потом вдруг сделала вид, что отпустила руки и готова прыгнуть – в страшную пустоту двора. Яша, мгновенно протрезвев, схватил ее за плечи, втянул в комнату, подхватил на руки и унес в смежную комнату.

– Хорошая девочка, – одобрительно сказал темноглазый, – но психическая. Намучаемся. Она на чем-то сидит?

– Да брось, – Темницкий запахнул халат, – она почти и не бухает. Играет так. В героиню. Роковые страсти. Она сейчас точно попадает – такая девочка-женщина, девочка-вамп, слегка не от мира сего, обиженный цивилизацией ребенок, жертва. Её хочется убить, и грубо – чтобы зритель рыдал. Но это еще на пару лет, и все, так что давай, рискнем сейчас.

– Много платить не сможем, – лысый нервничал, – а если сборов не будет?

– Надо, чтобы были, – женщина сползла с пуфика, встала на колени, поднялась, отряхнула юбку, – у вас что, табуреток нет?

Яша, бережно положив Магду на кровать, начал целовать её – от грубых шершавых пяток поднимаясь выше, теряя сознание от любви и желания. Магда смотрела в потолок, на котором свет от дворового фонаря чертил рваные полосы, и говорила, говорила... про театр, про гастроли, про то, что ей хочется завести кота, про какую-то Веру, которая обещала ей путевку в Пицунду, про неведомого Гаррика, у которого есть классные записи БГ, и к которому обязательно нужно заехать... Она говорила, а он не слышал её, он медленно двигался к цели. Тут Магда перевернулась на бок, Яша неловко оперся о кровать, и от самой стенки послышался голос:

– Старичок, ты что, задавить меня решил?

В такие-то минуты и вспыхивает свет, и мозаика, ждавшая одного фрагмента, вдруг оказывается сложенной идеально, и можно отойти на несколько шагов, прищуриться и понять весь замысел. Яша как будто ждал этого, чего-то не хватало до целостной картины, и Борин голос, особенно словечко это ненавистное, «старичок», и тон этот – равнодушно-дружелюбный – вывели Яшу из себя. Даже тихого очкарика можно превратить в Отелло, если работать в правильном направлении.

Яша и сам не смог бы объяснить, как он сбросил на пол Магду, как схватил Бориса за грудки, как прижал его коленом, лишив возможности сопротивляться и как бил его – не понимая, куда попадает, ощущая только противный солоноватый вкус на своих губах. Магда, оказавшись на полу, не стала ни кричать, ни визжать – в отличие от обычных женщин, она не полезла в драку со словами – «Яша, не трогай Борю, ты же его убьешь!» или так – «Боря, сделай же что-нибудь!» или «На помощь, помогите, убивают!» Магда встала, отряхнулась, нашла в темноте джинсы, фыркнула «придурки» и вышла в большую комнату. Борис и Яша, путаясь в простынях, сковывавших движения, бестолково молотили друг друга и воздух, пока, наконец, не смогли встать на ноги. Полумрак рассеивался, да и глаза уже привыкли видеть в темноте, и Яша прижал Бориса к нише в стене, пытаясь одновременно ударить его ногой и закрыть свое лицо от ударов – даже в таком состоянии он понимал, что, потеряв очки, он станет абсолютно беспомощным. Борис, не ожидавший от вялого Яши такого приступа бешенства, боялся одного – как бы этот псих не убил его. Когда Боря уворачивался от очередного хука, открылась дверца холодильника. А дверца морозилки открылась сама собой. И рука Бориса –

тоже сама собой – нащупала ледяную бутылку. Удар – и Яша осел на пол. Шатаясь, Боря шелкнул по клавише выключателя – в комнате все выключатели были внизу, еще по странной прихоти Яшиной мамы. Эй, старичок, – Боря говорил с трудом, губы были разбиты, и, похоже, что вылетел зуб, – ты живой?

Позже, в коммунальной ванной, Яша стоял и плакал, прижимая к щеке холодное полотенце, пахнущее хлоркой и ржавчиной, и всё повторял, как заведенный, – у-у-у-у, дурак... у-у-у-у, дурак... у-у-у, дурак... По счастью, глаз был цел, удар бутылкой пришелся по скуле, крови было море, но все раздражение, весь страх и боль – вышли, и голова осталась чистой и ясной, и стало легко оттого, что он жив, и нужно жить дальше и силы на это есть. Оба они еще переживали драку, но уровень адреналина потихоньку падал, и появился голод, и напало дикое желание спать. Когда они вернулись в комнату, увидели только Магду, сидящую, скрестив ноги, на низком диване. Магда смотрела телевизор и ела вареное яйцо. Яйцо сидело на подставочке, Магда аккуратно запускала в него ложку, съедала, облизывала ложечку. Мальчики, – сказала она, – а что, нельзя было как-то нормально поговорить? Почему все время надо ТАК орать? У меня от вас голова болит, – Магда пододвинула к себе чашечку, – идите, сварите мне кофе. И переоденьтесь, вы же знаете, что я терпеть не могу грязных рубашек...

– Ну, что с ней делать? – спросил Борис Яшу, стоя у шкафа, в котором рубашки висели на плечиках, – убил бы, а жалко. Сука, а не баба.

– Абсолютная, – согласился Яша, – а в клеточку есть?

## Глава 11

Август уже ощущался в воздухе – Москва, опаленная июлем, еще дышала тяжело, но ранние утренние часы были напоены особым блаженством. Все еще тянуло гарью от далекой Шатуры, но уже чуть-чуть, еле заметно, осень приближалась к городу. Начался сезон отпусков, общего движения – к югу, к югу, успеть захватить солнце, теплое море, фрукты – и «бархатный сезон», особо ценимый москвичами. Яша и Борис, выйдя из влажной еще после поливки подворотни на Татарскую, даже зажмурились – солнце полыхало в окнах верхних этажей, заставляло сиять крыши, просвечивало сквозь пыльную листву и зажигало радужные пятна в лужах.

– Ну и вид, у тебя, старичок, – Борис посмотрел на Яшу, – краше только в одно место...

– Твоя работа, – Яша попытался ухмыльнуться, но ойкнул от боли, – охренел? Бутылкой по голове?

– Тебе теперь, к твоей «семь-бэ» еще пункт добавят! Ты теперь списан начисто, – Борис похлопал себя по груди, – ладно, сам виноват. Ну-ну, хорошо-хорошо! Я виноват! Но, старичок, согласишься? Ты врываешься в мою комнату, и начинаешь меня бить! Меня, мирно спавшего субъекта?!

– Какая «твоя» комната? – Яша вытащил из Бориного кармана пачку сигарет, – не понял? Стоп? Это ты там живешь?

– Я – не живу. Прописан. Живу в другом месте, – Борис посмотрел на окна кухни, выходящие на Татарскую, – так, родственный обмен, маленький гешефт. В перспективе? Когда этот гребаный социализм сдохнет, думаю занять весь дом. Ну, или – хотя бы! Этаж.

– Хрена себе, – Яша с наслаждением затыкнулся, – а Магда?

– Что – Магда? Магда... гда-гда-гда... Кто я Гертруде? Точнее, кто мне – Офелия? Короче, сейчас едем в Склиф, тебе щеку зашьют, потом в Сандуны, а потом будем думать, как нам жить дальше.

Необычайная легкость в Яшиной голове не позволила ему совместить в одно Бориса, Магду, Темницкого – Яше казалось, что все идет так, как надо, и глупо задумываться над непонятным, а нужно просто радоваться жизни. Оставались два мучительных для Яши вопроса, и он задал их в такси, пока они тащились по Большому Каменному:

– Борь, у тебя что-то с Магдой было?

– Старичок. Если ты захочешь составить список тех, у кого с ней БЫЛО – я тебе помогу. Почти всех знаю. Если не в лицо, то по слухам. Да и она сама треплет об этом на каждом углу. Я же никогда не трахаю деловых партнерш. А уж, если деловая партнерша моя ... – Борис кашлянул, запнулся. – Просто поверь на слово. Не веришь, – Борис протянул руку к ручке, – открой дверь и вали на хрен. И про Магду – всё. И, к тому же, я люблю млекопитающих, а к хладнокровным, как Магда – я дышу ровно. Всё?

– Всё. – Яша не поверил, но согласился. – Хорошо, а Зинка-то откуда выплыла? Она вообще не из нашей тусовки, что это за история с фестивалем? Почему ты? И причем тут ты?

– Яша, – машина резко свернула налево, – ты, пока наслаждался в дурке, отстал от жизни. Теперь, по пунктам обвинения. Твоя, как ты изволишь выражаться, «Зинка» – теперь Зинаида. Она любовница такого человека, который в этом «эсэсэсэре» может многое. Не всё, но – многое. Если он добьется своего – замечь! Он добьется – не она! Она выйдет за него замуж, но сейчас время больших! перемен, и кто знает? Нужен ли он – ей?

– Горбачев, что ли? – Яша взмахнул руками и опять сморщился от боли.

– Нет, ну, не до такой степени! Горбачев верный семьянин. Но есть и другие. В государстве много рычагов, веревочек, колесиков. Не заморачивайся. Зина – это очень высоко. Умница, вот, кого бы я ... – Борис покачал головой и сделал весьма недвусмысленный жест, – её – бы, да... но – нет! Нереально. И – зачем? А фестиваль? Зина сделала гениально – ей,

самой на сегодня известной модельерше! создал костюм никому не известный Яша Измайлов. Это её царский подарок тебе, просто мантия с плеча. Она тебя, дурачок, подняла и посадила к себе, на трон.

– Меня? Зачем?

– А вот это ты у неё спроси. Всё, приехали. – Они вышли из такси и направились в ворота Склифа.

День вдруг состоялся. Всё удавалось легко, как будто кто-то, наверху, решил, что хватит уже с Яши неприятностей. Щеку зашили под наркозом, хирург в восхищении оглядел Яшу, – шовчик! Чудо! Залюбуешься! Гематомка спадет, вообще будет незаметно. Но, предупреждаю, будешь загорать, побелеет. Яша ждал в холле, пока Борис переговорит с врачом, и думал, как же так, что у Бориса везде связи, «блат», добрые знакомые, и все ему чем-то обязаны, и проблемы он решает походя, по щелчку пальцев! Борис был ненамного старше Яши, но казалось, вся Москва лежит у его ног. Дальше были Сандуны, по первому классу, но без излишеств, потом – обед в Национале, где Яшу поразило то, что им с Борисом приносили еду на подогретых тарелках – он специально потрогал тарелку пальцем. Ели что-то умопомрачительно вкусное, и официант не только не хамил, а, напротив, складывался подобострастно и выполнял желания Бориса до их появления. Борис предложил на вечер, на выбор, несколько театров, и Яша выбрал Ленком, где давали «Тилия». Яша буквально «выпил» спектакль одним глотком, недоумевая, как это случилось, что он не видел этого до сегодняшнего вечера, и спектакль оказался лучше романа Шарля де Костера, а в Чурикову он влюбился немедленно, найдя в ней неожиданное сходство с Зиной. Борис в антракте исчезал, Яша бродил по фойе, разглядывая актерские лица в фотогалерее, и вглядывался с надеждой в мельтешение у двери с надписью «служебный вход». Вот бы увидеть кого-то из знаменитых? К слову сказать, театр, в котором служил Яша, пока еще не имел в труппе даже заслуженных, хотя молодые актеры набирали популярность. После спектакля он тоже кричал «браво»! и все никак не хотел уходить. Борис казался несколько обеспокоенным, оглядывался по сторонам, и все звонил и звонил кому-то из телефонной будки на углу Дегтярного и Чехова.

– Старичок, – Боря сунул Яше деньги, – возьми тачку, езжай домой. Без обид – у меня дела. Завтра позвоню, гуд?

– Да гуд, чего не гуд? – Яша развернулся и пошел к станции метро. – Но, скажи, разве Зинка – скорая помощь?

– Зинаида Валерьевна, – Борис поправил пуговку на Яшиной рубашке, – и есть скорая, и помощь. Если ты до сих пор это не понял.

Ехать на Татарскую смысла не было, как не было никакой гарантии того, что Яша опять не застанет ту же компанию в большой комнате, а незнакомого мужчину – в Магдиной постели. Яше хотелось лечь в свою кровать, натянуть на голову одеяло и проспать – столько, сколько захочется. Вечер был так хорош, что от метро Яша шел пешком, удивляясь, что при всей несхожести Замоскворечья и Черемушек, быт везде схож, только запах сильно отличается. Пахло недавно политой землей, гниющим мусором из баков, да еще прилетело парфюмерное облачко с фабрики «Новая заря».

Нижний замок Яша открыл, а верхний оказался не заперт – неудивительно, Яша и сам не помнил, в каком он состоянии выбежал из дома сутки назад. В тесной прихожей Яша сел на старую табуретку – это был такой ящичек, в котором, под сидением, хранились щетки и гуталин, и откинулся к стене. Теперь ему стало ясно, что он смертельно устал. Не снимая ботинок, он прошел в комнату, распахнул балконную дверь, постоял, глядя на спящие Черемушки, понял, что хочет курить, а есть дома сигареты, или нет – не помнит. Подошел к торшеру, намереваясь дернуть за цепочку, и услышал голос:

– Прошу тебя, не зажигай свет.

– Где ты? – в ту же секунду Яша понял, что больше всего на свете хотел увидеть её. Именно её, и именно сейчас. – Не уходи никуда. Стой там, где стоишь. Не двигайся, стой...

Она стояла там, где он оставил её, уходя. Между шкафом и письменным столом было пространство, достаточное для того, чтобы просто встать, и стоять. Яша подошел и обнял её, и поцеловал в висок – он забыл, что она маленького роста, а без каблуков – совсем кроха.

– У тебя челка, – сказал он, осторожно сдвигая челку со лба, – ты разве не помнишь, что я не люблю – челку?

– Хочешь, я ее отрежу?

– Нет, пускай будет, – Яша говорил медленно, боясь спугнуть то очевидное желание, которое возникло сразу же, ответом – на её голос, – я не хочу ничего менять. Я хочу тебя такой, какая ты – есть.

Она встала на цыпочки, чтобы обнять его за шею, а он подхватил её под мышки, как раньше, играя, только теперь в этом жесте обнаружился совсем иной смысл.

– Поставь Генсбура?

– Je t'aime?

– Moi non plus, я не люблю тебя, не люблю, я тоже не люблю тебя, я ненавижу тебя, – она говорила, и плакала, плакала и говорила, а он все не понимал, что делать дальше, и боялся, что это все растает и пропадет, пока он донесет ее до кровати, а она своей, уже зрелой женской интуицией как бы передавала ему – сейчас, сейчас, здесь, и сейчас, все так хрупко, все так ненадежно, сейчас! И бедный письменный стол, на который бабушка прикнопливала голубую бумагу, со скрипом выполнил роль дивана. Было не просто хорошо, было прекрасно, и Яша успел перетащить её на кровать, содрать грязное белье, а она, обнаженная, голубоватая в свете уличных фонарей, смеялась, и стаскивала с кровати на пол одеяла и подушки, и уже Генсбур говорил, а Джейн Биркин дышала так, что оставалось только подстроиться под её дыхание... Они пили Шампанское, которое выстрелило в потолок, потому что нагрелось, и оба были липкие, и это было почему-то дико смешно, а Яша не мог понять, почему она все время трогает себя за спину, пока она не сказала – что мне там мешает, посмотри? И в утреннем свете, робко заполнявшем комнату, Яша увидел кусочек пластилина на её лопатке – это растаял случайно оказавшийся на полу пластилиновый Яшин кирпичик.

Он заснул совершенно счастливым, стискивая её, обнимая руками и ногами, забывая про боль в разбитой скуле, вдыхая такой родной и такой незнакомый её запах, понимая, что все теперь встало на свои места, и он все повторял, – je t'aime je t'aime, je viens, люблю, люблю тебя...

Проснувшись днем, он не нашел её рядом. Не было даже записки, ничего. Только легкий запах духов и темная клякса от шампанского на белой штукатурке потолка.

Её не было в квартире. Яша даже успел подумать, что все это ему приснилось, но нет – она была, и благодарно ёкнуло сердце – была! Раз была, значит, вернется, – Яша сграбастал в охапку простыни и одеяла, валявшиеся на полу, – знаем мы, куда ходят Королевы... эта пластинка, «Алиса в стране чудес», была ими равно – любима, растаскана на цитаты, и только Яша и Зина знали тайный смысл этих фраз. «Герцогиня, зачем вы перчите воздух?» – спрашивал Зину Яша. «А как иначе перец попадет в суп?» – отвечала она ему. Их странное, почти монашеское сосуществование ДО этой ночи было таким – Яша считал Зину, Зинку – своим парнем, был готов пить с ней пиво, настрачивать заплатки на джинсы, шататься по Москве, а Зина, соглашаясь с ним, считала все это – прелюдией. К большой любви и браку. К ребенку, коляске, погремушкам. К будущему их – «вместе, навсегда, покуда смерть не разлучит». Теперь Зина вернулась, – думал Яша, – она простила его, и оказалось, что секс с ней даже лучше, чем с Магдой, вот бы сравнить – сейчас? Поехать к Магде? А вдруг Зина вернется? Или кофейку выпить? В дверь позвонили, и Яша, наскоро пригладив перед зеркалом волосы и еще раз ужас-

нувшись своему виду, открыл дверь, готовый обнять Зину и повторить сегодняшнюю ночь на бис. На пороге стоял Борис.

– Старичок, – Борис был свеж, вид имел отдохнувший и деловой одновременно, – что старые раны? Не тревожат? Как спал? С кем пил? – Борис повел носом, как гончая, – тебя можно поздравить?

– С чем? – глупо спросил Яша, стараясь прикрыть собой вход в комнату, – ты о чем?

– «Элипс», от Жак Фат, – Борис отодвинул Яшу и вошел в комнату, – вряд ли насчитаешь много женщин в Москве, которые не просто это могут себе позволить, а будут знать – на хрена им такие дорогие духи. Собственно, я за тобой. Их Величество прислали. Велено доставить.

– Магда? – ахнул Яша.

– Бери выше, старичок. Зинаида Валерьевна. Красная наша Шанель. Едем!

Внутри театральных мастерских столичного театра разместилась мастерская «Зина Зингер». Несколько комнат – примерочная, пошивочный цех, кабинетик самой Зины, склад и что-то, вроде подиума, в крошечном зальчике с высокими потолками. Борис тут был, как у себя дома – здоровался, отпускал шуточки, по дороге подписал несколько бумажек, с кем-то раскланялся, кому-то сунул в кармашек деньги, и, наконец, втолкнул Яшу в Зинин кабинетик. Стены, обитые гобеленом, стол, заваленный бумагами, манекен – и Зина. Строгая, собранная, деловитая.

– Яша, очень приятно, – она протянула ему руку, как будто и не было этой ночи, Генсбура, шампанского – ничего не было, – вот, Борис рекомендовал мне вас, и, кстати! напомнил нам о вашей джинсовой коллекции, – она сделала приглашающий жест, – а вот, знакомьтесь! Господин Бен... нет-нет, простите, господин Кемаль Османоглу, – в глубоком кресле сидел тот самый, темноглазый, – давайте обсудим детали?

Совершенно ошеломленный Яша сел на крутящийся табурет, зажал руки между колен и приготовился слушать.

Зина переменилась совершенно. Ничего от прежней девочки не осталось, разве что чуть вздернутая верхняя губа, и открытый взгляд? Зина, вечная пофигистка, всегда и всюду опаздывающая, невнимательная Зина, рассеянная Зина, Зина, «считающая ворон», смешливая, некрасивая девочка – эта Зина сейчас говорила четко и убедительно, небрежно бросала на стол рисунки, фотографии, образцы материй, и говорила по делу! Понимал ли турок её тонкую иронию, или он переводил рубли в лиры, Яша так и не понял. Равно как и то, почему продюсер Бен оказался королем турецкой моды Кемалем, и куда делись тот, с неопределенным голосом и непонятная тетка. Турок кивал головой, щелкал бусинами четок и сладко улыбался.

– Ну, вот, я вижу, мы поняли друг друга, – Зина, вдруг ставшая похожей на Джейн Биркин, защелкнула дипломат, полный картонками с образцами пуговиц, – а вот, наш повелитель денима, Яша Измаилов.

– Измаил? – сочно спросил турок, – есть карашо! Джинсы! – он схватил Яшу за рукав куртки и потер ткань тем же жестом, каким считают деньги, – джинсы! Тамам! Кач? Не кадар кач?

– Он спрашивает, сколько ты хочешь, – Борис сидел на невесть откуда взявшемся канапе, обтянутом голубеньким репсом, – денег, сколько?

– За что? – изумился Яша, – я ничего не продаю?!

– Он хочет купить твою джинсовую коллекцию, – пояснила Зина, – её цеховики из Гудauta продают, с ними он договорился, но идея-то твоя. Также мы думаем о перспективном сотрудничестве, у господина Кемалья своя фабрика в Стамбуле.

– Блуджин! – важно сказал турок, – ярын!

– Пароход Светлов, – бормотнул Яша, – цигель-цигель, ай лю-лю...

– Кофе? – спросил потасканный юноша, втиснувшийся в кабинетик.

– По-турецки, – ответила Зина, – всем.

Когда турка спровадили, Зина повела Яшу – показывать мастерские. Она знакомила его с «девочками» – сосредоточенными женщинами без возраста, подставлявшими под иголку машинки ткань, с закройщицами – стильными молодыми женщинами, одетыми просто и дорого, с модельерами, манекенщицами и манекенщиками, с визажистами и прочим, необходимым для того, чтобы мода рождалась именно здесь, творческим людом. Яша норовил дотрогнуться до Зины, чтобы убедиться, что она живая и настоящая, и что все вчерашнее не привиделось ему во сне. Он даже шепнул ей на ухо – ты похожа на Биркин, на что Зина вежливо отрезала, – это Биркин под меня косит. – И сдула челку. Яша хотел спросить, долго ли они еще тут будут, но все никак не выпадал подходящий момент. Наконец, когда Зина ответила на все звонки, подписала кучу бумаг и села деревянный кофр, он подсел к ней и шепнул на ухо, – Зин? Заканчивай, пойдем домой, я соскучился... Зина, не поворачивая головы, отодвинула его, и сказала – я никогда не сплю с деловыми партнерами, Яша. Да? – деланно изумился он, – а как же – вчера? Вчера ты партнером не был, – Зина покрутила тяжелое серебряное кольцо, – кстати, мы бы хотели запустить и линию вечерних платьев, «Красно-Белое», «Red and White», поляки будут отшивать. А вот и лицо нашей коллекции, зацени? – и она развернула перед Яшей плакат. На фоне зубчатых стен призывно и нежно улыбалась... Магда.

– И джинсу она твою отрекламирует, кстати, – Зина махнула рукой в угол комнаты, где высились пачки ярких листовок, – супер профи художника взяли по рекламе, поработаешь с ним. Слегка шизанутый, но фанат, и чуйка хорошая. А Магда это да, то, что доктор прописал. Тоже, кстати, с придурью девочка, но фотогеничная, америкосам и туркам понравилось. Международное личико – никакое. Рисуй, что хочешь, – Зина следила за реакцией Яши, и он это заметил. – Как тебе?

– Да мне-то что? – Яша понял, что Зина не забыла и не простила ему Магду. Видимо, в выборе Магды лицом компании и была ее, тонкая месть. – Зин, я ведь не закройщик и не модельер, я облажаюсь. Одно дело сострогать жилетку на продажу, но фабричные партии? Уволь, а?

– Даже не подумаю, – Зина встала, – мне нужен свой человек. У нас, Яша, бизнес. Социализм кончился, нужно учиться зарабатывать деньги. Сейчас победит тот, кто ничего не боится. У тебя конкурентов нет, так что – работай. У тебя будет все, что нужно, каналы мы отладим.

– Зин, – он взял её за ухо, в котором качалась серебряная Эйфелева башня, – поехали ко мне, Зин?

– Кстати, знаешь, какой лейбл мы сделаем для джинсы? – Зина щелчком смахнула его пальцы, – ZIZ. Зина и Измайлов. Тебе как?

– Похоже на Зину Измайлову?

– Размечтался! – Зина вдруг резко сжала его плечо, – сохраняй дистанцию, дружок, у нас другие игры.

– А если я не захочу?

– Будешь работать монтировщиком декораций, – Зина уже смотрела на образцы тканей, которые держала перед ней закройщица, – это, это, а на подклад решим. Все, работай, Яша. Зайди в кадры, подпиши бумаги. Да, кстати, что с армией?

– А то ты не знаешь, – буркнул Яша и пошел искать кадровичку.

Пока он бродил по коридорам, заходя то в одну, то в другую комнату, он поражался, насколько мастерская моды похожа на театр. И там, и тут толпы людей, не имеющих никакого отношения к делу, празднично шатающиеся, курящие, пьющие кофе, устраивающие какие-то свои дела. Все целовались, хлопали друг друга по спине и изображали бурную радость от встречи. Манекенщицы – те же актрисы, с той же изумительной непринужденностью бегающие полуподетыми, завистливые, нервные, готовые на любую подлость – только бы подписать выгодный контракт, а, если уж совсем повезет – выскочить отсюда замуж. Так же вели себя и те, кто

обслуживает сцену, или подиум – светотехники, звукооператоры, художники, костюмеры – или бестолково суетились, или сплетничали в курилке, или имитировали бурную деятельность. Правда, в модном доме затишье наступало только на показах моделей, а не ежедневно, как в театре, в 7 часов вечера, перед открытием занавеса. Зину ему повидать не удалось – она все время была окружена людьми, и Яша, получив аванс у толстой тетки, сидевшей почему-то с портфелем в буфете, поехал домой. Летнее московское метро – сказка. Полупустые вечерние вагоны, люди, явно едущие с дачи, с сумками, с букетами подвявших цветов, влюбленные парочки, таинственные девушки с ярким макияжем, маленькие собачки в хозяйственных сумках – все это настроило Яшу на романтическую волну. В универсаме он купил виноград, бутылку Боржоми и печенье курабье, а у подозрительного типа, прохаживающегося около будок телефонов-автоматов, бутылку Рислинга. Сейчас выпью винца, – думал Яша, – и буду есть виноград и плевать косточками с пятого этажа. У меня полно денег, я богат, у меня отличные перспективы, и мне не нужно идти в армию. О чем еще можно мечтать? В маленькой прихожей он поставил бутылку на пол, и, только поднес руку к выключателю, как услышал:

– Не зажигай свет. Пожалуйста.

## Глава 12

– Я знал, что ты вернешься, – сердце поднялось и замерло где-то в горле. Яша шагнул на голос. Летние сумерки, подсвеченные уличным фонарём, светлы – очертания различимы. Подошел к кровати, дернул цепочку торшера, – продолжим?

– С какого момента? – на кровати сидела Магда. Она сидела, как обычно, скрестив ноги, в наушниках от плеера, – сикрет лайф оф плантс, хочешь? Стиви Вандер, мне по кайфу...

На Магде были белые носочки с зайчиками, Яшина майка и полотенце на голове.

– Я тут голову помыла, – сказала она, – смотри, волосы уже отрасли?

Яша чувствовал себя полнейшим идиотом. К нему пришла та, которую он сутки назад хотел больше всего на свете, а сейчас он хотел, чтобы она исчезла навсегда, и, как можно быстрее.

– Ключи у тебя откуда?

– А мне Зинаида твоя дала. Сказала, ей больше не нужны.

– Так и сказала?

– Не нуди, ну, как-то так, я не обязана наизусть помнить. Я есть хочу. Что у тебя есть?

– Рислинг.

– Яшка, а пошли на крышу, а? У тебя же пятый этаж?

Яша все еще надеялся, что с ключами вышло недоразумение, зачем Зине отдавать ключи? Но Магду лучше было бы увести из квартиры, и Яша поспешно согласился. Крыша была теплой и пахла гудроном. Чердачное окошко было не заперто, голуби, собравшиеся ночевать, глухо гукали в полутьме. С крыши было видно шпиль МГУ, дома, расставленные в четком порядке, здание школы, трансформаторную будку, школьный стадион. Огоньки в окнах теплились, как разноцветные свечки, несло запахом жареного лука, кипятившегося белья и недавно политой земли в цветочных ящиках. Яша и Магда пили кислое вино, передавая бутылку друг другу, и Яше опять стало хорошо, как будто предыдущая ночь с Зиной освободила его от какого-то заклятья. Яша даже подумал, что он как бы и выполнил свой долг перед Зиной, а то вот, неловко – был мужем, и ни разу, как говориться, сам не... тут Яшу словно подбросило. Так Зина, что, была девушкой? Он у нее, что, первый? Или нет? Яша не понял, не помнил и не мог восстановить все детально – он тогда еще был пьян, точнее, он не был пьян, но он находился в каком-то заторможенном состоянии. Если первый, это меняет все дело. Что именно это должно было изменить, Яша не мог понять. Он вдруг наполнился такой жалостью, такой любовью, такой нежностью к Зине, что даже сам перепугался.

– Ты чего вздыхаешь? – Магда лежала на крыше, курила, смотрела в небо. – Ложись, так можно увидеть звезды. Хочешь, на юга махнем?

– У тебя же гастроли? – Яша сидел, обняв колени и думал про Зину, – а потом, этот Бен, он же хотел кино снимать? Слушай, – Яша тоже лег на спину, – странный такой турок, скажи?

– Какой турок, – Магда раскинула руки, – Бенья, что ли, турок?

– Ну, да. У него фабрика же в Стамбуле?

– У Бени???

– Да хрен его поймешь, все называли его Кемаль? Турок, наверное?

– Мудак он, – Магда села, – Темницкий его где-то в кабаке подхватил. Он из Сумгаита, по-моему. Ну да, типа турок, чего нет?

– Так Зина-то не знает! Надо немедленно ей звонить! Он же обманет! – Яша вскочил, и, держась за трубу, стал пробираться к окну.

– Измайлов, ты точно, после дурки стал буйным. Зина сегодня улетела. В Париж. С Боречкой твоим, кстати...

– Я так и знал, – Яша потянул Магду за руку, – теперь мне всё понятно. А ты откуда этого Борю знаешь?

– Всё тебе скажи? Зачем? – Магда зевнула, красиво, как кошка – обнажив верхние зубки и безупречно чистую гортань, – знаю, и всё тут. Откуда знаю, какая разница? Может быть, мы муж и жена? Или сиамские близнецы? Нет, он принц, я принцесса. Меня похитили в детстве. Или его похитили? Яш, тебе какой вариант нравится? Чего ты домотался? Предположим, мне негде было жить, он предложил пожить у него. Мне без разницы. Он же тебе помогает, да? Давай коньяку возьмем? У таксистов?

Дальше вечер сменился ночью, и они с Магдой отправились гулять – прошлись по Горького, поплутали по переулочкам, спустились по Петровскому к Трубной, Рождественским бульваром поднялись к Сретенке, ночь была волшебной, мягкой, завораживающей – они много пили, целовались в гулких подъездах, и даже умудрились совершить «акт насилия человека над личностью», как выразилась Магда, на прохладной скамейке с чугунными подлокотниками. Яша пел, махал руками, глупо острил, и вообще – был свободен и даже вполне себе счастлив. Ночевали они на Татарской, перебудив соседей, которые хотели было вызвать милицию. Поздним похмельным утром Яша чувствовал себя виноватым, разбитым и несчастным. Рядом, выбросив влево руку, спала Магда, еле слышно сопя, как ребенок. Яша в очередной раз поразился тому, как она хороша собой, как пропорционально сложена и как невинно выглядит, несмотря на весь шлейф её приключений и романов. Проснувшись, Магда сказала:

– Яша, я не знала, что ты такой классный модельер?! – Магда любила ставить вопросительный знак в любом месте, – ты должен мне изобрести что-то, – она пошевелила пальцами, – ну очень, понимаешь? То есть – вот. Я спускаюсь по трапу самолета, и все лежат.

– Это будет дорого стоить, – Яша представил себе Зину, сходящую по трапу. Вместе с Борисом.

– Аванс ты получил сегодня ночью. – Магда вытянула ногу, – у меня маникюр облез. И мне нужны деньги.

– Ты никогда не говорила мне про деньги, – Яшу она стала раздражать, – откуда у меня – деньги?

– Раньше у меня были. – Магда не удивилась. – А теперь нет. А ты подписал контракт, значит, у тебя есть деньги.

Яша вынул из кармана трешку и понял, что теперь он будет жадным – потому, что у него появились деньги.

– Вот, – он положил трешку на кровать, – больше у меня нет.

В мастерских никакого переполоха по поводу отъезда Зинаиды не было. С Яшей здоровались, он отвечал, и вдруг понял, что отношение в мастерских совсем иное, чем в театре. Там он был монтировщиком, а здесь – модельером, и Яша ощутил разницу...

– Яш, тебя САМА Зе-Ве к телефону, – кто-то крикнул на бегу, – в кадрах!

И Яша – побежал! «Зе-Ве» – Зинаида Валерьевна звонила из Парижа. У телефонного аппарата стояла оживленная группка, вырывали друг у друга трубку, переспрашивали, уточняли, прикрывали свободное ухо ладонью, покрикивали, – да тише же вы, ни хрена не слышно! В ответ тут же раздавалось, – конечно, какая у них в Париже связь? Или, – Лондон йес, Ивантеевка плиз! Яше тут же дали горячую от чужого уха трубку. Яш, – Зина говорила сухо, но голос был такой – уверенный, и ощущалась какая-то победная злость, – мы тут по бумагам все отлично провели, я даже не ожидала, если честно. Остались формальности, но это не суть. От Кемаля к тебе подъедут, давай, форсируй джинсу. Тебе дадут закройщиц, мужскую и женскую. Неделя срок, понял? Понял, – Яша кивнул, – а что с тканями? И дальше пошел профессиональный разговор, и Яша вдруг поймал себя на мысли, что ему это в кайф, и он краем глаза видел, что вокруг стоят и ловят каждое его слово, потому что теперь и от него, Яши, зависел их

успех. Яша хотел хоть как-то обозначить перед Зиной то, что он скучает, и то, что он не понял, зачем это она отдала ключ Магде, и вообще сказать ей что-то трогательное из их, прежней жизни – но не посмел. Он даже сказал – хорошо, Зин Валерьевна, я вас понял, – вроде как пошутил, но уже было ясно, кто из них, двоих – главный.

День завертелся, как бешеный, Яшу тормозили, поили кофе, приносили какие-то образчики тканей, он разговаривал по телефону, отбивался от «моделек», которые бесстыдно прохаживались одетые, как Магда – то есть, практически обнаженные. Жизнь неожиданно оказалась наполненной, осмысленной, и он даже набросал на крафтовых листах пару-тройку эскизов, и все вокруг ахали, и Яша, совершенно счастливый, вышел из дверей мастерской и пошел по переулкам, раздумывая, куда бы ему пойти? В Мак Дональдс? Нет, теперь у него были деньги! И Яша отправился в «Арагви». Жизнь менялась столь стремительно, что он сам не успевал за ней. Внезапно Магда показалась ему кем-то из прошлой жизни, вроде грузовичка без колес – милой игрушкой, не нужной во взрослой жизни.

В Черемушки он вернулся далеко за полночь. Приехал на такси, попросив высадить его у подъезда – чтобы видели. Но никто не видел, все спали. Дверь квартиры открыл с опаской – нет ли кого-то еще? Сейчас ему хотелось одного – спать. Одному.

Пока Яша спал, страна стремительно менялась, даже ночью. Магазины пустели, но за деньги можно было купить почти все, а за большие деньги – все. Утром Яша отправился в дорогой бутик, где в кабинке снял с себя все, в чем пришел, вплоть до белья и носков. Вышел он в льняном костюме от «Armani», искусно и небрежно мятом, и в шелковой рубашке – от «Armani» же. В самом дорогом салоне его подстригли, побрили, помассировали лицо, привели в порядок руки, подобрали туалетную воду. Всякую мелочь – носки, галстук, записную книжку, зажигалку – он купил сам, фланируя по расцветшему Кузнецкому. Он ощущал себя хозяином жизни. Нарочно заставил себя заехать в театр, чтобы «пипл заценил», и небрежно поигрывал булавкой с поддельным бриллиантом, протыкавшей узел галстука. Да, на вкус истинного ценителя стиля Яша перестарался, но на старых друзей произвел неизгладимое впечатление. Это был как раз тот самый случай, когда Балаганов, приседая, хлопал Бендера по плечу со словами «забурел», и искренне им восхищался. Яша поставил «отходную» – велел взять самого лучшего вина, а не «шмурдяка», и монтировщики, сдвинув столы в кафе, сообразили стол. Пили за Яшу, за его процветание, а Темницкий даже пообещал снять его в роли Паратова. Если доберется до «Бесприданницы», разумеется. Яша все оглядывался по сторонам, поджидая Магду, обнимал и тискал молоденьких актрис и даже опытных прим, которые наперебой протягивали к нему сигареты – Яша, огонюк не найдет? Все ахали и восхищались, как будто Яша уже потеснил и Волкова, и Кардена, и Ив Сен Лорана. Магда всплыла, когда веселье уже дошло до точки. Рядом с ней болтался какой-то незнакомый молодой человек, по всему виду совершенно неопасный. Магда подставила прохладную щеку Яше, отщипнула пару виноградин, и вдруг сказала Яше – у меня такая тоска, давай я выйду за тебя замуж? Тут же разговоры стихли, Темницкий сложил руки в замок и оперся на них подбородком, ожидая, что ответит Яша. Положение было идиотским. Памятуя о том, что обещать – не значит жениться, Яша надул щеки, выпучил глаза, покрутил невидимый ус, и рывкнул, – не вижу препятствий! Все облегченно рассмеялись, а Яша влил в себя стакан коньяку и тут же уснул.

Проснулся Яша от барабанного боя. Магда сидела за неубранным столом и читала книжку, из наушников неслись крики и утробный гул японских барабанов. Как ты можешь читать в таком шуме, – Яша протянул руку, перевернул книжку, прочел название, – «Жизнь насекомых», Жан Анри Фабр. – Это-то тебе зачем? Магда лениво потянулась, – мне интересно. Мне кажется, что раньше я была насекомой. Насекомым? – уточнил Яша. Нет, именно – насекомой. Такая женщина-муха. Или женщина-пчела? Нет, наверное, я была стрекозой. А я – муравьем? – Яша притянул её к себе. – Куда поедет? По барабану, – ответила Магда.

Днем на Татарскую ввалилось полтруппы, они гуляли всю ночь на чьей-то даче, и сейчас хотели продолжения банкета и развлечений. Распив шампанское из горлышка, растормошили Магду и Яшу – вы же вчера собирались жениться? Поехали! Яша, ощущая, что все еще участвует в каком-то смешном спектакле, хепенинге, легко согласился, чтобы не подводить компанию. Поехали в ЗАГС, где у Темницкого работала какая-то то ли поклонница, то ли родня, и совершенно обалдевшая тётка, забыв надеть алую ленту и взять в руки витую указку из оргстекла, занесла «брачующихся» Магду и Яшу в Книгу записей актов гражданского состояния. Яша настолько увлекся, что не нашел в себе сил сопротивляться, а Магда искренне веселилась, получая от этой свадьбы удовольствие – как от хорошей еды, анекдота или мужского восхищенного взгляда. После ЗАГСа гуляли в ресторане ВТО, Яша не пьянел, а трезвел от каждой выпитой рюмки, и с ужасом думал, что же будет дальше? Вечером Магда уехала со всеми на спектакль, а Яша, бросив в тарелку с объедками дурацкое детское колечко с Микки-Маусом, надетое ему на палец Магдой, отправился домой. Всю ночь он просидел за эскизами, курил, пил кофе, прислушивался – не зазвонит ли телефон, и, окончательно перепутав день с ночью, уснул, чтобы проснуться в четыре пополудни с дикой головной болью. Про Магду он старался не думать, надеясь, что все это ошибка, и эта тетка в ЗАГСе спохватится и уничтожит запись о том, что Магда теперь – Магда Измайлова.

В мастерских Яша почувствовал себя значительно лучше, и уже контуры будущей коллекции определились, и оказалось, что работать интересно, и рука сама подхватывала идеи, которые рождались в голове. Саднило одно – то, что Зина была в Париже. Да еще и с Борисом.

## Глава 13

– Яша, – Магда вошла без звонка, и Яша вспомнил, что собирался поменять замок, – проснись! Ты помнишь, что ты мне обещал?

– Нет, а что?

– Мне нужно что-то супер, мне на гастроли лететь?! У меня самолет утром? Ты что? Ты ничего не сделал? Я так и знала! А ведь я твоя жена!

Яша хотел заметить, что жена все-таки, ночует дома, даже, если не готовит обед, но сдержался. У Магды был обиженный вид.

– Я сделаю – к утру. А что я буду с этого иметь? – Яша мучительно соображал, из чего можно за ночь сообразить костюм для Магды.

– Сшей, потом разберемся. Я – в душ.

Азарт, вот, что стало овладевать Яшей все чаще. Тот азарт, который подстегивает, будоражит фантазию, позволяет отказаться от стандартных решений! Тем более, что Магда – просила его, а не он просил – Магду. Яша поставил «Pink Floyd», сел на пол, задумался, встал, пошел выворачивать содержимое кладовки – бабушка, как и все советские женщины, скупала ткань, которую «выбрасывали» в магазине, и складывала – на «черный день». Яша выбрал – тик для матрасов, в полосочку. Один отрез – в голубую, узкую, а второй – в широкую красную и синюю узкую. Магда долго плескалась в ванной, пела, струи душа хлестали по занавеске, пахло какими-то загадочными то ли духами, то ли шампунем, отчего желанием сводило скулы и хотелось нырнуть туда, к ней, за занавеску. Магда вышла, оставляя на полу мокрые следы ступней безупречной формы, улеглась на Яшину кровать, заткнула уши наушниками и уснула. Магду не разбудил даже стук машинки, лязганье ножниц и Яшины восклицания. «Pink Floyd» был слышен еле-еле, фоном, как уличный гул. Когда Магда проснулась, она нашла на плечиках костюм – пиджак в узкую полоску, двубортный, с тяжелыми синими пуговицами, пришитыми красной ниткой, и изумительные по изяществу брюки, сшитые столь виртуозно, что полоска догоняла полоску, не меняя рисунка. Магда повертелась перед зеркалом в прихожей, сдернула с вешалки бабушкину соломенную шляпку, поцеловала зеркало так, чтобы отпечаталась яркая губная помада, и – упорхнула. Когда Яша проснулся, в комнате было пусто, только плавала в ванной пустая бутылочка из-под шампуня. Яша вздохнул, вытащил пробку, повесил на веревку мокрое полотенце и отправился в мастерские.

Зина должна была прилететь со дня на день, Яша нервничал, работал по ночам. Почти вся коллекция – три мужских костюма и шесть женских – юбки-сарафаны, плащ, платье, – были отшиты, подогнаны на манекенщиц, оставалось совсем ерундовое – отпарить, разогнуть швы, ну, если останется время – дошить аксессуары, рюкзачки, сумки, даже косметички. Яша выгнал всех, и колдовал, скрытый густым паром. Гладильные доски ходили ходуном, пар поднимался к плакату «Портной гадит – утюг гладит», и уже все комплекты были разложены на столах, и Яша еще и еще раз брызгал из пульверизатора, чтобы ткань села, как следует, и тут... тут он случайно, взмахнув рукой, сшиб с полочки какую-то банку. Банка оказалась неплотно прикрыта, и на всю Яшину мокрую джинсу упали мельчайшие крупинки хлорки. Какой дурак здесь хлорку ... – только и успел простонать Яша.

Всё было безнадежно испорчено. На жилетках, на юбках, на куртках, на джинсах – везде появлялись и множились обесцвеченные точки. Белые в центре, и темно-голубые по окружности, они напоминали звезды – с ярким, слепящим ядром. Кое-где «звёзды» вышли огромными, а где-то крохотными, как звёздная пыль. Яша застыл в отчаянии, потому что это был – провал. Нет, не провал, хуже. Он понимал, что Зина получила деньги под эту коллекцию, и, хотя был совершенно далек от денежных вопросов, мог догадаться, чем это обернется. Успею

перешить, – Яша обвел взглядом все комплекты, – успею? Успею! Всех зарядим, ну, три, пять, дней? Яша дёрнулся – бежать, и тут открылась дверь, как это обычно и бывает. Сияющая Зина, в чем-то умопомрачительном, летящем, струящемся, с какой-то новой стрижкой, вся – нездешняя, вся – парижанка, и сзади – свита, и почему-то «Кемаль» из Сумгаита, и какие-то не то мальчишки, не то девочки, весёлая толпа, райские птички... набились в комнату, а Зина, широким жестом – прошу любить и жаловать, Яков Измайлов, модельер, дизайнер, художник... Те головами закивали, – Жакоб? Э бьен, карашо, давно хотели познакомиться... Яша стоял, как будто проглотил тот самый портновский метр, а Зина, быстро переведя глаза на разложенную джинсовку, тихо ойкнула – всё сразу поняла, весь размер катастрофы, и Яша тоже понял, что она уже прокручивает в голове, как из этого выйти, как объяснить, как выцыганить время на то, чтобы успеть отшить заново, а тут один такой, мулат, в канареечных штанишках, в шутовском смокинге, в клетчатом галстуке на тощей шейке, подскочил, стал рассматривать, цокать языком, губами причмокивать, подозвал переводчицу, – спросите месье, кто автор рисунка ткани? Та переводит. Яша плечами пожимает, молчит, как сознаешься, что угробил столько материала? А тот уже хватает еще влажную куртку, прикладывает на одного, такого же, из свиты, восхищенно пальцами щелкает, – о-ла-ла, шик, манифик, новое слово в деним! И тут же – к Зинаиде, – сколько? Та, недаром, что в Париже побывала, уже на ходу мысль поймала, плечами пожала – договоримся, если мол, американцы не перекупят, сами понимаете... Когда вся компания вывалилась из комнаты, Яша сел на табурет. Ноги тряслись, во рту пересохло. Что это было? Что теперь? Повесят? Забежала секретарша Зинаидина, Нелли:

– Яшка! Это полный писец!

– Я в курсе, – уныло кивнул головой Яша.

– Ты хоть понимаешь, ЧТО ты сделал?

– Догадываюсь...

– Там контракт на миллионы, наверное. Яшка... офигеть, ну кто б мог подумать?

– Из меня вычтут? – Яша думал о том, что от аванса осталось рублей пять, – лучше б я монтировщиком у Темницкого был...

– Яш? Ты нормальный, чи шо? Ты теперь миллионер! Яшка! Они там орут, руками машут! Зина торгуется, все, я пошла, а то сама все пропущу!

– Ну, что? Победа?! – Зина плюхнулась на диванчик, – не могу, устала. Перелёт, да еще таможня, мы же кучу образцов привезли. Яшка, ну, сознайся? Как тебе это пришло в голову? Это после наших «тай-дай»? Нет? Нет, ты же не варил джинсу, конечно... в том-то и фокус, варёнка всем приелась, они давно к традиционному дениму вернулись, но индиго – что? Темнее -бледнее, хотели с цветом поиграть, но... а ты! Я не ожидала, честно, ну, честно же!

– Я сам не ожидал, – умять успех Яше не хотелось, и сознаться, что он просто неловко махнул рукой, было глупо, – так, знаешь, экспериментировал ... – он искоса посмотрел на Зину.

– Над названием подумаем, или «galactic stars», или «galactic flare»? Ну, что-то в этом духе?!

– «Galaxy ironing»?

– Почему глажка? Тогда уж – стирка?

– «Galaxy wash»?

– А что, кстати? Тут ведь, смотри – вроде бы как выстирали, и так чисто, что засияли звезды? Класс?

– Зин, я соскучился, – Яша подсел на диванчик, – Зин? Я заслужил твою любовь?

– Яшка, брось, – Зина отодвинулась, но Яша заметил, что она волнуется, – разве любовь можно заслужить? Мне, во всяком случае, не удалось. Ну, тогда. Ой, я прошу тебя, не будем об этом?

Яша вытащил сигарету.

– Зин?

– Яш, не кури, ты что-то жуткое куришь? «Яву», что ли? Гадость, какой запах. Я привезла тебе хороших сигарет, кстати. Да, там сувениры, и бабушке, да. Душно тут.

– Зин? Я не услышал ответа на мой вопрос? Заслужил? Или нет?

– Ты знаешь, я сейчас мечтаю об одном – лечь, лечь, и спать, спать...

– Поехали ко мне?

– Кстати, у нас еще а ля фуршет сейчас, нужно выпить, ибо есть, за что! Еще вопросы есть?

– Есть, конечно, – Яша взял Зину за плечи и повернул к себе, – а где же Борис?

– Борис? – Зина махнула рукой, – ой, Борька теперь абсолютно в шоколаде! Он остался в Париже, представляешь?

– Борька? Женился?

– Нет, не угадаешь! Его взяли в модельное агентство...

– Юристом?

– Яш? Каким юристом? Моделью...

– Борьку? Так туда берут вроде...

– Вот, как раз в роде и наш Боречка.

– Он? Он что..? Борька? Зин?

– А ты не знал?

– Так он никогда ко мне...

– Ты не в его вкусе, Яшка, – Зина расхохоталась, глядя на Яшу, – просто тебе не повезло! Да, кстати, Борька просил тебе передать, – и она протянула Яше плотный конверт.

– Это что? – Яша постучал углом конверта по ладони. Угол тоже был – твёрдый. – Борька же насчет тебя намекал?

– Яша, уймись, твоя прозорливость всегда меня восхищала. Ты умеешь одно – не замечать очевидные вещи. Впрочем, прости. – Зина махнула рукой, – я веду себя, как жена. Хотя и бывшая.

Яша повертел конверт, и аккуратно вспорол его лезвием ножниц. В конверте было письмо.

«Старичок, представляю себе твою вытянутую физиономию. Помнишь, как в том анекдоте про татуировки на груди у невесты? На левой мне накололи профиль моего первого... моряка... а на правой – второго, контрабандиста. Что ты смеешься? – спрашивает она жениха. Представляю, как лет через двадцать у них вытянутся физиономии. Яш, не грусти, по здравом размышлении я решил сменить нерушимый союз на Республику, это как-то надежнее, а к нам, сам понимаешь, в России долго будут относиться иначе. Я этого не хочу, старичок! Ну, и в память нашей дружбы, если и не любви, позволь презентовать тебе твои комнатки, на Татарской. Владей. Это твое. Да, кстати, если Зина не пошлет тебя ко всем чертям, а это следовало бы сделать, женись на ней! Ты будешь богат, как Крёз, и выкупишь все остальные жп (жилые помещения). А Магду гони, гони, Яша – это я тебе, как юрист, говорю. Будешь в Париже – жду в гости! Зина, Яша – это великая женщина. Если бы я мог, то я бы – женился на ней! Б.»

– Это что, Зин? – из конверта выпали какие-то бумаги.

– Он тебе подарил твое детство, Яша. Или вернул, не знаю, как точнее.

– Клара... я охреневаю, – Яша схватился за голову. – У меня, что? Свои комнаты? Личные? Мои? Ну, Борька! Вот, такие дни, Зин, это просто какой-то крутой поворот!

– Яша, это еще не всё. – Зина расправила юбку, потом натянула её на колени. Наклонилась вперед. Сцепила руки в замок. Потёрла лицо. – Это всё так неожиданно. Понимаешь,

я сама к этому совсем не готова. То есть, не так. Я, разумеется, об этом думала! Но как-то отдельно от тебя, что ли? Я думала больше о том, как я с этим буду жить, понимаешь?

– Понимаю, конечно! – у Яши в душе пели птицы, – кто б мог подумать, что ты станешь такой бизнесменшей? Я, честно говоря, думал, что максимум, чего ты добьешься, это место где-то в институте легкой промышленности? Ну, или на фабрике. В Иваново! – Яша попытался обнять Зину, – не сердись, Зин! Ну, кто б мог ожидать? Я тоже не ждал!

– Да я, собственно, не о мастерских, Яша...

– А о чем? Зин, сейчас джинсу запустим, у меня есть идеи для твоего, как это? «Прет-а-порте»?

Зина посмотрела на Яшу тем особым взглядом, каким мудрые матери смотрят на несмышленишек, и только начала следующую фразу «наверное, ты меня не понял», как в дверь постучали:

– Зинаида Валерьевна, французы ждут!

В холле были сдвинуты столы, на столах лежали листы крафтовой бумаги, и все вышло очень стильно, и были какие-то мелкие цветочки в стаканах, и даже свечи, и россыпь закусок, и все было душевно, и поднимали тосты за дружбу Франции и России, за Коко Шанель и Волкова, пили, целовались, кто-то притащил магнитофон, и сладко и томно запел Иглесиас, и Яша пригласил Зину, и все норовил поцеловать ее в висок, и говорил, что таких ушных раковин у женщин не бывает, и что Зинино ушко – произведение искусства, и прижимал её все сильнее, так, что она отстранялась от него, а потом пили кофе, и сидели на мешках с обрезками тканей, и было так задушевно, что вполголоса спели Монтановское —

C'est une chanson, qui nous ressemble,  
Toi qui m'aimais, moi qui t'aimais.  
Nous vivions, tous les deux ensemble,  
Toi qui m'aimais, moi qui t'aimais.

Вдруг, как это и бывает на таких вечеринках, разом заговорили о деле. Обсудили джинсовую коллекцию, стали думать над названием, сошлись на «galaxy wash», хотя французы были против, и вспомнили лейбл ZIZ – Зина и Измайлов, а кто-то, возьми, да скажи:

– Кстати? Теперь это нельзя!

– Почему? – Зина повернула голову.

– Да как же, Зинаид Валерьевна, Яша же женился на этой, на модельке, на актрисуле?

– На ком?

– Да на Магде же! Она ж теперь тоже – ИЗМАЙЛОВА?!

Повисла пауза.

– Это неправда, – Яша сжал Зинину руку, – это такая шутка, дурацкая.

– Шутка, – тихо сказала Зина, – конечно, шутка. Жаль, что ты пошутил – именно с ней.

– Зина, ну, знаешь, как это бывает? Сидели, бухали, Темницкий такой розыгрыш предложил...

– Понимаю. А что, сам Темницкий? Костюмчика свадебного не было? Так ты бы ему, Яша, сшил?! Невесте, думаю, повезло больше?

– Зина, да не было никаких костюмов, это всё... спонтанно, это же глупость полная, я даже забыл про это!

– Ну, что, господа? – Зина побарабанила по столу пальцами, – поздравим нашего замечательного Яшу с законным браком, и пожелаем молодым, как это? Совет, да любовь. Плодитесь, и размножайтесь, сука ... – Зина произнесла последнее слово шепотом, вскочила, не смогла скрыть слёзы, заметалась по комнате и выскочила в коридор. Оставшиеся молчали.

– Кто тебя просил, дуру, – Яша посмотрел на ту, что сказала про Магду.

– А я тут причем? – она сидела на коленях у француза и пила вино, – вчера в журнале «Русское кино» было интервью, твоя Магда дала, хвасталась, мол, какая она актриса и какой у неё муж прям – мечта! Красный модельер...

Яша побежал по коридору, заглядывая в комнаты – Зина исчезла. Слабый запах её духов был слышен на улице, и Яша понял, что она уехала. Он сел прямо на грязный тротуар и уткнул голову в колени. Дальше время побежало быстро, готовили коллекцию к показу, сняли конференц-зал в дорогом отеле, Яша метался между закройщицами, швеями и манекенщицами, был творческий бардак и полная неразбериха. Зину он почти не видел, она появлялась только по утрам, сухо и по делу разговаривала с Яшей, и исчезала. Наедине с ней остаться не было никакой возможности – рядом постоянно кто-нибудь, да был. Времени не хватало, Яша даже не успевал доехать до дома, спал тут же, мечтал о ванне, о постели со свежим бельем и о том, чтобы скорее все это кончилось. Как-то раз позвонила Магда и капризным голосом сказала, что ей нужны деньги, и что она хочет прилететь на показ, и Яша вообще мог бы позвонить ей...

## Глава 14

Магде вдруг перестало везти. Ее образ полудевочки, полуженщины, то ли Лолиты, то ли Манон, приелся Темницкому. На штампах вся, – говорил он, – куда? Нет под неё драматургии, нет сценариев, а взошла, кстати, звезда новая, Тата Трубич – и в этой нише Магде делать нечего! Трубич – сильная актриса, обаяние сумасшедшее, естественна, как кошка – там и режиссер не нужен. Ломается Магда, все что-то из себя играет... Отдай ее в театральное, пусть учится, – советовали ему, – к тому же у нее теперь этот, муж? Модельер? Вот, пусть займется, тебе – зачем? Темницкий, конечно, скрывал, по чьей вине Магда решилась на криминальный аборт, и только это удерживало его от того, чтобы уволить Магду из театра. Гастроли в Костроме вышли провальными, повезли старый репертуар, да еще совпало с жарой и общей смутой в государстве. В один из таких неудачных вечеров Магда, выпив больше обычного, сепилась с Темницким, наговорила ему гадостей, он, с легкой душой, ответил ей тем же, и первым же поездом Магда вернулась в Москву.

В этот день была последняя примерка, в мастерских царил настоящий ад, все были взвинчены, и тут появилась Магда, которая ухитрялась даже после поездки в плацкартном вагоне выглядеть так, будто она провела утро в спа-салоне. Магда давно оставила свои маечки и цветастые юбки, носила, как и все – накладные плечи, короткие юбки, цветные леггинсы, но и в этом ухитрялась не выглядеть пошло. Как и обычно, её появление на публику было обставлено ею самой с чрезвычайной тщательностью. Фигура у Магды была такая, как надо – и длинные ноги, и маленькая грудь, и узкие бедра – да еще она умела ходить, как ходят манекенщицы, и несла себя, и высокий каблук под ней не подламывался, и нога шла «от бедра» – короче, даже здесь, в мастерских, она не осталась незамеченной. С Яшей она обнялась так, будто дороже его никого у неё не было, и ему это было приятно. Зина, замотанная работой и дурным самочувствием, выглядела просто ужасно – и Магда, почувствовав это, закрепила успех, сказав Зине, что у неё есть прекрасный визажист, который вернёт Зине молодость и прекрасный цвет лица, и что, да, Зина! спасибо за ключи, они ей оченьгодились. Зина пыталась совладать с собой, но вышло это плохо, и все вокруг это замечали, и ждали, как же этот треугольник распадется? Рядом с Магдой Зина выглядела серой мышью, предназначенной или в мышеловку, или на съедение кошке. Яша старался одного – избежать конфликта, и не провалить завтрашний показ. Магда, ощущая, что в её отсутствие Яша решил вернуться к Зине, поступила предельно просто – громко сказала в буфете, – Яшечка, все, я домой, я так устала, – зашла в Яшин «кабинет», оставила дверь открытой, и разделась. Дальше все было по сценарию дурного анекдота – конечно же, Зина, взбешенная тем, как Магда себя вела, полетела к Яше, чтобы устроить нормальную женскую истерику, а потом помириться, и получить от Яши обещание, что она завтра! завтра же! подаст на развод. Вместо этого Зина увидела на троечку исполненный этюд «соблазн», но и этого ей хватило.

Показ состоялся, и откуда-то вновь появился Кемаль, с той же самой свитой, и прилетел Борис, и была куча всякого народа, и Яшина коллекция буквально взорвала зал, и Яша все выходил, и кланялся, и его обнимали, тискали, он весь пропах чужими духами и потом, и все искал глазами Зину, но находил лишь – Магду.

На поклоны Магда вышла вместе с Яшей, просто выскочила из кулис, взяла Яшу под руку и стала раскланиваться, направо и налево, слать воздушные поцелуи, и вообще, вела себя так, как будто она, тут и есть – первое лицо. Она совершенно затмила Зину, и камеры ловили именно её лицо. Зина, понимая это, даже отступила сама, и, строго и стильно одетая, казалась, скорее, мамой Магды... В толчее и суете Магда ощущала себя царицей бала, она раздавала автографы, мило кокетничала, обменивалась визитками с какими-то иностранцами, цепко

следуя за тем, где в это время находится Зина. Магда не отпускала Яшу ни на минуту, и он следовал за ней, как собачонка на поводке. Мой муж, знакомьтесь, Яков Измайлов, о, да, тот самый, тот самый... кутюрье, да-да... ох, не знаю, осень? У меня съемки, но может быть, может быть...

В это время Зинаида плакала, сидя на каких-то ящиках во внутреннем дворике, и пыталась что-то объяснить Борису, который сидел перед нею на корточках, и держал ее руки в своих.

– Борь, Борь, ну ты понимаешь, я, как узнала в Париже, что залетела, я испугалась, и ты же помнишь, как я психанула, помнишь?

– О, да, дорогая, ты хотела сигануть с моста Мирабо... или с Эйфелевой башни, все-таки?

– Борь, ты опять смеёшься, – она поцеловала его в макушку, – Борька, у меня нет роднее тебя, ну почему я так несчастна, Боря?

– Зин, ты счастлива. Ты беременна, ты сейчас подписала такую кучу всякого, что твой модельный дом затмит скоро и Париж, и Рим, и Кузнецкий мост. Зина, соберись, ну, что тебе Яша? Ничтожество, амёба, что он – тебе?

– Я его люблю, – Зина слизывала слёзы со щек, – я дура, но я не могу без него!

– Тогда я организую Яшин развод с этой Магдой Мигдаль, это плёвое дело, её отовсюду уберут, она сдуется, сопьется, или сколется, и успокоится. Уж я-то её знаю! Или тебе её жалко?

– Нет, я так не хочу. Он сам должен. Сам!

– Хорошо, тогда я делаю тебе предложение. Выходи за меня, я обеспечу тебе доброе имя и тыл, рожай, и уедем. Единственное условие – уедем!

– Борь, ну ты же...

– И что? Такие браки прочнее всех иных, ты же сама знаешь... я люблю тебя, я восхищаюсь тобой, неужели нам этого будет мало?

– Боря, водички принеси? – Зину потряхивало, – не могу, то ли температура, то ли нервы?

– Все вместе, – Борис поднялся, – давай-ка, поедем, уже светает, в твоём состоянии нельзя рассиживать на каких-то мусорных ящиках.

Борис принес бутылочку воды, Зина порылась в сумочке, вытащила упаковку, выдавила из блистера сразу две таблетки.

– Что ты пьёшь, – Борис протянул руку, – покажи?

– Да, мне французы дали, они все там на этом сидят.

– «Стрезам», – Боря повертел упаковку, – Зина, я противник всей этой химии, ты же знаешь? У меня есть чудный травник, я тебя завтра отвезу к нему.

– Завтра, да. Но сейчас – хотя бы снимает всю эту трясучку. Борь, я все-таки поговорю с ним?

– Кто я тебе, чтобы давать советы? – они шли по пустынной Тверской, Боря обнимал Зину за плечи, – это твоя жизнь! Яша – твой выбор, осознанный, или бессознательный. Сейчас говоришь не ты, говорит твой материнский инстинкт. Давай, я завезу тебя домой?

– Я не хочу домой. Родители! Дома я становлюсь ребенком, там я подчиняюсь, чтобы не обидеть их, и они меня ломают, и мне, чтобы восстановиться, приходится тратить столько сил! Ох, Боря, я устала. Я не хочу быть сильной, я хочу быть нежной и слабой. Сидеть в качалке, среди розовых кустов, листать дамский романчик, и, чтобы ветерок шевелил страницы, и бабочки летали!

– Так я тебе и поверил! – Борис махнул рукой, и остановилось такси, – ты с ума через час сойдешь, перекрасишь розы на кустах, а бабочек насадишь на булавки!

– Это грустно, – Зина поежилась, – неужели, и бабочек?

– Поехали ко мне, у тебя будет своя комната. Да и я тебя не скомпрометирую, это уж точно! Бабочек поймает по дороге...

– Нет, нет, домой...

Следующий день был выходным, Яша провалялся у себя, в Черемушках, всё раздумывая, ехать ли ему на Татарскую, а если ехать, сказать ли Магде, что это теперь его комнаты? И сама мысль о том, что Магда поселилась в ЕГО комнатах, вдруг стала Яше неприятна. Вот, если бы Зина? Зина смогла бы поладить с соседями, она бы занялась и выкупом остальных комнат, с её-то энергией? Яша раз мечтался – семикомнатная квартира, в Замоскворечье! Теперь купить можно все – и мебель, и аппаратуру! И машину, да. И можно махнуть, хоть в Штаты, хоть в Турцию! Теперь же денег море, просто море! Яша, слегка пошатываясь от похмелья, дошлепал до ванной, где валялись его брюки – в карманах были деньги, визитки, чья-то чужая зажигалка, мятая пачка сигарет. Нет, надо с Магдой развестись, – Яша смотрел на себя в зеркало, – конечно, такой женщины у меня больше не будет, но она же не только – у меня? Она – у многих! А Зина только моя. Или у нее с Борей что-то было? Хотя... а вот, какой-то жених у нее был? Борька же говорил? Какой-то крутой, который всё может?! Куда он исчез? Или не исчез? Или Зинка с ним, а меня так, соблазнила, и бросила? – Яша разговаривал с зеркалом, собираясь с силами, чтобы почистить зубы. – И где эта Магда шляется? Все, развожусь. Прямо сейчас поеду и разведусь. Куда нужно ехать, Яша и понятия не имел.

## Глава 15

Дни, наступившие после показа коллекции, Зина посвятила разбору полётов. Чувствовала она себя неважно, всё её раздражало, ей было то жарко, то холодно, кружилась голова, а нужно было быть сосредоточенной, сильной и видеть на много шагов вперёд. Борис улетел, так и не получив от неё согласия, а Яша, пытаясь вернуть Зинино расположение, злил её еще больше. Нужно было лететь в Турцию, вместе с Яшей, «продавать» «galaxy wash», договариваться с фабриками, и всё это были деньги, и контракты, и обязательства, и труд – ежедневный, тяжкий труд. Яша переехал на Татарскую, потратил пару дней на то, чтобы уничтожить high-tech в комнате, и вышло хорошо, и он даже снял с той стены, где было окно, обои и штукатурку, и расчистил кирпичи, и это придало комнате какой-то необыкновенный вид, как будто дом только-только построен и еще не обжит. Магда появлялась, когда хотела, Темницкий все-таки пристроил её на актерский в театральное училище, и Магда аккуратно шупала почву – на курсе она оказалась едва ли не самой старшей. Яша, каждый день, просыпаясь к полудню, а то и позже, думал, что вот, надо бы пойти сегодня в ЗАГС, и написать какую-то бумагу, после чего Магда перестанет быть его женой, но на это нужно были силы, и, скорее всего, это нужно было делать с утра, а утром Яша спал. Он не чувствовал никакой вины перед Зиной, ведь он Зине с Магдой практически и не изменял?

Все документы для отлета в Стамбул были готовы, и Зина осталась в мастерских, чтобы проследить за тем, как упакут коллекцию, но, как это обычно бывает, в момент, когда приехали за кофрами, никого из рабочих не оказалось, и она сама, вместе с девчонками таскала эти здоровущие ящики, и психовала, и кричала, и...

Яша оказался в аэропорту заранее – он никогда не летал за границу, нервничал, слонялся по залу, искал знакомые лица, пугался, что перепутал аэропорт, смотрел на часы... К нему подлетела запыхавшаяся Зинина помощница Марина, – Яш, у нас беда, Зина в больнице.

– Зина? – Яша испытал одновременно и страх от того, что что-то с ней случилось, и облегчение – не нужно никуда лететь! – А что такое?

– Да я не знаю точно, – Марина старалась не смотреть Яше в глаза, – заболела, наверное. Температура. Ну, и это... вообще ей плохо стало, по «Скорой» забрали.

– Хорошо, – Яша подвинул ногой свою сумку, – то есть, не хорошо, в плане, что хорошо. Хорошо, что не летим, я чего-то совсем не хочу. Поехали?

– Яш, нет, лететь надо! Зина просила тебе передать, «Mike. Whiskey.» – Вот, на бумажке. Я не поняла?

– Я понял, – Яша сделал несчастное лицо и взял сумку, – а кто летит вместо неё?

– Я полечу, я и так должна была лететь, а в Стамбул прилетит Борис. А что это? Майк и Виски?

– Да, это наше, школьное, – Яша поправил очки, – мы в 7-м классе ходили в кружок юных моряков. Это сигналы, флажки такие. Ну, мы на уроках вроде как... как тайнопись, да. Типа пароль, что ли? Куда идем? Я готов.

Слова «Whiskey» и «Mike» означали – я болен, не могу быть с тобой. Эти флажки то Зина, то Яша показывали друг другу в окно, когда простужались, а родители запирали их дома. Это был сигнал опасности, но – не смертельной, потому как откуда взяться такой – в 7-м классе?

По иронии судьбы, если в этом может быть ирония, Зина попала в ту же, 56-ю, больницу, просто потому, что мастерские были неподалеку от 5-го Монетчикова переулка, на Малой Ордынке. С ней говорили так же грубо, и были бы также равнодушны, как и к Магде и к сотням

других женщин, если бы не доллары, перекочевавшие от Марины – последовательно, к врачу в приемном отделении, к дежурному врачу, к зав. отделением, к главврачу, медсестрам, нянкам, анестезиологам – ко всем, кто обычно стоит у берегов денежного ручья. Нашлась отдельная палата, нашлись лекарства, и уже вечером зав. отделением, присев на краешек кровати, обдав Зину сложной смесью из больничных запахов, табака и дорогих духов, сказала устало и интимно:

– Ну, что? Тебе оставлять, или как?

– Оставлять, оставлять, – задохнулась Зина.

– Можно попробовать, но учти – будешь весь срок валяться, задрав ноги, а ты, как я вижу, не из таких?

– Из каких?

– Ну, не домашняя истеричка при богатом муже. Работаешь?

– Да, – Зина говорила и прислушивалась к себе, – конечно. Я работаю. И у меня нет мужа.

– Хорошо, думай до завтра, – врач вышла в коридор. Она была хорошей тёткой, просто устала от своих и чужих проблем. Часом позже, в ординаторской, она говорила девочке-интерну, что бабы делают аборт, чтобы облегчить жизнь себе и усложнить ее любовнику, а выходит наоборот – усложняют себе и облегчают – ему.

Утром Зина, которая боялась не то, что встать – пошевелиться, сказала, что готова на всё, только бы выносить ребенка. Она даже спросила, а мальчик это будет или девочка, но врач пожала плечами – УЗИ еще только-только появилось.

Турция Яшу оглушила и ослепила. В Турции было – всё. Буквально, всё. Никакого социализма не было и в помине, а капитализм был так хорош, что Яша чувствовал себя обманутым и обкраденным с детства. Турецкая сторона принимала Яшу «согласно законов восточного гостеприимства». Яшу поселили в пятизвездочном отеле в Старом городе, и он не мог прийти в себя, и не решался сесть на приветливо пододвинутое к столику полукресло, не знал, какими полотенцами пользоваться, сколько давать на чай, и первые полдня просидел на балкончике, глядя на залив и Босфорский мост. А дальше его закружили, обольстили, словно вывалили перед ним содержимое ларца с драгоценностями, и Яша, открыв рот, ходил по цехам фабрик, по складам, магазинам, бутикам, ресторанам, и не понимал одного – как же он жил до сегодняшнего дня в этой серой, унылой, угрюмой, нищей стране? Почему в СССР не было даже миллионной части этого великолепия, зачем нужны эти искусственные гвоздики и шествия с портретами вождей, когда можно жить вот так – ярко, крикливо, шумно, и – свободно. Разговаривать с Москвой можно было из номера, и Яша, приняв ванну с умопомрачительными ароматами, лежал на кровати, лениво щелкая выключателем бра, смотрел в окно на купол мечети и ждал, когда Зина возьмет трубку. Зина говорила с ним осторожно, лавируя между личным и деловым, предостерегала от ошибочных действий и, в конце концов, в который раз уже убедившись, что Яша личность исключительно творческая, а не деловая, вызвала на помощь Бориса. Тем же вечером Яша с Борисом сидели в ресторанчике на берегу бухты, и говорили – обо всем.

– Я не могу понять, – Яша водил пальцем по краю бокала, – получается, что мы, в СССР, все были обмануты? Чем мы были заняты, чем?

– Ты помнишь свои пластилиновые кирпичики? – Борис откинулся в кресле, – зачем ты их делал?

– Ну... вспомнил! Конечно, помню. Из них можно было построить все, что угодно. И дворец, и дот.

– Так и люди. Это те же кирпичи. Важно одно – кто архитектор, кто строитель. Из нас построили солдатиков, рабочих, механических человечков. Мы все должны были быть оди-

наковыми, равными – попробуй, построй что-то из кирпичей, разных по размеру. Что было важно в СССР?

– Что?

– Не высовываться. Быть таким, как все. Стандарт! Архитектор лепил кирпичики, ему не нужны были кубики, или шарики. И вот, вылепили. Под песни. Сейчас все кирпичики брошены, а сами они ничего делать не умеют...

– Хорошо, ты вырвался!

– Советую тебе сделать тоже самое. Женись на Зине, уезжай из России, начинай становиться личностью...

– Легко тебе сказать, – Яша потянулся за бумажником, – тут как-то страшно, знаешь, мне кажется, что они меня обсыпят сахарной пудрой и съедят, как рахат-лукум.

– А ты не давайся, – Борис подозвал официанта, – я расплачусь, валюта тебе еще пригодится.

В шикарном офисе, где фирма арендовала целый этаж, они подписали необходимые бумаги, Яша становился полноправным акционером, и его права на производство новой джинсовой ткани были заверены официально. Борис проверял каждую букву, и подавал Яше тайные знаки, чтоб ты тот, принимая обходительную любезность за искреннее дружелюбие, не совершил ошибки. Кемаль, в турецкой феске, изнывающий от жары в европейском костюме, попался Яше на глаза везде – ему даже казалось, что турок из Сумгаита преследует его.

«Турецкое время», как потом назовет его Яша, было буквально спрессовано, и те события, которые в Москве происходили за полгода-год, здесь совершались за неделю. Яша потерял счет дням, застольям, перед его глазами плыли волоокские турчанки, золотые минареты мечетей, ткани, ткани, ткани, какие-то пакгаузы, склады, машины, автобусы, нежно пели кондиционеры, лязгали ножницы, гудели суда в проливе, и все это было подсвечено огнями, а в воздухе запах жареного мяса мешался с дорогими благовониями. К Яше на пару дней прилетела из Ашкелона мать, которую он не видел много лет, и встреча вышла прохладной, и говорить им, в сущности, было не о чем, и Яша смотрел на молодящуюся нервозную женщину, слушал её рассказы о своём сводном брате, и не понимал, что его с ней связывает. Его детство, наполненное ею, прошло, а сейчас, слушая, как она выпытывает у него подробности его жизни, он испытывал неловкость, как, если бы он говорил с посторонним человеком. Эти бесконечные «почему ты не женат», «где ты работаешь», «почему ты не пошел в институт» – всё это, зеркально повторявшее «почему ты не покушал в обед», «почему ты не написал сочинение», ему, взрослому, было совершенно не нужно. Впрочем, мать, узнав о том, что Яша стал не просто модельером, но еще акционером, и еще владельцем недвижимости в Москве – представь, я выкупил те наши две комнаты, на Татарской? проявила к его жизни живейший интерес. Яша ничего не сказал о Борисе, но к чему такие подробности? Так что выходило все на зависть – её сын стал владельцем недвижимости в центре Москвы, да еще и «красным кутюрье». Мама тут же начала говорить, что отчим неудачник, и Израиль дико дорогая страна, и этот ужасный климат, и она хотела бы... ну, не то, чтобы вернуться, зачем? Но перебраться куда-то, где климат мягче... Яша все понял, пообещал, что оплатит матери перелет в Москву, хотя бы для того, чтобы повидаться с бабушкой. Намек насчет Европы был ему понятен, но, даже если он сам и мог себе позволить об этом помечтать, то никак уж о жизни под одной крышей с матерью, отчимом и сводным братом. Расстались они, впрочем, сердечно, и мама даже, неожиданно для себя самой, перекрестила Яшу – на прощание.

После банкета, устроенного в неофициальной обстановке, в доме у одного из директоров компании, Яшу вместе со всем коллективом отправили на три дня в Белек, где он окончательно и бесповоротно убедился в том, что деньги вовсе не есть то зло, о котором столько лет твердили

ему в СССР. Точнее, так – в Турции Яша понял, для чего человеку нужны деньги, а еще лучше – большие деньги.

В Москву он вернулся с началом осени. Магда, которую Темницкий «поступил» в театральное училище, была разочарована курсом – из студенток она оказалась всё же самой старшей, курс был набран неудачно, сменился руководитель, набиравший его, и не было того семейного единения и творческой идеи, чтобы впоследствии, из случайно собранных вместе людей родился новый театр. Каждый был сам за себя и сам по себе. Необходимая муштра угнетала Магду, все эти занятия казались ей скучными и её энтузиазм начал потихоньку гаснуть. Яше все никак не удавалось повидаться с Зиной, она передавала ему указания по телефону, работа шла, мастерские решили перенести в другое, более просторное помещение, шли переговоры с московским мэром, жизнь бурлила, каждый день появлялось что-то новое, у Яши появились заказы на самых высоких уровнях, всё было хорошо. Даже слишком.

## Глава 16

Измайловы перебрались на Татарскую улицу, а Яше еще раз повезло, и он выкупил комнату рядом с ванной. Комната была нелепой, судя по всему, когда-то перегородку поставили между ванной комнатой и спальней – и теперь альков соседствовал с изразцовым печным боком и кафельной стенкой, щербатой, как рот после драки. Эту странную комнату Яша забрал себе под мастерскую, а Магда заняла те две, Борины. Удивительно, но их сосуществование стало не просто сносным, а даже приятным. Правда, Магде не приходило в голову заботиться о Яше, в том привычном, семейном, смысле – она не умела готовить, терпеть не могла походы по продуктовым магазинам, а стирку сводила к минимуму, предпочитая все, что можно, сдавать в чистку. Но они вдруг поняли, что прекрасно ладят друг с другом – когда из их отношений ушло Яшино страстное желание обладать, и Магдино, такое же страстное – не дать этого Яше. Яшу перестала мучить ревность, Магда же, понимая, что злить Яшу нельзя, возвращалась домой подчеркнуто вовремя, и никаких гостей, музыки, шума. Яша помогал ей – когда Магда готовила отрывки, он подыгрывал, иногда это было смешно, иногда грустно, но чаще – Магда оставалась недовольна собой, замыкалась, злилась, курила до одури, не спала. Магда, кстати, охотно помогала Яше – выполняла роль – и «болвана», и манекенщицы, и злила немногих уже соседей коммуналки, расхаживая в трусиках и выкройках, сколотых на ней булавками. Совместный их быт ограничивался бесконечным кофе, бутербродами, которые Яша готовил изобретательно и виртуозно, и походами в пивной бар. Яша и на Зину махнул рукой – ну, не хочет она его видеть, да и ему не очень-то и хотелось. Вспыхнувшая тогда страсть как-то затихла, уступив место запоздалому изумлению. Необходимую потребность в женской ласке пусть неохотно, но честно восполняла Магда, а высокие чувства отнимали слишком много сил и времени – а давали так мало взамен. К концу сентября вдруг началось какое-то шевеление в мастерских, заговорили о грядущих переменах, но о каких, никто толком не знал. Яша как раз подготовил эскизы для будущей коллекции «Весна-лето», и просиживал в мастерской целыми днями, догоняя крой до безупречной чистоты и лаконичности. Он сидел на столе, болтал ногами, чертил мелком и стирал линии, как вдруг вошла Зина.

Зина принадлежала к разряду тех женщин, у которых беременность невозможно заметить до серьезного срока. Конечно, все в мастерских знали о том, что Зина беременна, строили догадки от кого, вычисляли сроки, на глазок определяли пол ребенка – но, главное, переживали, не помешает ли все это работе? Зина максимально берегла себя, стала вдруг суеверна, стала бояться сглаза, и потому всячески старалась, чтобы никто не догадался. Она боялась встречи с Яшей, и хотела её, и откладывала, и хитрила сама с собой, но вот – открыла дверь и столкнулась с ним нос к носу.

– Зинка! – заорал Яша, прыгнул со стола, бросил мелок, тут же раздавил его, потер подошву о брючину и кинулся обнимать Зину. Она отстранилась. Яша, решив, что причиной ее холодности является открытая дверь, ловко захлопнул дверь ударом ноги.

– Зинка, как я соскучился! Хватит дуться, – Яша опять попытался ее обнять, но она выставила руки вперед, – ты что, Зин? Я тебе настолько противен? – Он помолчал, посмотрел на нее внимательнее. Изменения в знакомом лице заметит и самый ненаблюдательный человек. – Зин, ты чего-то не такая? И раздалась? Тебе не идет ... – и тут Яша заткнулся.

– Ты развелся? – спросила его Зина.

– Да-а-а, – проямлил Яша.

– Развелся? – У Зины от волнения покраснели ушки, Яша знал эту её особенность, и часто нарочно доводил её, а потом дразнил, крича: «У Зинки ушки на макушке! Чуть утро осветило пушки! И леса синие верхушки! А Зинка тут, как тут!»

– Да, – повторил Яша, и добавил уверенно, – да, а что?

– Просто ... – начала Зина, и тут, как в дурном сне или в плохом кино, ввалилась целая компания. Видно было, что все подшофе, и настроение у них самое прекрасное и даже праздничное, и Яша с ужасом вспомнил, что сегодня, оказывается, день рождения Магды, и он обещал всех её друзей отвести в ресторан – самый дорогой, какой скажешь, – шепнул он ей утром на ухо, – сегодня ты – Королева бала. Магдина театральная тусовка жаждала развлечений. Магда подошла к Яше, погладила пальчиком меловые линии на ткани, и растерла мел на Яшином лице. Она стояла спиной к Зине – между Зиной и Яшей.

– Так кто это у нас развелся? – Магда легко вскочила на стол и пошла, как манекенщица по подиуму, кривляясь, вихляя бедрами, рассылая воздушные поцелуи, застывая в самых соблазнительных позах. – Кто развелся? Яша? Ты развелся? А я не в курсе? Какая прелесть...

– Магда, – Яша чувствовал себя идиотом, – нам надо развестись!

– Надо? Разводись?! – Магда улеглась на стол, и стала болтать ногами. – Яша? Кто тебе мешает? Ты же знаешь, я приветствую свободные отношения, зачем мне эти штампы и кольца? Если нет ничего здесь, – она положила руку на Яшину грудь, – и здесь, – она положила вторую руку на ширинку, – чем штамп поможет, а? Зина? Чем?

Зина молчала. По ней было слишком заметно волнение, с которым она пыталась справиться. Магда развернулась к Зине:

– Я не держу тебя, Яша.

– Я буду тебе помогать, – Яша, не ожидавший такого поворота, обрадовано зачастил, – я тебе буду давать столько, сколько надо, мы обсудим, правда, Зина? Ой, нет, причем тут Зина? Магда, сколько нужно, я готов...

– Это Я тебе буду помогать, – Магда красиво зевнула, – Я! И то – если захочу.

– Мне не нужно, что ты! – Яша закурил, и тут же, заметив, как Зина закашлялась, погасил сигарету, – у меня все есть. Все, ты не подумай!

– Ничего у тебя нет, – Магда уже направлялась к двери, – все твое – мое. Бумажки надо читать. Когда подписываешь! Ты хороший, Яша. Но – не бизнесмен. Нет. Жаль, да? Кемаль? Ты где, турецкий поданный?

Из коридора, в котором столпились друзья Магды, ожидавшие развязки драмы, выкатился Кемаль. Теперь сумгаитский турок был в конфедератке, с каким-то странным гербом на околыше.

– Тсаритса! – сказал он на ломанном русском, – повелевай!

– Бумаги покажи, – бросила Магда небрежно, – и объясни этому джинсовому королю, с чем он останется после развода. Яша! Законы надо знать! Про нажитое совместное! Имущество! Так-то! И Татарскую свою, кстати, тоже! Отдашь!

– А вот это вы, мадам, – кто-то ввинчивался в толпу, – погорячились. Вам больше идет быть – прохладной...

Рассекая собравшихся, подобно Остапу Бендеру, со словами, – «Мадам, это вы потеряли талон на повидло?», «Пропустите эксперта, вы, мужчина», – в комнату втиснулся, наконец, Борис. Все были возбуждены, а он – спокоен. Разгладил свой смявшийся пиджак, поцеловал ошеломленную Зину в плечико, показал Яше сжатый кулак, что должно было означать – «держись, прорвемся», откашлялся и сказал:

– Драку заказывали? – и, Яше, в сторону, – там, где ты, старичок, всегда проблемы, от тебя один дискомфорт... как говорила Маргарита Пална. Магда, а там, где ты, всегда коррида, бой быков – тут, сознаюсь, равных тебе нет!

– Жаль, Боречка, ты даже не пикадор, – Магда прикусила губу, – но появляешься, удивительно даже – в самый неподходящий момент!

– Мы, юристы, такие! – Борис приобнял Магду за талию, – так вот, девушка! Нельзя доверять туркам, нельзя!

– Да какой он турок, – зашипела Магда, – это ты его приволок, кстати!

– Какой – не какой, а потомок янычар... Ну, суть не в этом. Магда, дорогая, договора составлял я, а я тебя знаю так давно, что ты мне успела надоест. Авторские права Яши – это святое. Ты имеешь право на проценты от продаж, совершенных до расторжения брака. Ну, а продавать мы еще ничего не начали, сама понимаешь. Та доля, которую Яшенька имеет в Зининой фирме, не может быть раздроблена, если у Яши возникнут с кем-либо имущественные споры. Комнаты в бывшей коммунальной квартире на улице Татарская тебе не принадлежат, так как они переданы Измайлову по договору дарения, а вот долю на комнату ты можешь оспорить. К тому же, согласно изменений в законодательстве о семье и браке ... – и дальше началось перечисление параграфов, ссылок, комментариев, и Борис все это виртуозно излагал, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, отчего казалось, что он крутится вокруг своей оси, – так что, голуба, бери, что дают... а теперь ты, Кемаль! – но турок успел исчезнуть. – А! Вот! Магда? Апропо! Все, на что ты рассчитывала, ты могла получить, только выйдя замуж в гарем, к Кемалю. Подумай, подумай! Там хорошие девчонки, но у них скверный характер – сама понимаешь, гарем, дело тонкое ... Бабы, тем более в этом профсоюзе, жутко завистливые!

– Козел ты, Боречка, – Магда пощелкала пальцами, – как бы тебе сказать?

– А никак, – Боря поднес к губам Магдину ручку, – запястья у тебя божественные, королева...

Толпа исчезла так же стремительно, как и собралась – Магда, которая не унывала никогда, ни при каких обстоятельствах, отправилась покорять вечернюю Москву. Зина, которую еле держали ноги, опустилась на стул.

– Яша, ты мне врал. Ты всегда врешь, Яша!

– Зин, ты пойми, я этому вообще значения не придавал, понимаешь? Какая она мне жена, Зина? Зин, ну, не плачь, ты что...

Борис тихо прикрыл за собой дверь, бросил поджидавшему его приятелю:

– Пусть сами разбираются, ненавижу эти семейные разборки. Ну, а мы? Нас ждут великие дела! В путь, в путь!!! Куда богема полетела?

– В «Националь», по-моему?

– Отлично. Значит, нам – туда, – и Борис, довольный собой, с легкостью открыв тяжелую железную дверь мастерских, скатился по лестнице, сделал пару пируэтов на мостовой, жестом подозвал дорогую машину, припаркованную у обочины, и сказал сам себе, – все идет по плану тогда, когда есть – план!

В «Национале», он, лавируя между столиками, подошел к Магдиной компании, выпил бокал за здоровье новорожденной, отозвал Магду в сторону, дал ей в руку плотный тяжелый конверт, чмокнул в щечку:

– Старушка, ты была необыкновенно убедительна! Жаль, я не видел начала! Сара Бернар рыдала бы от восторга. На, держи, заработала!

– Тут сколько? – Магда сунула конверт в джинсы.

– Много. Тебе хватит надолго. Кстати, Магда... насчет козла, ты конечно, перегнула. За это вычту!

– Ну, ладно, это я от зажима. Тебе Яшку-то не жалко? Он, конечно, мудака полный, но он талантливый?

– «Жалко», сама знаешь, где. А если, кого жалко – то Зину. Но она его любит, а я люблю – её, и хочу, чтобы она была счастлива. Если она полюбит крокодила, я куплю все зоопарки мира. Вот, так-то.

– А я, что, и правда, ничего бы не получила, если разведусь?

– Ну, только долю в комнате, и то мы бы Яшке отсудили. Этот кретин подписывать был готов все, не глядя, я договора менял буквально на лету, Зина все это предчувствовала, сама понимаешь. Ладно, гуляй! А, фамилию оставишь, или как?

– Да хрен его знает? А то будет две Измайловы, и еще третий. Нет Боречка, девичью возьму. Нашей мамочки. Или ты бери, моего папаши. Мигдаль Борис. А?

## Глава 17

– Яш, ты ведь врешь, да? – Зина сидела около стола и втыкала булавки в поролоновую подушечку, – я не понимаю, Яш, чего ты хочешь? Чего? За тебя все время кто-то решает, а ты – сам?

– Зин, – Яша убрал руку с колена Зины, – а меня, вообще-то кто спрашивает? Сначала мама говорила – что мне делать, потом – бабушка, потом меня взяли, и перевезли со старой квартиры в Черемушки, отдали в школу! Меня спрашивали? Хочу ли я в школу? Мама вышла замуж и уехала, а она спросила меня? Яша?! – он заверещал тоненьким голоском, – сыночек? А тебе без мамочки будет скучно? Может быть, ты, Яшенька, хочешь уехать со мной? В Эйлат? В Ашкелон? Нет! Моим мнением не интересовались. И государство не интересовалось – хочу ли я в армию! И ты, Зина... ты спросила меня?

– О чем, Яша?

– Да все о том же! Хочу ли Я этого ребенка? Почему ты не пришла и не сказала – Яша, я беременна, ты как? Какие у тебя, Яша, планы? На будущее?

– Яша, – Зина смотрела на него во все глаза, – Яша, ну, как же? Это же наш, НАШ, ребенок? Как можно его – хотеть, или нет, когда он есть?

– Да нет его, – зло бросил Яша, – нет. Но он – будет. Потому что ТЫ этого хочешь. И я должен развестись с Магдой, хотя мне она вообще не мешает, мне по хрен, жена она мне, или нет. Но я выполняю твою, Зин, волю. И я понимаю, сейчас подключат мою мамашу, бабулю, твоих, и все будут кричать – ах, подлец, Яшка, мерзавец! А ты спроси меня – чего я хочу!

– И чего ты хочешь? – Зина воткнула крестом булавки на подушечку. – Донеси, а то я не в курсе.

– Я? – Яша достал сигарету, размял в пальцах, бросил. – Я хочу покоя. Я хочу тишины. Я хочу, чтобы вся квартира была моей, все комнаты. Я хочу жить так, как я хочу – если тебе угодно, в башне из слоновой кости! Хочу работать, рисовать, лепить, шить – не знаю. Писать, петь, танцевать – что угодно! Не зависеть ни от кого. Хочу ездить по миру, хочу увидеть все, о чем читал. А потом, ну... я бы вообще свалил отсюда. Я хочу слепить из кирпичиков свой мир. Свой! – Яша замолчал, понял, что слишком увлекся, развел руки в стороны. – А ты хочешь ребенка. А это крик, это – ну, пеленки, соски, коляски. Каши там, ну, что еще, все? Умильные лица, уси-пуси, да ты сама видела, во что превратились наши одноклассники. Я таким быть – не хочу. Потом, может быть. Но не сейчас.

– Ну, что же. – Зина поднялась и даже отвела в сторону руку, словно желая отвесить Яше пощечину, – я поняла. Спасибо. Да, Яш, Магда как раз твой вариант.

– А твой, я так понял, Боречка?

Зина сглотнула, открыла дверь, вышла из комнаты. Марина, которая подслушивала в коридоре, бросила:

– Мудак, он, Зин Валерьевна, правда?

– Как и все остальные, – Зина сняла с вешалки плащ, – переживем, в конце концов, мою бабушку тоже отчим вырастил.

– Борь, не знаю, – Зина никак не могла улечься поудобнее, ломило поясницу, телу было так неудобно, как будто каждый предмет причинял ему боль, – я не вижу смысла с ним разговаривать. Ну, что? Убеждать его? Заставить силком жениться на себе? Заставить полюбить ребенка? – Зина попыталась выпрямить спину и вдруг ойкнула. – Борь, мама, ой, мамочки...

В московский роддом №25 Зину привезли на «Скорой». Можно было бы и в частный, элитный, и в «Кремлёвку», с деньгами проблем не было, но Зина твердо сказала – на Фоти-

еву. Там, в общей палате на шесть коек, она и пролежала до родов. Зина попросила передвинуть кровать так, чтобы был виден спуск с горки – по этой тропочке спускались и те, чьи жены лежали на сохранении, и счастливые отцы. Под окнами постоянно кричали, мимо окна пролетали веревочки с привязанными на конце письмами, а вверх медленно тянулись пакеты с запрещенными передачками. Мужчины были разными. Счастливые, в основном. Пьяные – частенько. Приходили компании, родственники за стеклом – беззвучно кричали, прыгали, махали руками. Яша, которого так ждала Зина, не пришел. После Нового года прилетел Борис, и их с Зиной расписали в кабинете главного врача. Обручальное кольцо от Tiffany – платина, бриллианты и сапфир – никак не хотело влезать на распухший Зинин палец, и Борис, смешно сморщившись, поцеловал безымянный палец и сказал, – что палец – негодяй, вне всякого сомнения, и за это его брат, мизинец, будет носить кольцо, пока тот – не одумается. Борис был убедительно галантен, влюблен, покорила весь персонал больницы, и только пожилая врач-акушер, выпустив струю горького папиросного дыма в форточку, сказала молодой коллеге – он слишком хорош, чтобы быть настоящим мужиком...

Борис, до того, как расписаться с Зиной, долго уговаривал её, но без нажима, чтобы не волновать, и убедил Зину лишь тем, что у ребенка должен быть отец, и Зина лицо «медийное», и к чему сплетни, которых можно избежать? Никто не помешает нам разойтись, Зина, – говорил он, – нам нет необходимости жить вместе, под одной крышей, хотя я бы искренне был этому рад. Зина вдруг поняла, что Борис становится для неё тем же, чем она была для Яши – и мамой, и нянькой, и стеной, и прибежищем ... 1 марта, чуть раньше срока, Зина родила девочку. Когда ребёнка положили ей на грудь, она успела подумать только одно – как же она прекрасна! – и уснула. Страшная какая девка, – сказала, пеленая новорожденную, одна санитарка другой, – жуть, один нос, и длинная такая... Ага, – откликнулась та, – и смотри, молчит! Как будто губы жсала!

– Я назову её Лиля, – сказала Зина.

– Зина, не валяй дурака, – Зинина мама сидела на краю кровати, – что за дурацкая фантазия? Сейчас в моде Анастасии, Варвары. Дарьи, наконец!

– Нет, – Зина улыбалась тихо и гладила грудь, – Лилия. Лилечка. Лилия Борисовна Логина. Только так, и не иначе! Мама! Ты знаешь, она такая! Она – такая. Вот – «ночная тишина», понимаешь?

– Да называй, как хочешь, – мама хотела расспросить про Борю, но все не решалась, – ты после выписки к нам, или к себе?

– Мам, не знаю. Но мне будет нужна твоя помощь, – и мама, расчувствовавшись, погладила Зину по щеке.

Яше сообщили, что у него родилась дочь, и он почувствовал странное облегчение, как будто в щель между ним и Зиной поставили детскую кроватку, и Зина, отвернувшись от него, занялась ребенком. Своим.

## Глава 18

Вдруг в Яшиной жизни образовалась замечательная пустота, такая, какая бывает, если переставишь мебель, и обнаружится, что вполне хватит места для чего-то нового. Магда, все реже и реже ходившая на занятия в институт, решила, что её интересует история искусств, зачастила на какие-то лекции в Пушкинский музей, прочесывала магазины букинистов, увлеклась Паолой Волковой, сменила имидж – начала одеваться нарочито небрежно, отказалась от косметики, плела какие-то кожаные ремешки, и даже притащила домой разломанный мольберт – впрочем, до рисования дело так и не дошло, а на мольберте повисла соломенная шляпка с алыми маками и старое кухонное полотенце в живописных пятнах. Яша, незаметно для себя и безо всяких усилий выкупил все комнаты в коммуналке, расселив счастливых соседей в Печатники да в Бирюлево. Чаще всего он лежал на полу, на коврах, купленных им по дешёвке у какого-то разорившегося негоцианта из Узбекистана – ковры были скручены в рулоны и занимали полкомнаты. Яша лежал и думал – на кой, собственно, хрен, ему все это? Почему он не чувствует радости? У него есть деньги, к нему стоит очередь из самых известных актеров, певцов, политиков, он обласкан, принят в том обществе, которое сейчас принято называть «мажорами», к его услугам и продажные, и свободные женщины, а он – он ничего не ощущает, кроме скуки. Чувство к Зине, вспыхнувшее так внезапно, развлекло его ненадолго, и – прошло. Зина помещалась там же, где и все, под грифом «Семья» – мама, бабушка, отчим, сводный брат и – дочь. Иногда ему становилось любопытно – повторила ли дочь его черты, его характер, словно она была таким же, пластилиновым кирпичиком, вылепленным им от скуки? То он представлял её взрослой, даже делал наброски – смягчал свой автопортрет, придавая ему женские черты, удлиняя волосы, ресницы – получалась вполне себе привлекательная девица – но путь от пускающего слюни младенца в пеленках до совершеннолетней красотицы – был очень длинным. Можно было пойти, пройтись около Зининого дома, подстеречь её, заглянуть в коляску, все-таки, любопытно, на кого же похожа его дочь? Но это требовало усилий, а потом – пришлось бы что-то говорить, принимать участие... И все оставалось на своих местах. Как-то Яша решил начать делать ремонт в выкупленных комнатах, стал срывать старые обои, развел немыслимую грязь, перепачкал полы побелкой, и – плюнул. Все осталось, как в мастерской – где-то кирпичная стенка, где-то кафель, где-то штукатурка. Так и гулял по опустевшим комнатам сквозняк, так и хлопали высокие двери, и шевелились брошенные на пол газеты. Магда, не участвуя ни в чем, была с Яшей прохладно нежна и предупредительна, как будто Яша был болен. Яша же удивлялся тому, что Зина совсем не ищет встречи с ним, и уже стал ощущать беспокойство. В мастерских Зина не появлялась, полупотом говорили друг другу, что она, бросив дочь на родителей, улетела с Логиновым в Париж, и, когда вернется, неизвестно. При Яше все молчали, и на вопросы «А где Зин Валерьевна», пожимали плечами, или улыбались неискренне.

Весной Яша сильно простыл на съемках клипа – он сделал костюмы для популярного певца и поехал в Архангельское, где массовка мерзла в костюмах дель арте, изображая карнавальное шествие. На следующий день он слег с высокой температурой, и Магда ухаживала за ним, играя в добрую сиделку. Ей самой понравилось заливать кипятком какие-то сомнительные травяные сборы, растирать Яшу мерзко пахнущей мазью и класть ему на лоб влажные полотенца, с которых вода стекала по Яшиной шее, а подушка становилась мокрой и пахла курятником. Яша то падал в сон, то просыпался, и мир все дрожал, не желая принимать привычные очертания, и тяжесть наваливалась на его грудь, но в один из вечеров он проснулся, ощущая себя совершенно здоровым, и услышал низкий Магдин голос:

– Ой, ну... я не знаю... Борька? В смысле? Подарил? Лен! Я тебя умоляю! – и она расхохоталась, очевидно, вместе с этой, невидимой Яше Леной, – это не Борька ему эти комнаты подарил, у Борьки тогда вообще не было ни-че-го! Это дура эта Зиночка купила, но ей, ты ж понимаешь кто денег дал? А у Зиночки связи ...Было неловко! Ну да, ну да... а этот дурак думает, что ему Боречка подарил! Да Борька удувится скорее...

Как это часто и бывает, тот, кого это касается, узнает новости последним. Яша узнал о том, что Зина стала Бориной женой, от Магды. Через месяц. Магда варила себе кофе, приплясывая от нетерпения, потому что опаздывала, и, когда кофе убежал, схватила тряпку – вытереть, и тряпка, разумеется, стала тлеть, и в результате Магда ошпарила коленку и плакала, как ребенок, пока Яша дул на ожог.

– Нет, вот, ты подумай, – Магда нежно посмотрела на Яшу, – зачем она за него вышла? А? Неужели он ей тоже будет дуть – на коленку?

– Кто? – переспросил Яша, пытаясь найти в хаосе что-то, похожее на швабру. – Темницкий?

– Причем тут Темницкий? – Магда опять поставила джезvu на огонь, – Боречка!

– Кому Боря будет дуть на коленку? – Яша искренне изумился.

– Яш, ты вообще – в теме? Как-то это у тебя ребенок от Зины, а не у меня? Ты ей, что? Ты не звонил?

– Зачем? Поздравить?

– Яша? – Магда уставилась на мужа и кофе опять убежал, – Зиночка твоя вышла замуж за Боречку – на секундочку! Ты чего? Ты хочешь сказать, ты не знал?

– Какая глупость, – Яша смотрел на стену, с которой были сорваны старые кухонные шкафчики, и думал о том, что все это надо закрыть гипсокартоном, потому как на стенах наверняка, под штукатуркой – дранка, – как это БОРЯ может жениться на ЗИНЕ? По-моему, у него другие предпочтения в жизни. Ты что-то путаешь. Или ты о каком-то другом – Борисе?

– Нет, я о брате, о ком же, – Магда махнула рукой, и джезва опрокинулась, – я сегодня какой-то Епиходов-вот-ваш-кий. Не успеваю. Брат, брат, Яш, проснись?!

– Боря – твой брат?

– Приехали. Лондон столица Китая. Яша, мы сводные, по матери. Борька старший, от Логинова, я от Мигдаля. Мама наша так вышла замуж неудачно. Яш! Ну? Сначала за одного, потом за другого. Борьку его бабушка воспитывала. Маман его папочки. Меня папа, совсем немного. Потом и мама. Все, я ушла.

В дверях она обернулась:

– Боря теперь не только мой, но и твой родственник. Смешно, скажи?

Яша подошел к стене, колупнул её ногтем. Отвалился пласт штукатурки, а под штукатуркой оказалась дранка, прибитая крохотными гвоздочками с ржавыми шляпками. Вот это финт, – думал Яша, – тут, наверное, какая-то афера? Зачем Борьке на ней жениться? А ей выходить за него? Уехать? Так сейчас и так можно – уехать? Или вид на жительство? Зачем же Зина выкупила эти комнаты? Тут же Борька был прописан? Мог бы их и так подарить? Младшей сестре... совместить все воедино было трудно. Но уже становилось понятно многое – в частности, это едва уловимое сходство Бориса и Магды. Надо выпить, – Яша хлопнул дверью черного хода и, скатившись по ступенькам, отправился в ближайший магазин.

Раз в жизни напиваются все, даже трезвенники, попробуйте, потрясите любого мужика, непременно расскажет, как он как-то раз, с Серегой нажрался так... или с Мишкой... или с Эдиком. Но он вряд ли расскажет о том, как он напился – один. Один-одинешенек. Как он пил, сначала в каком-то дешевом кабаке, где не было водки, а были только дорогие коктейли с соломинками-зонтиками, как его раздражали целующиеся парочки, как заболела у него голова при первых же ритмических ударах по барабанным перепонкам, как он долго курил,

почему-то в туалете, начиная новую сигарету раньше, чем старая превратится в окурок. Как ругался с барменом, что тот разбавляет – он же видел, видел! Как дал в морду какому-то чмошнику, который сделал ему замечание, как вывели его на улицу и толкнули в спину, а он удержался. Как он пил из горлышка водку в телефонной будке. Как он шел дальше и дальше, а улицы становились пустынными, и его все время выносило на какие-то пустыри, которых в центре быть не может, и как он споткнулся о какую-то арматуру, торчавшую из кучи хлама, и полетел вперед, и ободрал щеку до крови и разбил губу, а потом опять сидел, курил, среди ржавых бочек и битого стекла, и смотрел на тлеющий костер, и ему страшно хотелось пить, и саднил содранный локоть, и ныла скула. Как подошли к нему двое, бомжеватого вида, а он доверчиво распахнул «лопатник» и вложил в грязную ладонь одного из них тысячную, а тот ушел, и не вернулся, и они с другим, беззубым, с сиплым треснувшим голосом, пошли его искать, и нашли у ночного магазина, и стали его бить, потому, что тот был пьян и не принес им бутылку. Как взвыли сирены милицейского патруля, а они втроем побежали в одну сторону, и петляли в каких-то мрачных подворотнях, и вдруг те двое пропали, а он, грязный, со спекшейся на щеке кровью, вылетел прямо навстречу милицейскому УАЗику, и его били менты, а он все смеялся, выплевывая кровь, и кричал им, – вы что, козлы, вы что... Как он очнулся уже в тлеющем свете наступающего утра и шел по трамвайным путям, чтобы выйти наверняка – к людям, и, нашарив мелочь в кармане, купил минералку в ларьке, и пил ее жадно, и смывал кровь с лица, а продавщица, пожалев его, дала ему денег на такси, зная, что он никогда ей их – не вернет. Так и Яша – точно так же, сжег эту ночь, желая как-то облегчить душу, вызвать в самом себе чувство вины – перед кем, да перед кем угодно – новорожденной девочкой, Зиной, Магдой, матерью, бабушкой? Ему хотелось умереть, чтобы родиться вновь – прежним, счастливым, без этих разборок со своими женщинами, без этой мелкой, но – славы, без этих больших денег – там, в коммуналке, за шкафом, и чтобы отец сидел за столом, а мать, подперев щеку, смотрела на него, а бабушка мыла в тазу посуду, думая о том, что не такую партию она бы желала для дочери.

Хлопнув дверью такси, Яша вышел в солнечное утро Новых Черемушек. Воробьи орали в кустах, бездомная кошка тащила колбасную шкурку из мусорного бака, шли цугом поливальные машины, словно настраиваясь орошать из хобота мостовую, шли с ночной работяги, и шли на утреннюю – работяги же, и дома просыпались, шевеля усиками телеантенн и готовились жить дальше – в новом дне. Яша, стараясь не дышать, нажал на плоскую кнопку звонка. За дверью заплакал ребенок. Яша вдруг испугался, и сел на ступеньку, но сил идти дальше у него не было.

Уединиться в хрущевской трёшке сложновато, но Валерий Викторович цыкнул на жену, и та ретировалась в комнату, из которой был слышен детский плач, а сам втолкнул Яшу в кухню. Повернуться там было негде, и Валерий Викторович, мужчина крупный, остался стоять.

– Садись, – приказал он, и распахнул холодильник. Вытащил бутылку финской водки и открытый пакет с соком. Долго что-то смешивал в стакане, подливая соусы из темных маленьких бутылочек, пока, не попробовав на язык, не удовлетворился результатом. – Пей, – он сунул стакан Яше в руку, – потом борщ.

– Я не хочу, – тошнота поднялась изнутри, и какая-то жилка лопнула в голове у Яши, – Валерий Викторович, я...

– Ты, ты ... – Валерий Викторович наливал половником борщ. – Знаем мы, кто – «ты». Скажу тебе со всей мужской прямоотой, Яша. А ты – слушай. Пей и слушай, чтобы у тебя в мозгах наступила ясность.

Яша сделал несколько маленьких глотков, думая, что в стакане обычная «Кровавая Мэри», но это оказалось что-то иное, обжигающее до слёз, до судорог сводящее мышцы, но,

удивительно – тут же в голове и, правда, прояснилось, стало легче дышать, появился аппетит и даже Зинин отец показался ему не таким страшным, а таким – почти что другом.

– Спасибо, – искренне сказал Яша, – оттягивает...

– Я б оттянул тебе, что надо! – Валерий Викторович, наконец, уселся на табуреточку, – подлец ты, это раз. Скажу так – не такого мы мужа Зине хотели. Пока вы там, в школе безобразничали, думали так – в институт она поступит, там будут новые друзья, она успокоится, забудет. Но Зинка в мать, упорная. Она что решила, всё. Я ведь, как? – Валерий Викторович закурил, и распахнул окно, – я на её матери жениться тоже не собирался. Мы, Карасики, с Белоруссии. Оттуда перед войной в Харьков, к родне, переехали, ты знаешь. – Яша понятия не имел, но кивнул. – Жили как бедно, знаешь, но потом-то поднялись! Я вот, авиационное окончил, а в западной группе войск служил, не абы как! Все у нас есть, нам хватает. Но зятя ж мы для дочери хотели, не себе. Она страдает от тебя, и я б тебя, подлеца, за ноги бы вниз головой подвесил, но теперь у Зинки дочь есть. Внучка моя. А я за неё передую всех, а тебя, Яша, оставляю. Ты её, дочь свою, любить будешь. Всё для неё сделаешь, или не я Валера Карасик, тебе это скажу. Пей.

Яша выпил. Он осушил уже второй стакан, и с каждым глотком становился всё трезвее.

– Я буду заботиться, конечно. Я и не отказывался.

– Почему не звонил ей? В роддом не ходил?

– Так она же замуж вышла, – Яша понимал, что врёт, но огромный Карасик нависал над ним, – как я, при живом-то муже?

– Врёшь, Яшка. И знаешь, что врёшь. Борька этот так, вроде зонтика над дитём. Чтоб никто не упрекнул, что безотцовщина. Борьку подвинем, на исходные рубежи. Уверен. А ты – женишься на Зинаиде. Так. Теперь пошли на дочь смотреть. Не дыши, мать ругать будет. Хотя? Какой микроб против моего «Кровавого Карася» устоит? Сдохнет, а?! – и Валерий Викторович больно ткнул локтем Яшу под дых.

В Зининой комнатке даже обои остались прежними, только сняты были фотографии Битлз, плакаты да иностранные сигаретные пачки, наклеенные канцелярским клеем на листы ватмана. Теперь там стояла кровать, а на письменном Зинином столе аккуратными стопочками лежали пелёнки, стояли бутылочки, баночки, и пахло так нежно и приятно – младенцем, молочной смесью, тальком. Лиля спала, дышала тихонько, ручки её, с крохотными ноготками, вздрагивали.

– Ну? – с гордостью сказал Валерий Викторович. – Какая?

– Супер, – сказал Яша. Он честно пялился на ребенка, пытаясь вызвать в себе какое-то спасительное чувство интереса, но не чувствовал – ничего. В кровати лежал чужой ребенок. Яша, навещая одноклассников, неискренне умилялся их новорожденным детям, но там-то была совсем другая история! – Отличная девочка.

– Сейчас проснется, кормить будешь.

– Я? – ужаснулся Яша.

– Ты. Привыкай!

Валерий Викторович, хоть и солдафон, оказался человеком чутким, и несостоявшегося зятя своего не только раскусил, но и вразумил, и направил в нужное русло – как речку, что вышла в половодье из берегов и уклонилась от заданного курса. В тот, первый день, Яша, унимая дрожь в руках, держал дочку и кормил её из бутылочки, моля Бога об одном – только бы не уронить! Пеленание вызвало у него тошноту, но в ту пору памперсы только-только появлялись, и пришлось стирать пеленки. Валерий Викторович волевым движением подбородка отослал жену «по магазинам», и сам руководил Яшей. Вечернее купание понравилось Яше гораздо больше, и он даже пару раз сжал тельце резиновой уточки, выдавив из него звук, который был

знаком и ему самому – в раннем детстве. Лиля смотрела на Яшу без страха и совершенно серьезно. Яша даже смутился, и спросил Валерия Викторовича:

– Чего это она, а?

– Как же, – невозмутимый Зинин отец готовил присыпку и полотенца, – папашу увидела.

Взвешивает.

– В смысле?

– Подходишь ты ей, или нет...

Несомненным достоинством Яши было то, что он был воспитан послушным мальчиком. Повиноваться старшим в их семье было заведено бабушкой, и Яша как-то легко перешёл под командование Валерия Викторовича. На просьбу достать дефицитного детского питания Яша откликнулся с жаром, намек на одежду, игрушки, коляску – понял, а с деньгами вызвался помогать сам. Впрочем, Карасики не нуждались ни в чем, но это был тонкий ход со стороны Зининного отца. Пусть включается, – говорил он Зининой матери, – сначала материальное снабжение, учения, потом и к боевым действиям перейдем! И Яша уже гулял с коляской. Редко. Пару раз в неделю, но – гулял. Уже бабки, сидящие у подъезда, перестали ему удивляться – они были свидетелями школьной дружбы Яши с Зиной; уже здоровались молодые мамы на детской площадке, и Яша, незаметно для себя, привык к роли отца. Несколько раз пытался он навести разговор на тему – а куда же делась Зина, но родители всякий раз сворачивали на тему работы, чрезвычайной занятости Зины и на какие-то и вовсе мифические причины. На лето предполагалось снять дачу, чтобы малышка была на воздухе, и уже подключили Яшину бабушку, словом, получилась странная, но семья. Валерий Викторович добился главного – Яша привык к тому, что у него есть дочь. Любви к ней он еще не испытывал, но ему было интересно наблюдать, как Лиля растёт, меняется, как она начинает узнавать его, Яшу, улыбаться, как протягивает ему погремушку. Яшу стали беспокоить её маленькие детские хвори, он привозил к Лиле тех врачей, которых ему рекомендовали, питание ей возили из-за границы, а Яша говорил, что пора нанять няню, потому что родители Зины устают. Магда к этим переменам отнеслась не просто плохо – она даже съехала с квартиры на Татарской – она ревновала. Ревновала чудовищно, тяжело, безумно. От Зины приходили письма – родителям, письма пространные, в которых она подробно писала о себе и ничего не спрашивала про Лилю. Как-то приехал Боря, и, отводя глаза в сторону, сказал, что пора бы разделить бизнес, потому как Зина из Франции руководить ничем не может, возвращаться не хочет, и мастерские несут убытки, а ему, Борису, тоже все это не нужно, а Яше хватит и тех денег, что он получает от своей джинсовой коллекции. Впрочем, – добавил Боря, – тебе, старичок, нужно придумать что-то новое, эпоха джинсы уходит. Подумай? Лён? Что-то натуральное, мягкое, текучее, яркие акценты, немного винтаж – но так, чуть-чуть, едва-едва. А если детское? – Яша уже не мог не думать о дочери, – что-нибудь? О, там рынок плотный, – Борис почесал руку под браслетом часов, – но? Чем черт не шутит? Только не Микки-Маусы, сам понимаешь...

И развод, и раздел, и разъезд – дела куда как более хлопотные, чем съезд, женитьба или начало совместного дела. Да не просто хлопотные, но обидные, неприятные, сопряженные с какими-то давними счетами и долгами, недомолвками, ущемленным самолюбием. Так и тут – как ни старался Борис, а все-таки раздел грозил обернуться, если уж не судами – какие суды в конце 90-х, но чуть ли не привлечением криминальных личностей. Впрочем, Яша, как обычно, оставался вне этого, не спрашивая, подмахивал какие-то бумаги, абсолютно доверяя Борису. Снова вынырнул Кемаль, теперь уж не из Турции, а из Арабских Эмиратов, и аргументы у Кемалья были весьма и весьма весомые, и Борис пошел на попятный, и все вышло даже хуже, чем он сам ожидал. Больше всего было жалко закройщиц экстра-класса, которых набирали по всему распавшемуся Союзу, обеспечивали жильем, некоторых перево-

зили вместе с семьями. Зина оказалась еще и мастером по подбору кадров – коллектив, работавший в мастерских, был одной семьей, все жили одним делом, а Зину просто – боготворили. Теперь же к руководству мастерскими приходили чужие люди, для которых это было только бизнесом, и Борис понял, что все продержится недолго, распадется на маленькие фирмочки, а потом и вовсе – исчезнет. Яша же, задумав коллекцию детской одежды, увлекся, снова засел в своей мастерской на Татарской, и очень скоро на его эскизных листах появились девчонки-лилии. Смешные плюшевые костюмчики, всей цветовой гаммы, от бледных до ярких, украшенные аппликациями, были готовы для показа. Яша придумал целый гардероб для девочки, с нарядными платяницами, сарафанчиками, юбочками, штанишками, пижамками – и все это прекрасно сочеталось в ансамбле, и можно было подобрать коллекцию так, чтобы твоя собственная девочка выглядела абсолютно неповторимой. Дело было за малым – за материалом, фурнитурой и за заказчиком. Борис коллекцией не заинтересовался, и вообще был озабочен больше обычного. А что с Зиной, – Яша спрашивал об этом Бориса каждый раз, когда тот прилетал в Москву. – Это уже не смешно, я им пытался нанять няню, но они и слышать не хотят! Ты бы Зине объяснил? Борис помолчал, а потом сказал с неожиданной злостью, – я ничего ей не могу объяснить. Зине твоей. И моей жене, кстати, да. Видишь ли, в чем дело, Яша? В чем? – глупо спросил Яша, перебирая трикотажные лоскутки, – в чем дело? Наша Зина влюбилась. И это серьезнее, чем я думал.

– Влюбилась-влюбилась, – пробормотал Яша, и ойкнул – уколол палец булавкой. Слизал выступившую капельку крови. Помолчал, – Зинаида? В кого она влюбилась? В Шарля Азнавура? В Миттерана? Кто у вас там во Франции еще есть?

– Я понимаю, тебе смешно, – Борис откинулся на спинку кресла, – дальше будет еще смешнее. Он латинос. Перуанец. Революционер! Твою мать... красавчик. Маоист. Кокаинист. «Сендеро Луминосо», слышал?

– Понятия не имею, – Яша покачал головой и понял, что страшно испугался. – Но? Зина? Откуда же в Париже маоисты?

– Старичок, в Париже есть все. Как в Греции. А в Перу они собираются свергать президента...

– Кто? Зина?

– И Зина, похоже, тоже. С Мануэлем, разумеется. Думаю, пока мы сейчас с тобой разговариваем, она строчит пилотки. Или плащ-палатки? Короче, все деньги, которые у нее были, она отдала на благо революции в Перу. Закрой рот, Яша. Я с таким ртом проходил три месяца! Закрой!

– Я не могу ничего понять! Зачем ей какой-то революционер, да еще latinoамериканский? Она же была с тобой в Париже! Вы же не общались черт знает с кем?

– Старичок Яша! Перевороты поддерживают и спонсируют люди весьма влиятельные и богатые! Я даже не помню, откуда этот мачо появился, я смотрел совсем в другую сторону!

– Ну, ты-то, понятно, – протянул Яша, – я же не о тебе!

– Брось, брось, сейчас не до этих намеков! У нее было все! Она могла иметь любовников – каких угодно! Я же не собирался ей это запрещать! Но она влезла туда, куда не нужно. Я закрыл ей доступ к нашему общему банковскому счету, но все свое она истратила! Ходит она теперь в штанах цвета хаки и в берете! А на берете значок с Че Гевара! Ты понимаешь? Зина!

– Чем это он ее так пленил, – разгоравшаяся ревность удивила Яшу, – что в нем такого?

– В нем есть то – чего она не получила, и не могла, по понятным причинам получить от меня. И то – чего ты ей, Яша, явно недодал. Лучше надо было ... – и Боря изобразил не совсем пристойный жест, чрезвычайно уместный в ту минуту.

– То есть, что? Он хороший любовник? – Яша снял очки, надел, опять снял, – ты про это?

– Про это, про это. И секс – самый тяжелый наркотик из всех существующих. Поверь.

Они молчали. Сигарета дотлела в пепельнице, оставила серую гусеницу пепла, и погасла. За окнами шевелилась Москва, не желавшая засыпать. Где-то неподалеку строчила машинка, кто-то уронил ножницы, раздался смех. Зашумела вода в туалете, процокали каблучки по железной лестнице.

– И что теперь делать? – Яша смотрел на свои ногти, – ты знаешь?

– Я заберу дочь, и мы уедем с ней в Париж. Есть слабая надежда, что Зина, увидев ребенка, вернется к себе, прежней. Мой психоаналитик говорит, что у Зины послеродовой стресс из-за того, что ты её отверг. Ну, она переносит свою обиду на тебя на свою дочь. Экстраполирует, короче. Если бы был сын, такого не случилось бы. Ну, и секс. Так что Лиля поедет в Париж.

– Это еще почему?

– Потому, что она – моя дочь.

– Боря? Ты что? Ты в уме? Она – МОЯ дочь!

– Старичок, бумаги видел? Нет? Я покажу. Она – Елизавета Борисовна Логинова. А не Елизавета Яковлевна Измайлова. Разницу чувствуешь? Имя Лилия я поменял на Элизабет. Элизабет Логинофф. Вот так. И я – гражданин Франции.

– Не дам!

– А кто тебя спрашивать будет? – Борис поднялся, потёр затылок, – чего у меня в вашей Москве так голова болит?

К Карасикам было решено идти вместе, и Борис заехал за Яшей на Татарскую. Походил по комнатам, в которых ремонт умер, не родившись, попинал мыском дорогого ботинка грудку хлама в коридоре, и, поддев ногтем, оторвал от стены длинный лоскут обоев.

– Ты собираешься так жить всю оставшуюся жизнь?

– Не знаю, – Яша пожал плечами, – мне так интереснее. Как будто соседи ушли, оставив комнаты открытыми, а я, ребенок, и мне можно зайти в любую – чтобы пожить их жизнью, взять без спроса чужие вещи. Понимаешь?

– Я понимаю, но эти игры хороши на день-два, но как в этом бедламе можно жить и работать?

– А мне как раз, в бардаке легче думается. Я только кабинет сделал и спальню. Надо бы и кухню, а? В стиле «прованс»? Или хай-тэк?

– Ты еще вагонкой обшей и паяльной лампой обожги. Хотя бы арт-нуво, я тебе подгоню антикварной мебели, и светильники есть парные, и к ним плафон неплохой. Подумай!

– Да, Борь, – Яша надевал рубашку, стоя за старой ширмой с полуистлевшей шелковой драпировкой. – А что это за история с выкупом комнат здесь, на Татарской?

– Тебе так любопытно? – Борис сидел на стопках книг, перевязанных веревками, – сто лет прошло! Я снимал эти комнаты у какого-то чудика, то ли психа, то ли алкаша, за копейки. Ну, а Магде только центр подавай, ей на Молодёжной не интересно было, тут все тусовки, движуха, жизнь, одним словом. Когда эта история с абортom случилась, я тут поселился, Магду одну оставлять было рискованно. А потом уже Зина, движимая непомерной любовью к тебе и ревностью к Магде, решила эти комнаты тебе подарить, как память о твоём вечном детстве, которое до сих пор у тебя... в голове, скажем так. Но ты бы не принял от неё, понятное дело! Потому дарителем благородным был избран я. Все. Никаких тайн, никакого Мадридского двора. Едем?

– Я готов, – Яша поправил воротничок, – только нужно пирожных, из «Праги», коньяку хорошего, марочного, и Лиле...

– Не учи француза обольщать женщин, – Борис подтолкнул Яшу к выходу, – и мужчин, кстати, тоже!

У Карасиков был накрыт стол, Зинина мама кокетничала с зятем, подливала ему домашней наливочки, ах, Борис, знаете? Это Ерофеич! Ха-ха-ха, мой дедушка так его готовил! Ах-ха-ха, в печке! Бутылку глиной обмазывали, ах-ха-ха... Не знаю, – басил Валерий Викторович, – у нас, в Белоруссии, мы больше самогоночку уважали, и вино такое, неслабое, из падалицы, знаете ли... Торжественную часть нарушило хныканье Лили, и тотчас все засуетились, и только Борис остался за столом, задумчиво поигрывая тупым ножом, ставя его аккуратно между пальцев, – раз-два-три-четыре, раз-два-три... Когда девочку умыли, переодели, вынесли показать «отцу», Борис постарался придать лицу выражение восторга, но вышло плохо. Повисла пауза, а потом родители наперебой начали говорить, какое это счастье, что вот, их старость обрела смысл, они только и начали жить, вот, Боречка, будут и у вас внуки... и снова повисла пауза. И вдруг Зинина мать, словно прозрев, заголосила, – Боря! Ой, Боря! Я все поняла! Ой, я дура, Валера, я дура, он хочет Лилию нашу увезти, да? К Зине, в Париж свой? Отнять? Не да-а-а-м, не да-а-а-м, кровиночку мою, – она зашлась криком, схватилась за сердце, Яша и Валентин Викторович забежали, и только Борис сидел неподвижно. Отбросив нож, он встал резко и сказал, – Яша? Идешь?

У подъезда, закуривая, Борис бросил зло и нервно:

– Избави Бог от такой миссии! Ребенка у бабки с дедом отнимать! Кто я? Живодер? Живите, как хотите, мне все надоело. Всё! Слышишь, Яша? Всё! Сам ищи Зину, сам... всё – сам. Я умываю руки, – и быстрыми шагами отправился в сторону перекрестка. Яша, постоял, подумал, и вернулся в подъезд.

– Яша, что ты о Борисе этом знаешь? – Яша и Валерий Викторович пили на кухне тошнотворно сладкий ликер, – понимаешь, Зинка нас перед фактом поставила, и все!

– Да что знаю, что знаю, – Яша отодвинул рюмку, – давайте, я за водкой схожу, слипнется же все! Что знаю... ну, Борис юрист. Академию МВД окончил.

– А чего он в Париже делает? – Валерий Викторович приоткрыл холодильник, – котлету будешь? Холодную?

– Давайте, – Яша взял котлету пальцами, – в Париже тоже юристы нужны. – Про выходы Бориса на подиум в качестве модели Яша умолчал. – Потом Зинина фирма, там ведь всякие бумаги, договора, вот, Борис и всем этим занимается. Боря умный.

– То-то я смотрю, он Зинку окрутил! Это ты, Яшка, дурень! Как ты мог такую девку упустить! Э-э-х, – Валерий Викторович наполнил рюмки, – мы ведь с матерью поняли, что Борис этот непростой, уж больно у него рожа такая...

– Какая?

– Не наша, одним словом, – и Валерий Викторович выпил, – и хочет он внуку у нас забрать. Это я давно разнюхал! Таких случаев по телевизору! Каждый день! И Зинка тоже звонила. Намекала. Привезите, говорит.

– Когда звонила? – Яша раскрыл рот, – что же вы молчали?

– Да она просила молчать, а сама прям ревмя ревет, папочка, мамочка, как там Лилечка моя драгоценная...

Две недели после того разговора пролетели так быстро, что Яша и сам не заметил. Ему вдруг предложили сделать костюмы для исторического сериала, который скоро запускался на центральном телевидении. Работа обещала быть не только хорошо оплачиваемой, но и безумно интересной – 18 век, исторический костюм, отшивать будут в мастерских студии «Баррандов», в Чехии, да еще натурные съемки, да еще актеры, да еще актрисы! Яша, который об историческом костюме имел представление самое приблизительное, отказывался, но продюсер, друг Темницкого, настаивал, и Яша, ужасаясь своей смелости, согласился. Пока еще не наступила беготня с утверждением актеров, пока весь маховик только-только начал раскру-

чиваться, Яша решил навестить дочь. На телефонные звонки никто не отвечал, но это Яшу не насторожило – могли отключить звонок, чтобы не мешать ребенку. Взлетев по лестнице, Яша побарабанил костяшками пальцев – тишина. Постучал. Слегка надавил на кнопку звонка – брызнуло звуком в прихожей – никто не открыл. Вышла соседка из квартиры напротив – чего шум устроил? Нету их. На дачу уехали. Иди, Яша, иди. Какая дача, – хотел спросить Яша, но промолчал. У Карасиков дача была только казенная, но ее, когда отец вышел в отставку, отобрали.

## Глава 19

Яша был не то, что полным пофигистом, просто относился ко всему довольно спокойно, усматривая в любом совершившемся событии положительные для себя стороны. Вот, и сейчас, не застав Карасиков дома, он не испытал беспокойства, напротив – вздохнул облегченно. Ну, посудите сами, бабушка с дедушкой взяли внучку и поехали летом куда-то. Поехали! И, Слава Богу! Ну, не на дачу, а к кому-то в гости? Или в санаторий? Приедут, сообщат. И, Яша, подкинув монетку, загадал – «орёл» – домой, работать, «решка» – отправиться развеяться, а уж если встанет на ребро... Выпала «решка».

Московские тусовки имели приятную особенность – в них тусовались одни и те же персонажи, вроде как крупные рыбы, вокруг которых собиралась рыба мелюзга. Иногда крупные поглощали мелких, иногда исчезали сами, иногда и кто-то, невидимый, словно закидывал удочку и вытаскивал на поверхность слишком жадную и глупую рыбку – но состав не сильно менялся от перемен. Яша отправился к своим, старым, любимым друзьям – их коммуналка около Курского вокзала еще не была расселена, но уже опустела наполовину, что придавало сборищам дополнительную прелесть – можно было поцапаться с соседями, размяться в перебранке с милицией, с одной стороны, а с другой – отдохнуть в привычной еще с совковых времен атмосфере. Народ собирался разный, и богемная тусовка, и рокеры, и хиппари, впрочем, изрядно повзрослевшие, и какие-то новички, в основном, девицы, приехавшие со всех краев потревоженной в перестройку страны. Так же, как и в СССР, слушали музыку, курили, пили, читали стихи, влюблялись, расставались, дрались... Яша, открыв дверь в первую по коридору комнату, вдохнул родной запах, и ощутил себя совсем подростком – сразу забылись и Зина, и дочь, и Борис, и джинсы, захотелось дешевого портвейна и кубинских сигарет, крепких, со сладковатым привкусом тростниковой бумаги. Впрочем, теперь пили разведенный спирт «Royal», что не снижало градуса дружелюбия, и курили – кто что достанет. Яша передвигался по комнатам, как в танце, здороваясь то с одним, то с другой, целуясь, обнимаясь, улыбаясь, хмуря брови – выражая заинтересованность и радость от встречи. Когда кайф немного притупил привычное Яше в последнее время беспокойство, он расположился у окна в кресле какой-то странной конструкции, неплохой подделке под Вальтера Гроппиуса, и, чтобы отвлечься от шума, и взял с пола первый попавшийся под руку толстый журнал. «Voici» – молодой журнал, отчасти слегка желтоватый, но с хорошей подборкой светской хроники и богемной жизни, с удовольствием рассказал читателям о некоей загадочной «фам русс», основательнице fashion industry в дикой России, тепло принятой даже в самом Париже, которая вдруг, отставив мужа, тоже «русс», апропо! – манекенщика-стилиста-юриста у самого Кардена, увлеклась каким-то загадочным латиноамериканским революционером, маоистом, бросила Родину (Patrie) и теперь сама попала в списки нежелательных лиц во Франции. В своем интервью, которая она дала журналу, Zina Loginoff рассказала о том, в чем теперь цель ее жизни, и заявила, что она разочарована. Европа вообще, и Франция, в частности, представляются ей теперь средоточием буржуазных ценностей, пошлым, мещанским (редакция не смогла дать точный перевод этому термину) мирком, а она сама полностью прекратила работу в области моды, так как человечество должно думать о том, как спасти себя от надвигающейся экологической катастрофы, а не производить все новые и новые вещи. К тому же социалистические идеи сейчас, после распада величайшего государства СССР, построенного для благополучия и равенства людей, кажутся ей наиболее актуальными. И тому подобная чушь. Бред, – Яша свернул журнал в трубочку, – Зина? Революционерка? Ну, зеленая – ладно, я и сам такой! Но маоистка? СССР ей в кайф? Вот уж, дура! В лучшем случае её депортируют, а в худшем? Яше вдруг стало жаль Зину, и он опять открыл журнал и посмотрел на Зинины фотографии, и нашел, что она

чрезвычайно похорошела. Берет, надвинутый на бровь, в стиле Че Гевары, очень ей шел. Да, вряд ли ей нужна дочь, – Яша покачал головой, – да и вообще? Что же ей теперь нужно?

«18 век во Франции» оказался 17 веком, но, по счастью, там же. «Виконт де Бражелон» вдохновил сценаристов, сценаристы вдохновили режиссера, а режиссер – продюсеров. Началась длинная и нудная подготовительная работа, так как снимать было решено быстро и весело. Никто не знает, как причудливо тасуется колода, но режиссером стал Темницкий, не снявший до того ни одного фильма. Зато у Жени Темницкого было имя, и слава, приправленная многочисленными скандалами. Сам по себе Темницкий был вполне трусоват и тих, но 90-е, это вам не эпоха советского кино с парткомами на киностудии – тут нужно было заранее эпатировать публику. Да чего там снимать, хорохорился Темницкий в ресторанах Дома кино, ВТО, Дома журналистов, Дома Композиторов, – всё дело в одном! – и Темницкий ловко стряхивал неведомый столбик пепла в чью-то услужливо подставленную чашку, – дело в актерах! На другой день Темницкий заявлял, что все дело в сценарии, на третий – что в выборе натуры, на пятый – в операторе, на сто двадцатый – что все дело в деньгах. Вокруг Темницкого летали, трепеща крылышками, актрисы и актеры – летали, конечно, молоденькие, старшие Темницкого поили, кормили и объясняли, что только они и есть гордость отечественного кинематографа. Вспомнились заслуги истинные и мнимые, подсылались письма с перечислением никому не известных фильмов, шедших на провинциальных экранах. Темницкий блаженствовал, поощрял ажиотаж, хотя уже начал задумываться над тем, что пора бы и снять кино. С режиссурой было решено гениально просто – Темницкий набрал команду талантливых ВГИКовцев, молодых, зубастых и чрезвычайно креативных, а те уже нашли операторов, звукорежиссеров, и только на подбор актеров поставили настоящих зубров, точнее, зубриц с «Мосфильма». Яше Темницкий посоветовал сделать то же самое, и Яша набрал неплохую команду из Школы-студии МХАТ, выпускавшей художников по костюму. Разыскали, и с величайшим почтением приняли на студии старейших преподавательниц театральных ВУЗов, которые еще помнили, как носить фижмы и как садиться во фраке – хотя фраки в «Виконте...» не были предусмотрены. Работа закипела, и, оказалось, так здорово очутиться в эпицентре этой сумасшедшей толчеи, и съемочная группа была так молода и заряжена таким энтузиазмом, что Яша позабыл обо всем. Конечно, Магда не замедлила появиться. Яшка, – бросила она на ходу, – мне нужна роль, – и скрылась в ванной. Всю ночь они сидели и пили восхитительное вино, которое Магда привезла из Грузии, курили, обсуждали общих знакомых, строили планы, и даже окончили ночь в одной постели. Яша вдруг разволновался, а Магда, оставаясь прохладной и сонной, покусывала подушечку указательного пальца и говорила, что она не то, что хочет сниматься, но ей нужно, потому что в ней гаснут жизненные силы. И её гуру... Кто-кто? – глупо переспросил Яша, – ГУРУ? Ну да, – безмятежно откликнулась Магда, – а что? Он поддерживает мою мысль о том, что я должна пережить иное рождение. Как раз во Франции. Роли распределили, – заметил Яша, – ты же, поди, на главную метишь? Скажи Темницкому, – Магда оставила палец в покое, – что я склонна портить жизнь тем, кто забывает о том, что испортил жизнь мне.

Магде дали роль Луизы де Лавальер.

Темницкий, памятуя о том, что деньги всегда кончаются неожиданно, справедливо рассудил, что «Францию» нужно снимать во Франции, и снимать – сразу. Собственно, снимать во Франции следовало бы всё, но бюджет! Темницкий решил сделать ставку не на натурные съемки, не на интерьеры, а на костюмы. Яша, сказал он, сделай нам, чтобы было красиво и дорого! Там все сплошь крупный план, Людовик, знаешь ли, XIV, кардиналы, графы... тут эдак надо, как, помнишь, у Гумилева?

«Или, бунт на борту обнаружив,

Из-за пояса рвет пистолет,  
Так что сыпется золото с кружев,  
С розоватых брабантских манжет»

– дай нам эти манжеты, запонки, кюлоты, что они носили? Дай шик, баб затянем так, чтобы появилась талия, парички, мушки, вуалетки... а снять можно вон, в Изборске, дешево и правдоподобно!

Правда, актеры с неудовольствием приняли дословное перенесение исторического костюма на экран, – Яш, ты чего, хочешь, чтобы я в ЭТОМ еще и шпагой махал? Охренел? Ты попробуй сам! И штаны эти я не надену, что я -..? На хрен ты мне этот гульфик сюда приделал? В колготках не буду играть! И так далее. Актеры демонстрировали некие пробелы в истории зарубежного костюма, ибо с костюмом они были знакомы больше частью по фильмам. Но с актрисами было просто невыносимо. Никакие доводы о цветовой гамме в кадре, никакие ссылки на историческую правду их не убеждали. Я не буду в красном, кричала народная артистка, и стучала каблучками, меня красный убивает. Я могу только гри-де-перль! И кружева в тон, светлее топленого молока! Другая верещала, что её фигуру можно испортить, если затянуть лиф со сборочками под грудью, третьей было неудобно ходить со шлейфом! Четвертая считала, что у её соперницы платье «богаче», и вызывался в мастерские «спонсор», с ржавой цепью весом в корабельную, бычьим взглядом и лопатником, распухшим от банкнот, и твердил Яше, не, ну ты, че, дурилка, не врубаешься, что девочка хочет круче? А ты сделай, я тебя пока еще прошу! Потом просить будет некого, понял, да? И Яша, впрочем, находя все это забавным, переделывал эскизы, хлопотал на примерках, искренне восторгался или негодовал – но процесс шел. На конец осени был назначен Париж. На студии вращалось много всякого народа, и Яша с удивлением узнал, что он – фигура популярная, о нем ходят сплетни, а его брак с Магдой обсуждается до сих пор. Как ни странно, Яшина дочь никого не интересовала, а с Зиной никто его в киношных кругах не соединял – Зину вообще мало кто знал. Одновременно с началом работы над фильмом, Яша вдруг решил закончить ремонт, просто так – с тоски, и переехал в Новые Черемушки, к бабушке. Бабушка пребывала в каком-то одном и том же возрасте – не старела, только чуть-чуть как бы усохла, но двигаться начала еще быстрее! Периодически бабушка исчезала, то навестить подружку, то отвезти продукты на дачу к знакомой, то посидеть с чьим-то котиком. Как-то утром Яшу разбудил телефонный звонок, и бабушка, перебивая вокзальный шум, прокричала, что она не решалась сказать, но уж раз она на вокзале, чтобы Яшенька не волновался, она едет в Белоруссию, к Валерию Викторовичу с супругой, которые пригласили её побыть с правнучкой, и она у них, под Витебском, немножечко побудет! Ну, вот, – сказал сам себе Яша, – я правильно сделал, что не стал волноваться, перевернулся на другой бок, и уснул. В Белоруссии хороший климат.

## Глава 20

Съемки еще не начались, а съемочная группа уже жила своей, напряженной не столько в творческом, сколько в личном плане – жизнью. Пусть «Виконт ...» и повествовал о немолдых уже мушкетерах, но все равно дух авантюризма, и здоровое стремление молодых и талантливых людей к более тесному общению, побеждал. Все время возникали романы, создавались и распадались геометрические фигуры – то треугольники, а то и квадраты, то слышались чьи-то рыдания, то хохот, а то затевалась драка, в которую вовлекались все сочувствующие. Яша, считая себя сильно повзрослевшим, повидавшим жизнь, женатым, да и к тому же – отцом, посматривал на все это снисходительно. Обсуждал, конечно же, самые громкие истории, особенно, если дело касалось популярных актеров, и молоденьких актрис, но все равно, также, как и в театре у Темницкого – считал всё это мало относящимся к себе. Правда, в последнюю неделю он стал замечать, что при его появлении говорящие в курилке замолкают, а, как только он уходит, в спину ему летит смехок. Но и это не насторожило его. В тот день, который оказался поворотным для Яши, он задержался на складах киностудии «Мосфильм», где Темницкому было разрешено взять в аренду костюмы, и провозился до глубокой ночи. Запасники киностудии – это просто Клондайк, и Яша так увлекся, что забыл обо всем. Когда же, наконец, страдающая зав. костюмерными щелкнула за ним выключателем, Яша, рассеянно простившись, пошел между корпусами Мосфильма, удивляясь тому, что внутри Москвы существует целый маленький город, и жизнь в нем не менее напряженная, чем в большом, окружающем его. Ноги его сами привели в корпус, где была тонстудия, и он пошел, просто так, бесцельно, прислушиваясь к глухим звукам, стараясь угадать, что именно сейчас озвучивают там, в студии. Тут он и уловил знакомый голос, точнее, не голос, а такое, особое дыхание, подзвученное вздохом «ой, кайф какой...» Не знаю, кричит ли женщина «мама», когда рождает, на своем родном языке, как утверждали создатели сериала «Семнадцать мгновений весны», но вспомнить, что именно говорила твоя любовница, еще не ставшая женой, в тот момент, когда достигала апогея, Яша смог... Яша сделал пару шагов вперед, прислушался, и вернулся. Сомнений быть не могло – за дверью была Магда. Но была она вовсе не с ним, Яшей, а с кем-то другим, настойчивым, но молчаливым. Первой мыслью было – ворваться, убить соперника, потом Магду. Или нет – Магду оставить, а соперника отделать так, чтобы он не только чужую жену, а свою бы... Можно было бы войти, и сказать что-то исключительно ироничное. Или обронить, эдак цинично – пользуйся, мне она больше не нужна. Пока Яша размышлял, мимо него проносились взад-вперед по коридору и чужие, и уже знакомые по группе люди, которые хлопали Яшу по плечу, но не спрашивали, чего он торчит, как болван, у двери в студию. В конце концов дверь открылась ровно на треть, в коридор высунулся известный ловелас, красавчик Стасик Микуленко, который, увидев Яшу, сглотнул, и, пригладив волосы, сказал, – о, Яша, привет? А ты тут чего делаешь? Тебя жду, – так же глупо ответил Яша и рванул к себе дверь. Магда сидела на столе, заваленном какими-то бобинами с пленкой, папками со сценариями, заставленном кофейными чашечками и пустыми стаканами. Она соскользнула на пол, нащарила босой ногой туфельку, облизнула губы, – у тебя какой-то смешной вид. Ты что, следишь за мной? У тебя совесть есть, – вдруг заорал Яша, – ты что ведешь себя, как последняя б...? Почему – последняя? – удивилась Магда, – Яша? Я – первая. Была, и буду. И харэ орать! Если ты не хочешь спать со своей женой, с ней будут спать другие. Тебе со мной и так – сказочно повезло! Кому ты нужен, Яша? Даже Зине своей не нужен! Амёба какая-то ... – Магда, задрав юбку, подтянула полоску белых бикини и, показав Яше непристойный жест, который можно составить из пальцев одной руки, пошла по коридору.

На следующее утро Яша был в районном ЗАГСе к открытию. Изучив образцы, висящие на стендах, он смог написать заявление о разводе с первого раза. Регистраторша, прини-

мая заявление, скривила алые крашенные губы, – а чего разводишься? Молодой же? У меня жена – б.., – сказал Яша. Радоваться надо, – регистраторша достала толстую книгу, – значит, правильно женился. Лучше пирог всем вместе есть, чем говно в одиночку. Имущественные претензии есть? У меня нет, – отрезал Яша. Ну, если она б.., – протянула тетка, – у нее точно будут.

Совершив едва ли не самый первый в жизни решительный поступок самостоятельно, Яша ощутил себя героем. О таком событии просто необходимо было рассказать, но кому? Бабушка все еще была в Белоруссии с Карасиками и Лилечкой, Боря отрывался на каком-то фестивале в Мадриде, Зина, по всей видимости, готовила государственный переворот, а многочисленные Яшины друзья и так были в курсе того, что Яша подал заявление на развод. Принимались ставки, один к десяти, что развода все-таки не будет, и Яша или забудет, или проспит, или просто – испугается. Яша, который на следующий день сам стал сомневаться в том, что он все сделал правильно, позвонил маме, в Ашкелон.

– Мам, – Яша придал голосу небрежную светскость, – хочу тебе сообщить приятную новость!

– Яша, умоляю, только не говори, что вы решились на переезд? – слышно было, что мама затаилась сигаретой, – сейчас такая дороговизна! И климат, Яша, я просто изнываю за этот климат! Надо ехать в Америку! Сразу! Минуй Израиль, чтобы время не тратить!

– Да нет, мам, – Яша вдруг понял, что соскучился по матери и даже поскреб мембрану ногтем, как детстве, – мам, мы с Магдой... короче, я развелся с Магдой! – Яша несколько ускорил событие, потому как иначе все это выглядело бы как намерение.

– Развелся? – мама охнула, – Яша! Ты идиот?!

– Почему это? – пришел черед удивляться Яше, – мам, ты же не одобряла Магду?

– Так не я с ней сплю, – парировала мама, – Магда хорошая девочка, она красавица, она просто шикарная, она секси! Она не замылена бытом, как эти ваши совковые коровы! Она прекрасно одета, она вся такая... она, как надо! Что тебе эта Зина? Пресноводная рыба, твоя Карасик, и папаша гэбешник! Женись снова!

– Мам ... – Яша не ожидал от матери такой реакции, – ты же знаешь, у Магды детей не будет?

– И на зачем тебе эти дети, Яша? У меня вас двое, и что? Кроме бессонных ночей! Я вечно напряжена! И к тому же у тебя есть дочь, куда еще? Вы молоды, мир у ваших ног, с Магдой весело, она остроумна, ах, Яша! Ты был и есть идиот, со своими кирпичиками из пластилина. Ты расстроил маму, Яша...

Сразу вылететь в Париж не удалось, а Изборск был свободен. В Изборске было решено снять смерть Портоса, взрыв порохового склада и беготню мушкетеров по стенам крепости, которую можно было потом вставить куда угодно. Магда была занята в съемках, монастырь кармелиток решено было поместить в одну из изборских башен. Была ранняя осень, из бойниц крепости открывался вид чудесный, хотя и не очень французский, днем солнце пригревало сильнее, и съемочная группа, расположившаяся биваком у соседней деревни, размещалась на коврах, взятых из реквизита, грелась, пила кислое вино, ела яблоки, ворованные из сада, и мечтала о славе.

«Виконта» снимали с ленцой – это было еще то, благословенное время, когда можно было то расслабляться, то наворачивать упущенное, и, если над группой что и довлело, то это одно – желание как можно скорее показать сериал публике. Местное население, и пришедшие к ним туристы с восторгом наблюдали за съемками, подбадривали актеров криками, и выпивали за здоровье народных, заслуженных и просто – любимых! Дуэль снимали около Словенских ключей, и, пока актеры неумело, но яростно махали шпагами, группа пила

воду из водопадииков, подставляя сложенные ковшиком ладони. Отчего-то все изрядно промокли, и всей толпой отправились греться в плохонькое кафе, в котором можно было выпить водки и закусить. Кафе гордо именовалось «Трувор», и на стенах своих, искусственно подкопченных, имело щиты работы местного чеканщика, какие-то подозрительные вериги, всякую хозяйственную утварь и ржавую от времени скобянку. Расселись, сдвинув столы, застучали алюминиевыми ложками, – жрать давай, псы-рыцари пришли! Появилась водка, дешевое вино, нашлась даже картошечка, огурчики и тушенка, и начался пир. За столиком в углу, под косо вбитым в щель между бревнами светцом для лучины сидела группка молодых людей, одетых очень просто и дорого. Иностранцы, – сразу определил Яша на глаз и шепнул своему соседу за столом, – ого, на них шмоток на сотни баксов, фирмА! Америкосы, – спросил сосед, незаметно скосив глаз на сидящих. Да нет, одеты стильно, – Яша успел рассмотреть все, – европейцы, точно. Французы. Или итальянцы? Смуглые, жестикулируют. Не немцы, факт. Съёмочная группа согрелась довольно быстро, градус был восстановлен, между собой все всё давно выяснили, и поэтому внимание переключилось на сидящих в углу. Давай к нам, мужики, – махнул рукой оператор и сбил со стола бутылку. Пока поднимали бутылку, пока заказывали новую, сидящие, обозначив благодарность за приглашение, помахали в ответ. Официант! – рявкнул Микуленко, – шампанскага-га-га! Вон тем, гвардейцам кардинала! За счет заведения! Боюсь, они такое пить не станут, – официантка прислонилась к Микуленко грудью, – они такой шмурдяк не пьют! Дай им другой, – миролюбиво согласился Стас, – где у вас там подвалы с вином? Выкатывай бочки! – Стас держался ровно, хотя и был порядочно пьян. – Господа! – он подошел к столику, – прошу к столу! Или к шалашу! От нашего, так ск-ть, шалаша, вашему так ск-ть... велкам! Мерси-мерси, – закивали все четверо, – авек плэзир! Французы! – Стасик обрадовался так, будто нашел золотой соверен, – ребята! Живые гасконцы! Вив ля Франс! Мужики! Мы ж про вас кино снимаем! Дальше началось типично русское веселье. То есть, братание и пьянство. Пели «Марсельезу», «Очи черные» и «Jai l'ame slave» и на словах – «Je bois de la vodka» чокались. Но не стаканами, нет! бутылками! Трое из французов оказались молодыми людьми, а четвертая, коротко стриженная – девушкой. Девушку звали Оливия, а ребят – Бруно, Паскаль и Люка. Бруно смотрел на Магду ровно две минуты, после чего подошел к ней, опустился на одно колено, взял её руку и поцеловал. Будь моя жьена, – сказал он. Вообще-то она замужем, – закричал с противоположного конца стола Яша. Даккор, – кивнула Магда, – жё сви либр! Как это ты свободна, – возмутился Стасик, – а я? Яшку мы вообще никогда и не спрашивали! Грозила завязаться драка, но все были в таком прекрасном расположении духа, а французы были такие славные, и к тому же стих дождь, шедший весь вечер, и все высыпали на улицу, и пошли назад, к замку, который был освещен только смоляными факелами – теоретически планировали снимать ночью...

Чего только не придет в голову тому, кто устал, продрог, выпил, согрелся и – перегрелся, вне всякого сомнения! Такого человека, как говорят в народе – «тянет на подвиг». Вот, и Яшу потянуло. Наверное, побудительной причиной была ревность – Яше вдруг захотелось показать французам, на что способен русский каскадер. Ничего в этом дурного не было, за исключением того, что Яша не был каскадером и был близорук. Пока все пили шампанское на галерее крепостной стены, Яша пробрался в самую высокую башню, в «Луковку», выхватил факел, и, балансируя на самой верхотуре, вознамерился пройти по окружности башни. Крыши на башне не было, камни осыпались под Яшиными ногами, а он, выкрикивая первое, что пришло в голову – «пора – пора – порадуемся на своем веку!» начал обходить башню по окружности. С той стороны, где башня была видна изнутри самой крепости, высота её была не так головокружительна, а вот там, где башня бойницами выходила на запад, к лесу, обрыв был такой, что и трезвый разбился бы, глянув вниз! Яша шёл медленно, и пел, а группа, застыв от ужаса, и протрезвев мгновенно, смотрела на него. Вдруг крупный камень скатился вниз,

и Яша невольно проследил, куда тот упал. Тут же у Яши закружилась голова, он потерял равновесие и уронил факел. Факел полетел вниз, в глубину обрыва, вслед за осыпающимися камнями, и теперь был виден крохотной догорающей точкой. Яша потерял равновесие, зашатался, оступился. Потеряв опору, он упал, но успел ухватиться за камни. Так он и висел, цепляясь за крошащуюся каменную кладку, болтал в воздухе ногами и понимал, что еще немного – и он сорвется, и упадет, и разобьется насмерть. Паскаль хлопнул по плечу Бруно, Бруно свистнул Люка, и все трое помчались к «Луковке». Откуда у французов оказалось альпинистское снаряжение в рюкзаках, в тот момент никто не задумался. Действовали они молниеносно. Люка взлетел на самый верх башни, Бруно начал подниматься по башне со стороны крепостного рва, а Паскаль, расстелив палатку, командовал ребятам из группы растянуть полотнище под башней. По счастью, светало, хоть и медленно. Все, кто стоял в этот час во дворе крепости, молча следили за спасением Яши. Только Магда отвернулась, встала спиной к происходящему и курила сигареты – одну, за одной.

Яша успел потерять очки, и судорога свела его пальцы, и он уже простился с жизнью, когда Люка обхватил его поясицу спасательным ремнем, пристегнул к карабину канат, и, с помощью Бруно, стал бережно поднимать Яшу вверх. Бруно страховал Яшу снизу, хотя сама башня была негладкой, и было куда поставить ногу – но ноги Яшу не слушались. Бруно с Люка осторожно подняли Яшу на верх стены, но он не мог идти, и его так же, на страховке, спустили вниз, во двор. Когда Яшу наконец-то опустили на палатку, подбежала Магда и начала хлестать его по щекам, – сволочь, гад, назло, назло мне! Ненавижу тебя! Ненавижу!

На следующий день не сняли ни кадра. Все переживали случившееся, а разгневанный Темницкий, приехавший из Пскова, отправил Яшу в Москву. Яша был так потрясен, что пару недель провалялся дома, все еще не веря тому, что он – жив. Магда приехала его навестить, привезла ему яблок и мёда, и, сидя в ногах Яшиной кровати, сказала:

– Яшка! Вот, хорошо, что ты полез на башню! И Бруно тебя спас. Сначала мне даже жалко было, что не рухнул в эту пропасть и не сломал себе шею, – Магда вздохнула, совершенно счастливая. – Я влюбилась. Я влюбилась так, как бывает только в сказке! Я выхожу замуж за Бруно! Я буду мадам Дебланж! Он биолог! Сейчас создают национальный заповедник, представляешь? Сомма-бэй! А Бруно занимается тюленями! Яшка! Я буду с ним! Мы будем жить на маяке!

– Охренеть, – честно сказал Яша, не проявляя никакого интереса, – и что ты там будешь делать?

– Я? Я буду изучать древесных лягушек, – на полном серьезе ответила ему Магда.

– Какая гадость, – честно сказал Яша и приподнялся на локтях, – Магдя? Ты всуерьез? – «Магдя» Яша говорил ей редко, это было словечко-пароль, такое признание в любви, когда невозможно сказать об этом при всех. Магда сразу же отбила подачу:

– Яшкензончик Измайлович! Конечно! Боже ты мой! Да я никогда еще не была ТАК серьезна!

– Магда, ну, какого хрена тебе нужны эти жабы?

– Это – не жабы! Это – древесная лягушка. – Магда даже обиделась, – зеленая квакша. А жабы тоже есть, жаба наттерджек, камышовая! С желтенькой полосочкой на спинке ... – Магда, говоря о жабе, просто засияла.

– Жаба с полосочкой? Жаба?! Ты рехнулась! – Яша сел на кровати, – ты свихнулась! Ты, что, идиотка? Ты? Ты – актриса! У тебя сколько фильмов уже? Спектаклей? Ты в своем уме? На хрен тебе этот лягушатник со своими жабами? Ты там сдохнешь! Там же солончаки! Это тебе что, Ницца? Ты хоть башкой своей подумай!

– Я подумала. – Магда опять засияла. – Я люблю его. Понимаешь?

– Там смотреть не на что! Какой-то шибздик, Гурвинек!

– Этот, как ты выразился, шибздик, тебе жизнь спас. Он сильный. Умный. У него есть цель в жизни. А насчет лягушек... Яша, вот, Бруно – он занят реальным, нужным делом! Кому на хер нужны твои тряпки? Мода прошла – выкинули и забыли! А он спасает золотую нерпу!

– А кому нужны твои тюлени?

– Они всем нужны! – Магда разозлилась, вскочила, потом опустилась на четвереньки, потом села, обняв руками колени, – ты вот, можешь создать тюленя? Нет! Не можешь! Никто не может! Тюлень – это мир. Это Бог создал мир, а мы его должны беречь. Я только с Бруно поняла, как надо жить! Мы неправильно жили. Да, у меня были любовники, ну что, я же никому не делала зла? Я не воровала, не убивала! И ты был моим любовником, и вы все – все! получали, что хотели! Мне было не жалко, берите, пользуйтесь! Но вы же сами меня не уважали, ты меня замучил ревностью!

– Да как ты могла мне изменять? – теперь уже заорал Яша.

– А чем ТЫ лучше других? Такое же дерьмо!

– О, о, о! А это тюлень, значит, лучше всех нас?

– Лучше! Ему ничего от меня не надо было, только бы я была рядом! Он себя отдал и предложил мне разделить то, чему он служит.

– Охренеть, охренеть, – повторял Яша, – Магда-гринписовка! Завтра ты будешь ложиться под поезда, везущие ядерные отходы? Приковывать себя цепями к реликтовым деревьям? Хватит, это блажь для богатых! У нас в России достаточно просто дерево посадить! И кошку покормить! Не выёживайся, Магда. И, это? Давай, не будем разводиться, а? – Яша попытался расцепить ее руки. Магда только крепче прижала к себе колени.

– Нет уж. Развод, значит, развод. Глупо было с этой свадьбой. Лучше б ты на Зине женился. Она только тебя любит.

– А ты? Ты не любишь? – Яша обхватил Магду за шею, – не любишь? Ну, давай, на прощание, а? Еще разок? Иди ко мне, повторим забытое? Я тебя хочу!

– А я – нет, – Магда сбросила Яшину руку, – тебе только одно надо было. И ничего больше. Ну да, Магда же такая... да я и была такой, какой вы хотели меня видеть! И только Бруно...

– Достала ты меня со своим Бруно! – Яша повалил Магду на постель, и вдруг что-то буквально щелкнуло, как будто распались дужки, державшие замок, и что-то страшное, звериное, чудовищное, чему и сам Яша не смог дать названия, буквально затопило его. Он не соображал, что делал, точнее – соображал, ужасался, но остановиться не мог. Магда кричала, но кто бы ее услышал в семикомнатной квартире, где давно уже не было других жильцов, кроме Яши? Когда весь этот кошмар кончился, Яша встал, пошатнулся, и стал искать очки. Без очков он видел только белый силуэт, но он слышал, как она плачет, как пытается сказать что-то, но не может, и заикается, и он боялся даже представить себе – что он сделал с нею...

– С-с-с-во-о-о-о-лочь, – наконец смогла выговорить она, – чтт-т-о-ббы т-ты сдд-ох...

Яша не видел, как она оделась и ушла. Он услышал только хлопок, и тут же нашарил очки, лежавшие на полу. Одно стекло было раздавлено, а второе цело, и он, подбежав к окну, разглядел, как Магда вышла из подъезда, и, встав на колени у огромной лужи, долго мыла в ней руки, и, зачерпнув воды, умыла этой грязной водой лицо.

Остаток дня Яша просидел дома. Он заходил в комнату, в которой в последнее время жила Магда, открывал створки её гардероба, зарывался лицом в её платья – и так и стоял – неподвижно. Открывал банки, в которых она хранила свою «мелочёвку», перебирал дешёвые колечки, крестики, амулетики, какие-то монетки, крохотную фарфоровую галошу, муранские сережки, вырезанного из дерева медвежонка, серебряные колокольчики, стеклянную рыбку... Магда складывала все в банки из-под датского печенья, по какой-то своей прихоти не желая выбрасывать никакой мелочи. Каждый случайный, казалось бы, предмет говорил о Магде

больше, чем она сама. Мои бебехи, говорила она притворно пренебрежительно, но Яша знал, что для нее эти банки почему-то значат больше, чем та ювелирка, которую он ей иногда дарил. К тряпкам Магда была равнодушна – в том плане, что она выглядела сногшибательно во всем. Что бы на ней не было надето – только на нее и обращали внимание. За шмотками не вернется, говорил сам с собой Яша, но эти её банки? Магда любила все, во что можно что-то сложить, Яша даже звал её «хорьком» – она обожала бювары, шкатулки, коробки и коробочки, портсигары, коробочки для перьев, даже готовальни. Сейчас все это было брошено, и Яша дотрагивался до её вещей, словно стараясь вымолить у Магды прощение...

Борис прилетел к концу недели, вызвал Яшу телефонным звонком и говорил с ним в казенном помещении районного суда. Они сидели на простых стульях, у окна, и их разделял какой-то пыльный фикус.

– Конечно, я должен был бы набить тебе морду, – Борис был в костюме, при галстукке и вид имел самый неприятно-официальный, – но я не сторонник насилия. Мне проще было бы нанять кого-то, кто бы прострелил тебе голову, у вас, в России, это сейчас легко. Но ты отец... хотя, какой ты отец? Ребенок вырастет без тебя, тут я приложу все свои силы.

– Я виноват, – Яша сидел, сжав руки коленями, – Борь, лучше бы ты меня убил. Мне самому жить не хочется. Понимаешь, когда она сказала, что этот лягушатник...

– Можешь мне не объяснять, что такое страсть, ревность, страх потерять любимого человека! Я только потому и не предпринимаю никаких попыток посадить тебя, потому что мне знакомо такое состояние. А не безумен кто ж... но Магда моя сестра.

– Боря, я хочу попросить у неё прощения... – Яша увидел, как Борис дёрнулся, и заговорил быстрее, – нет, нет, не увидеть, нет! Я ей напишу. Она меня не простит. Если бы ты знал, как мне хреново...

– Теперь ничего не имеет значения. Пока она молода, с ней всегда будет происходить такое, – Борис раскрыл замки дипломата, – она так создана. Она не может быть другой. Если хотят владеть ею, будут хотеть и убить её, со словами «так не доставайся же ты никому». Кармен хренова. Я сам от нее устал. Боюсь, она и этого Бруно доведет до французского цугундера...

– Да нет, они тюленей буду спасать, – Яша хмыкнул, – но я люблю её.

– Ты любишь то, что не дается тебе в руки, – Борис вытащил листки, – Яша. Сейчас вас разведут, и вы оба свободны. У Магды нет к тебе претензий, но, я полагаю, ты будешь настоящим мужиком и сам передашь ей какие-то деньги. На корм тюленям, хотя бы.

Магда пожелала вернуть свою, девичью, фамилию – Мигдаль. Яша, разумеется, остался Измайловым. Борис заехал тем же вечером на Татарскую, с шумной компанией, неимоверным количеством выпивки и ресторанной еды, упакованной в коробки. Свадьбу ты зажал, – с порога сказал сияющий Борис, – давай, хоть развод отметим? – И подтолкнул к Яше двух одинаковых с виду девиц. – Зита и Гита. Да ладно, – Яша переводил глаза с одной на другую – похожи! Шучу. – Борис шлепнул девиц по спине. – Галя и Валя. Или Маша и Даша. Тебе имена зачем? Они на любые откликаются. Расстелили ковры в самой большой, соединенной из двух, комнате, расселись на полу, и сразу в пустой квартире, в которой пахло пылью и красками, стало уютно. Откуда-то появились цветы, ароматические свечи, удушливый аромат которых заглушил странный запах тлеющего сена. Говорили о высоком искусстве, о роке, о музыке вообще, о кинематографе, Америке, Кафке, собаках, Марксе и о Боге. В компании были и люди, знакомые Яше, были и незнакомые, приехавшие покорять Москву. Вдруг откуда-то взялась гитара, а Яша вспомнил, что в какой-то из комнат осталось расстроенное пианино, и его прикатили с грохотом и смехом. Кто-то налил воды в бутылки – до разных уровней, и пошла такая импровизация! Нашли ложки – и деревянные, и обычные, мельхиоровые, и ложки зазвучали потрясающе! Детская дудочка, какая-то пищалка и барабанчик – и «дали джазу»! Молчавшая в углу смуглая большеглазая девица в кожаных бриджах и пиджаке с плечиками, сдвинув на нос сня-

тую с кого-то шляпу, вдруг запела, да как! Компания просто взвыла от восторга, а дальше Борис вызвонил знакомого саксофониста, тот прихватил с собой клавишника, и... трое суток у Яши, на Татарской, было так, как надо – вдохновенно, во всех отношениях. Появилась хорошая мысль собрать группу, дело было за малым – найти руководителя, продюсера и понять, зачем вообще это нужно. У Яши уже болела голова, раздражали незнакомые люди, появлявшиеся сами по себе, и не оставляло ощущение, что он, Яша, кому-то что-то должен. Когда Яша окончательно протрезвел после сеанса в Сандунах, он схватился за голову. Он должен был позвонить Темницкому, а когда, Яша не помнил. Страдая бесконечно, он принялся разыскивать Темницкого по знакомым, пока кто-то не дал Яше номер мобильного. Яша удивился – в то время это была еще редкая и дорогая игрушка. Дозвонившись, Яша выслушал Темницкого, понял, что он, Яша, ничтожество и лучше бы ему вообще не появляться на свет. Яша слушал терпеливо, ожидая разговора о Магде, и дождался. Темницкий приказал Яше найти Магду – где угодно – и немедленно ехать с нею на Алтай, где им дадут такое количество лошадей для съемок, что ими можно обеспечить всю Францию. Яша огорчил Темницкого тем, что Магда больше не Измайлова, потому влияние его на неё не распространяется. Выслушав очередную порцию слов обидных и уничижительных, Яша захотел повесить трубку, но тут Темницкий вздохнул, и сказал устало, – я ждал что-то подобное. Ну, и хрен с ней. Собственно, мы финал отсняли, и довольно. Поговорю со сценаристом, и она у нас будет как мадам Коломбо – все о ней говорят, но никто ее не видел. И деньги, кстати, сэкономим. Жаль, она к месту была!

Август тогда стоял жарким, и мысль об Алтае Яшу успокоила. Перед отъездом он созвонился с Борисом, и сказал, что доверяет ему узнать, где и сколько Яша заработал. Ты понимаешь, – извинился он, – я понятия не имею обо всех этих счетах и процентах. А на что ты живешь? – изумился Борис. Ну, я работу сделаю, заплатят. Сейчас полякам детские три серии продал, с руками оторвали. И серию «Лилия», кстати. Борь, помоги, я просто это сто лет буду делать. Половину Магде, без вопросов.

А 17 августа 1998 года, пока Яша дремал в самолетном кресле, пересекая российские просторы, грянул дефолт.

## Глава 21

Самолет приземлился в Барнауле, откуда, по идее, нужно было двигаться в Горно-Алтайск. Все, что отстояло от Москвы более, чем на 100 километров, воспринималось Яшей как конец света. Правда, Европа была приятным концом, а Алтай – неведомым. В барнаульском аэропорту Яша, одуревший от многочасового перелета, искал глазами хоть кого-то знакомого, но у всех, снующих в беспокойстве по зданию аэропорта, лица были взволнованные и чужие. На стоянке такси Яшу нашла администратор группы, и, пока они ехали на такси до гостиницы «Советская», отчаянно круглила глаза, и все твердила – ужас, ужас, всё, мы разорены, представляешь? Темницкий пьет, актеры собрались в Москву, а на чем лететь? А денег нет, представляешь? А у нас реквизит и костюмы поездом идут, представляешь? А мы в Горно-Алтайск должны завтра, представляешь? Да что случилось, – Яша заразился ее волнением, – война, что ли? Как? – администратор чуть не уронила сигарету, – ДЕФОЛТ! Все, ни хрена теперь денег нет. Только, у кого валюта была. СКВ. А что, рубли теперь не ходят, – глупо спросил Яша, – а то у меня с собой почти ничего нет, только пара сотен баксов...

В гостинице пьяный Темницкий лежал ничком на кровати, и вид его был ужасен. Девушки из группы пытались его реанимировать, но тщетно. Когда Темницкий приходил в себя, он хватался за сердце и шептал – всё кончено, мы разорены... Приняв на грудь спасительную рюмочку-другую, он начинал плакать, кричать – сволочи, сы-вы-о-ло-чи... и засыпал. На третьи сутки, когда группа уже не понимала, чем платить за гостиницу, что есть и пить, прибыла худенькая девчушка, назвалась Вероникой и сказала, что лошади в Горно-Алтайске заряжены. Куда заряжены, – испугался Темницкий. Куда надо, – весело блеснула глазами Вероника. – Поедьте, мы вас и накормим, и спать положим. Все одно турбаза пустая стоит. Поехали!

До Горно-Алтайска руководство домчали на минивэне, а остальная группа разместилась в «Икарусе». Горно-Алтайск проехали ночью, а на турбазе оказались ранним утром. Стоял август, уже было холодно, но горы, освещенные солнцем, поразили Яшу. Воздух был такой, что хотелось есть его, и внезапно все проблемы растворились, все заботы исчезли, и осталось только это небо, горы и желание жить и любить.

Уч-Энмек проскочили ночью, и саму священную гору Яша увидел только при дневном свете. Яше показалось, что именно сюда, на Алтай он и стремился всю жизнь – Алтай захватил его, поглотил и вознес вверх – в самое небо. Пока он стоял, очарованный и зачарованный, группа просыпалась. На площадке перед гостиницей собирались уставшие, похмельные, озлобленные люди – никто не понимал, как, и на что дальше жить, и только Яше было хорошо. Что вы так нервничаете, – говорил он каждому, кто выходил на крыльцо с кислым видом, – во, ребята! Красота какая! Зачем вам думать о деньгах? Сейчас наша девушка Вероника отвезет нас на турбазу, и мы отправимся в путь! На Теректинский хребет! Яш, ты совсем на голову нездоров, – Темницкий вышел в солнцезащитных очках и бейсболке, – уймись, прошу тебя. Тебе дадут коня и ты будешь изображать Чапая. Он же где-то тут потонул, нет? В реке Урал, – сказал начитанный заслуженный артист Горошко, – но это не так. Его на плотик втащили, но, пока к берегу доставили – умер. От кровопотери. Один хрен, – отмахнулся Темницкий, – на речке же? Я бы их всех, гадов... в одну реку. Эх, не они бы, жили бы мы себе! Да, Жэка, – подлил масла в огонь заслуженный, – а ты бы сейчас в Голливуде... Не исключу, – Темницкий приложил ладонь к затылку, – твари, что они в коньяк добавляют, а?

Кто-то принес шампанское, в гостиничном буфете нашелся сыр и конфеты, пустили по кругу первую бутылку, потом вторую, и вот, все повеселели, забыли про дефолт, и уселись в автобус. До урочища Тышты-Кат ехали с песнями. Яша все присматривался к Веронике, стараясь, чтобы это было не так заметно, впрочем, вся мужская часть группы положила на неё глаз. Вероника была похожа на Магду. Но она была как бы восточной копией, и лицо ее, явно

монголоидное, говорило о том, что кто-то в её родне – алтаец. Красотка, – ткнул Яшу в бок заслуженный, – пока молодые, они все красотки! Я под Барнаулом служил, так вот, у нас... и заслуженный рассказал обычную полупохабную историйку, в которой он, понятное дело, был героем и прекрасным любовником.

В урочище гостиницы не было, стояли армейские палатки, и группа возмутилась, стала просить Темницкого вернуться, потому как в таких условиях жить просто невозможно. Пока пытались через пограничников связаться с Горно-Алтайском, в котором осталась администрация и народные артисты, спустилась ночь, пришлось греться у костра, пить странного вкуса чай с молоком и чем-то масляным, есть гречку с тушенкой и пить скверную местную водку. Размещались в палатках затемно, но тут уже всем опять стало весело, хотя веселье принимало характер истерический. Опять пели, путали палатки, пили, заснули только к утру, когда в урочище ленивой кошкой еще спал туман. Вероника, бодрая, ясноглазая, подвела к палаткам лошадь, но нашла лишь Яшу, который сидел на бревне и курил. Яша! – девушка обрадовалась ему, – ну? Давайте! Не понял, – Яша опасливо посмотрел на лошадь. Лошадь так близко он видел впервые. – А что надо делать? Давайте, Яша! Не бойтесь! Проедете круг, хотя бы! Она оседлана, она спокойная, она хорошая девочка! – Вероника погладила лошадь. Как ее зовут? Акча, – вот, Вероника провела по спине лошади, – видите? Она белесая тут, и ее отбраковали. Представляют? По масти! Ну, дураки же? Наверное. – Яша принялся – от лошади пахло приятно, как будто чем-то знакомым. Пахло конским потом, кожей сбруи, травяной жвачкой, брезентом. Давайте? Вон, там у нас вроде лесенки, я вас поддержу! Пока они разговаривали, всклокоченные, невыспавшиеся члены съемочной группы вылезали из палаток, дрожа от холода. Яша, седлай коня! – заорал кто-то. Это лошадь! – сказал умный заслуженный. – Видите ли, лошадь существенно отличается от коня тем, что у нее... Яша? Ну, вы что? боитесь? – Вероника рассмеялась, и это решило Яшину судьбу. Он дошел до лесенки-ступеньки, поднялся на площадку, и, когда Вероника подвела под уздцы лошадь, вскарабкался на нее. Такого ужаса Яша не испытывал никогда. Он оказался на какой-то сумасшедшей высоте, люди стали маленькими, деревья – вровень, тут же стало нестерпимо больно в паху, и ноги сами судорожно обхватили лошадиные бока. Чок, – скомандовала Вероника, – Яша, стойте! Сейчас я вас поведу, а потом догоню на своем Кактусе! Она говорила, но Яша уже ее не слышал. Мир для него перестал существовать, и Яша думал о том, как он будет хреново выглядеть, когда рухнет с этого небоскреба.

Акча, привычная к чужому седоку, шла шагом, и Яша успокоился, и даже стал замечать, что движутся они лощиной, и вокруг все очень живописно, и даже течет какой-то ручей, кажущийся темным из-за каменистого дна. Воздух был такой сладостный, что все страхи рассеялись сами собой, и было так приятно ощущать себя каким-то героем из вестерна, что Яша даже выхватил невидимый кольт и стал целиться в далекую точку – в какого-то ястребка, парящего над дальним лугом. Вероника, как амазонка, на своем неоседланном Кактусе догнала его легко – когда Акча вышла на луг и вопросительно обернулась – куда дальше? Яша, – Вероника заставила Кактуса остановиться, – давайте уже, поддайте! Можете рысью, не бойтесь? Ноги не болят? Голова не кружится? Сейчас, через луг перемахнем, там такое место красивое, речной пережат будет, можно посидеть, отдохнете! Идет?! Идет, – Яше уже все нравилось, и сам он нравился себе, и Акча ему нравилась, и Вероника... нет, пожалуй, не нравилась – он уже был немного влюблен. Да и как не влюбиться, если ты молод, если девушка хороша собой, если ты на Алтае, где все незнакомо и так удивительно? Яша осмелел окончательно и слегка сдвинул бока Акче. Лошадь несказанно удивилась такой наглости, но, привыкшая к послушанию, потрусила. Сразу же отозвалась поясница, а желудок запрыгал вверх-вниз, но появилось какое-то странное, потаенное желание, и было оно такой силы, что Яша удивился. До пережата Вероника доскакала быстрее, спешилась, подвела Кактуса к воде, но пить не дала, а стала прохаживать его по берегу. Вода ледяная, – крикнула она Яше, – не давай сразу пить!

Еще час они сидели на какой-то коряге, обглоданной водой, смотрели на мелкую в этом месте речку, а Вероника, сдувая со щеки прядь, рассказывала Яше местные легенды, где были прекрасные алтайские девушки и отважные батыры, неразделенная, или слишком разделенная любовь, месть, кровь, верность и прочая романтическая галиматья. Яша смотрел, не отрываясь, на щеку Вероники, потом переводил взгляд на реку, на каждый камушек, видный на дне. Смотрел на Акче и Кактуса, мирно пасущихся за ивовыми кустами, и терял голову. Ну, что? – Вероника поднялась, стряхнула с бриджей травинки и песок, потянулась, сведя лопатки и медленно, медленно, нарочито медленно пошла к лошадям. Яша в два шага догнал ее, развернул к себе, и успел только сказать, – не могу, хочу тебя, хочу... Песок попадал в рот, щекал живот, в волосах путались какие-то веточки и сухие цветы, и солнце стояло высоко в небе белым страшным шаром. Потом они лежали – Вероника, прикрыв глаза, видела сквозь веки солнечный золотой бубен, а Яша, уткнувшись в песок, смотрел на крошечных муравьев, перебирающих лапками огромные песчинки. Дальше? – спросила Вероника. Да, – ответил Яша. Сам? – Вероника застегивала рубашку, – или помочь? Сам, – Яша старался не смотреть в ее сторону, чтобы не послать к черту лошадей, а остаться тут, на берегу, навсегда.

Яша потом силился вспомнить тот день, или те дни – и не мог. Как долго они шли рысью, как выскочили из лощины, пересекли равнину, поросшую какими-то невиданными цветами, которые одуряюще пахли, как останавливались, падали в те травы, спали – помнил, а вот, что ели, что пили – не помнил. Сменялся ли день ночью, не помнил. Впрочем, он помнил какие-то невероятной величины звезды, значит, это были ночи? Звезды были не такие, как в Москве, робкие, тусклые, словно стесняющиеся сиять в электрическом городском раю, нет. Алтайские звезды были огромные, и яркие, как бриллианты, и цветные – и желтые, и синие, и алые. Яше казалось, что он перестал слышать, потому как сердце билось так часто, перегоняя кровь, что его стук заглушал все остальные звуки. Несколько раз они пересекали какую-то реку, в одном месте даже вплавь, и разводили костер на берегу, чтобы просохнуть. Болели ноги, ныло тело, голова кружилась, но все это не мешало Яше. Он был не просто влюблен в Веронику, он был одержим ею. Скажи ему она тогда – убей, убил бы. Он шел за ней, как привязанный, а казалось ему – что это его лошадь следует за ней, подчиняясь Веронике. Последнее, что он отчетливо помнит – это туман. Туман был таким густым, что лошадей скрыло из вида, и, казалось, что всадники движутся сами по себе, как привидения. Туман поглотил все звуки, только где-то ухнула птица, и Вероника крикнула ей что-то на своем, непонятном Яше языке. Эхо отозвалось, гулко, невнятно, но, по какой-то странной особенности ущелья, в которое они въехали, эхо исказило голос Вероники, и вдруг Яша совершенно отчетливо услышал, – Яша. Яша. Яша, – голос принадлежал Зине. Яша приподнялся на стременах, крикнул, – Зина? Ты где? Что ты здесь делаешь? А эхо ответило, – Яша, что ты делаешь, что ты делаешь... Зина! – закричал Яша, и это было последнее, что он помнил. Потом Яша уверял Бориса, что он был в какой-то юрте, и в юрте был шаман с бубном, и он даже точно описывал войлочные ковры, на которых он якобы лежал, и запах и вкус отвара, которым его поили. Но Борис все это списал на сильное нервное потрясение, на то, что Яша был голоден и изнурен, потому как Борис, прилетевший в Горно-Алтайск по просьбе Темницкого, нашел Яшу в обычной больничке. У Яши были переломы, ушибы, и он был абсолютно невменяем. Борису понадобилось много сил и денег, чтобы перевезти Яшу в Москву.

Вероника курила на крыльце больницы. Молодой врач, в зеленом халате и шапочке, вышел из двери служебного входа и обнял её за плечи.

– Отстань, Илья, – Вероника сбросила его руку, – скажи, жив будет?

– Если будет? Что я буду с этого иметь, – Илья, смуглый, с узким разрезом глаз, с высокими скулами, коренной алтаец, опять положил ей руку на плечо и больно стиснул, – ты выйдешь за меня замуж?

– Как отец скажет. – Вероника отшвырнула окурок, – но, я чувствую, в этот раз у меня всё получилось!

– Уверена? – Илья погладил её плечо, – а с теми мужчинами не получалось...

– А в этом я была уверена с самого начала, – Вероника погладила себя по животу, – боги сжалились надо мной!

– Ты выйдешь за меня? – Илья смотрел на девушку, – выйдешь?

– Присылай сватов, – Вероника вскочила в седло привязанной у коновязи лошади, – присылай, Илья!

## Глава 22

– Старичок, – Яша с Борисом сидели в прекрасном старом парке, окружавшем здание частной клиники, – тебе пора заняться чем-то менее опасным... Понимаешь, я, конечно, как служба спасения безотказен, но и я уже устал. Добровольное общество по спасению Измайлова, – Борис хмыкнул. – Кой черт тебя понесло на Алтай? И зачем тебе лошади? Ты что, гусар?

– Брось, – Яша выглядел плохо – бледный, одутловатый, безразличный ко всему, – я сам не понимаю, зачем? Нет, на Алтай – понятно. Все поехали, и я поехал. А лошади... нет, ну а ты? Ты бы не поскакал?

– Я? – изумился Борис и потрогал пальцами поля шляпы, – я не экстремал, нет. Я предпочитаю дорогой ресторан, хорошую кухню, приятную беседу. Театр, в конце концов. Да мало ли есть безопасных способов доставить себе удовольствие?

– Там эта девушка была ... – Яша смутился, снял очки, подышал на стекла, забыл надеть очки, и так и сидел, вращая их за дужку, – ты понимаешь? Нет, ну это было, как наваждение!

– Как у Леонида Андреева? «Бездна»?

– Да нет, нет, что ты... скорее, «Амок» – я был готов идти за ней, куда угодно, я перестал различать день и ночь, это было больше, чем наваждение! И еще... ну, я не мистик, ты же знаешь, но этот Алтай! Какое-то офигенное место! Я бы еще раз туда поехал, но без лошадей, разумеется! Но я был в юрте, я точно тебе говорю! И шаман был, я этот звук бубна помню! Не могло же мне все это присниться?!

– Яша, не надо так переживать! Пусть будет юрта, шаманы, кумыс, что у них там еще? Надеюсь, ты не собираешься лететь на Алтай разыскивать свою амазонку?

– Нет, нет, – Яша досадливо отмахнулся, – у меня все рёбра болят!

– Рёбра – что, – философски заметил Борис, – главное, чтобы ты чего другого... чем другим... ну, ты понимаешь, о чем я?

– Проверили, все стерильно, – Яша надел очки, – Борь, ну, все в жизни бывает! Всё зло от баб...

– Вот! – Борис поднялся со скамейки, посмотрел на свое пальто, стряхнул прилипший к нему мокрый лист, – я тебе об этом давно говорю! Кстати, новости есть. Ты как, в состоянии? Или впадешь в кататоническое возбуждение?

– Хватит, прошу тебя! – они медленно шли по влажному от дождя гравию, – скажи мне хоть что-то хорошее!

– Из хорошего, – Борис помедлил, расправил плечи, вдохнул глубоко, – чудный воздух! Подмоскovie! Во Франции такого воздуха нет. Да, о чем мы? Хорошее – ты богат.

– Как? Был же кризис?

– Ты умный. Точнее, я – умный. У тебя все бабки за джинсу в турецких лирах. За детскую коллекцию – в польских кронах. То, что у нас во Франции – во франках. Во франках меньше, но в лирах прилично! Не повезло Магде – мы сделали ей перевод в рублях, и – упс! Но сестра сейчас занята своими лягушками, тюленями, улитками – ей ничего не надо. Вот так... ты рад?

– Наверное, – они уже стояли у лестницы, ведущей в клинику, – я как-то не задумывался, если честно. Но хорошо, что деньги есть, давай, поможем Магде?

– Как хочешь! – Борис поднял воротник, – а печальное... Зинин отец очень плох. Инсульт тяжелый. И не знаем, вытянем, нет? Вот. Ну, ты понимаешь, инсульт... дело такое. Нервы. Да. – Борис вдруг закашлялся, и Яша понял, что он не договаривает что-то важное, но Яше совсем не хотелось знать – что именно.

Из клиники Яшу выписали очень скоро, хотя, могли бы держать столько, сколько бы он согласился платить. Перед тем, как проститься, Борис протянул Яше файловую папочку, –

старичок, тут счет. Не ахай, тут в рублях, мы переведем по курсу, будет совсем не страшно. Согласись, я тебя прекрасно устроил. Разве можно это сравнить с дуркой? Явный прогресс?! К питанию-лечению вопросы есть? Нет, – Яша взял папку двумя пальцами, – спасибо тебе.

В своей отдельной палате Яша сел в глубокое кресло, пододвинутое к окну, налил себе минеральной без газа, пополоскал горло, вынул плотные листы бумаги. Сумма, обозначенная в конце, была столь велика, что Яша подавился водой, раскашлялся, слезы сами собой брызнули из глаз, потом бешено застучало сердце, Яше показалось, что у него темнеет в глазах... В чувство его привели быстро, и хорошенькая сестричка-администратор, искусственно улыбаясь, уговорила его прилечь и все вопросы решить с доктором. Утром Яша «вопросы» решил, и доктор, как две капли воды похожий на Бориса, только с фараоновской бородкой клинышком, согласился, что цены высокие, но и лечение, голубчик? И процедуры? И бассейн? И медикаменты? Препараты только из Европы и Америки, ничего сомнительного, отечественного! Яшу выписали через два дня. Абсолютно здоровым. До Москвы он добирался обычным автобусом, смотрел на унылые серые поля и сине-зеленые перелески, морщился от вида блочных пятиэтажек пригорода, и хотел одного – солнца, синего неба и, желательно, моря. Квартиру свою на Татарской он нашел мрачной, пустой и совершенно чужой. Пустой холодильник, пыль, грязное белье, посуда в раковине – нужно было начинать жить сначала, а не хотелось. Яша нашел полбутылки водки, выдохший кофе, печенье и банку маслин, и просидел до ночи на подоконнике, слушая «Slade In Flame» и удивляясь тому, что время исчезло так быстро, и он, в сущности, никуда так и не пришел.

Дальше всё вдруг начало развиваться стремительно, дела потребовали Яшиного участия, и завертелся сам собою какой-то невидимый механизм. Яше пришлось переехать к родителям Зины, потому как отец её был совсем плох, и, несмотря на все деньги, которые передавали Борис и Яша, и на лучших врачей, которых Борис присылал, в состоянии Валерия Викторовича «положительной динамики» не было. Умер Карасик тихо, днем, когда Зинина мама повела внучку гулять. Маленькая Лилечка, по счастью, не успела испугаться, обманутая обычным «дедушка уснул», и пошла набирать обороты печальная, медленная карусель, с агентами, жаждащими денег, с закупкой продуктов для поминального стола, с вызовом родных из Белоруссии и с необходимостью найти Зину. Прилетел Борис, растерянно развел руки в стороны, – где я ее найду? Решили ждать, сколько возможно, но впереди был Новый год и редкие для теперешней Москвы морозы, потому похоронили Валерия Викторовича без Зины. После поминок, как водится, долго сидели на кухне, и Борис, щелкая ручкой электроплиты, сказал, – Яша, я хочу увезти тещу и дочь к себе. Во Францию? – переспросил Яша. Нет, я не говорил тебе, но и у меня дела шли не так уж, чтобы... мы с моим компаньоном... короче, я решил переезжать в Германию, в Берлин. Хорошие варианты с работой, и вообще. Что именно «вообще»? – опять переспросил Яша. – И как же Магда? Вот уж, Магда меня беспокоит меньше, чем её лягушки. Магда занята делом. И Зина, судя по всему, тоже занята. Кстати, ты заметил? Они ОБЕ нашли себе мужчин, которые заняты именно ДЕЛОМ?! Один занят лягушками, другой революцией, – Яша налил себе водки в чайную чашку, – тоже мне, занятие. Они служат идее, – Борис поставил на стол коньяк, – а ты, ты? Что делаешь ты? Понятия не имею, – честно ответил Яша, – а мне все равно. Почему обязательно надо служить какой-то идее? Почему нельзя просто – жить, а?

– Валерия Викторовна, – у похмельного Яши вместо головы была на плечах кастрюля с кипящей водой. Стоило ему повернуть голову, как кипятки стекали по спине, дурнота накачивалась, и Яша буквально валился туда, куда позволяло тело.

– Яша, мальчик, ну что же ты так набрался? Господи, вот, беда, вот, некстати! У Валеры где-то была бутылка своего зелья для опохмелки, но он так не напивался никогда! Иди, ляг, вон, в большой комнате диван разложен!

Валерия Викторовна Карасик собирала со стола грязную посуду, и все время принималась беззвучно плакать, пока Лилечка не начинала теребить её за фартук, – бабулечка, тебе плохо? Бабулечка, а что вчера было? Почему меня к другой бабушке забрали? Гости, да? «Другой бабушкой» была Яшина бабушка, обожавшая правнучку, забаловавшая её до невозможности, счастливая каждой, пусть минутной, встречей с Лилечкой.

– Валерия Викторовна, – Яша улегся на диване, – дайте мне хоть аспирина, имейте жалость?!

– Удивляюсь тебе, Яша, – Зинина мама держала стакан перед глазами и смотрела, как пускает пузырьки аспириновый кругляш, – ты бы хоть делом каким занялся! На что ты живешь?

– На подавание, – Яша отвернулся лицом к стене, – вам-то, что за дело? У меня голова болит, а вы лезете. Бориса спрашивайте, он вам зять.

– Зять, конечно, зять, было б где взять! Дурака не валяй, я что? Без глаз?

– А раз с глазами, дайте водки. Или аспирина уже! И, вот, все спросить хотел, а вы что, с Зининым отцом? Ну, почему у вас одинаковые имена-отчества? Родня?

– Да какая родня, – Зинина мама перетирала тарелки и ставила их горкой на несвежую скатерть, – Карасики они, а мы Шелудько, с Харьковщины, там речка Гнилица, Змиевский район...

– Кошмар какой, – простонал Яша, – просто Гоголь, «Вечера на хуторе близ Змиевки» ... дайте аспирина-то!

– Мы из старообрядцев, вот как, – Валерия Викторовна протянула Яше стакан, – а я в Харьков отправилась, в автодорожный поступать. ХАДИ назывался. А у Карасика там дядька в деканате был, хороший такой дядька! С усами. Носатый, красавец, как Буденный. И надо было документы мои передать, в общежитие, и дядька и скажи Валере – найди Шелудько Вэ Вэ, и передай. Ну, а он думал, что это хлопчик, а я оказалась девушка, ну а так еще – он Валерий, а я Валерия, да еще обои Викторовичи, смеху было! Сам Валера аж в Высшем авиационно-инженерном училище тогда учился, умный был! Я и проучилась всего год, а потом с ним, в ГСВГ, в группе советских войск, в Германии была. У меня образование-то никакое, так, офицерская жена, ну, голос хороший, слух, вот, вроде как кружок вела, самостоятельный, в трудовую и написали, учительница музыки. Жена, вот моя профессия. Сыночка у нас там родился. А Зиночка уже тут, когда нас в Москву перевели, Валера преподавал, да, так все хорошо сложилось. А фамилия, да, я, главное, все думала, ну, сменила! Шило на мыло! Карасиха... смеялись, ой, всегда, а Зина, Зина! Маленькая была, все донимала, мама, а как ту фамилию сменить, дразнят же! Спишь, Яш?

Яша посапывал. Аспирин кипение ослабил, и Яша задремал. Валерия Викторовна перевела взгляд на сервант, где стояла фотография Валерия Викторовича, но без стопки и хлебной корки, чтобы не пугать Лилечку, и снова заплакала. Щелкнула кнопкой на пульте, и телевизор забубнил радостно, будто только того и ждал.

– «В Перу произошло свержение власти, президент Альберто Фухимори заявил о своей отставке. Временно власть захватили повстанцы, Мануэль Гарсиа Перес возглавит переходное правительство. Он известен как маоист из группы «Сендеро Луминосо», человек крайне левых взглядов, безжалостный борец с империализмом ...» – Яша проснулся.

– Любите вы этот телевизор, – он потянулся и сел, – смотрели бы мультфильмы, кой черт вам эти новости сдались?

– ... а с ним его супруга, Зина Логинофф, его товарищ по партии и революционной борьбе. Это именно она, Зина, разделила со своим мужем тяготы скитаний, ссылку, преследование властей...

– ЗИНА! – закричала Валерия Викторовна, хватая Яшу за рукав, – Яша! Зина! Смотри! Смотри!

На экране, на фоне какого-то здания с колоннами и бушующей толпы, вооруженной автоматами и лозунгами, стояла Зина. В берете, надвинутом на бровь. В черной майке, и с автоматом через плечо.

– Ни хрена себе ... – только и сказал Яша.

– Вот, и Зина нашлась, – вдруг тихо сказала Валерия Викторовна, – а мы её искали! – и заплакала. Яша, который не выносил слёз и истерик, сморщился, щёлкнул пультом.

– Жива, радуйтесь, – Яша достал сигареты, – теперь ваша дочь – первая леди. Нет, помереть просто! Зина! Жена президента!

– А что это ты так пренебрежительно? – Валерия Викторовна высморкалась в большой мужской платок, – по-твоему, Зина не достойна?

– Достойна! Еще как! Кто, как не она? Кто бы спорил, – Яша встал, – надо Борису позвонить. А то как-то он же женат на ней?

– Ой, ну, скажешь! «Женат», – видимость одна! – Валерия Викторовна махнула рукой, не подозревая, впрочем, насколько она права по поводу брака дочери, – разведется. Сравнил, тоже! Это – президент, а не какой-то юрист!

– Вы правы, как всегда. – Яша уже был в коридоре, – без меня справитесь? Я на пару дней исчезну.

Яша вышел на улицу, и с облегчением вздохнул. Все последние дни с их печальными событиями утомили его, а появление Зины в качестве Первой леди почему-то развеселило. Яша шел по скользкому тротуару, вспоминал «Королей и капусту» О'Генри, и думал, что во всей этой смешной истории совсем нет места для него. Вечером, сидя в пустой квартире на Татарской, изнывая от тоски и одиночества, он позвонил в Париж Борису, чтобы сообщить сногшибательную новость о Зине, но Борис достаточно прохладно ответил, что он в курсе, и до Парижа новости из Перу долетают значительно быстрее, чем до Москвы. «Прилетай, старичок, – Борис прикрыл трубку рукой, и Яша выждал какое-то время, – прилетай. Если Зина теперь имеет официальный статус, она рано или поздно, окажется в Европе. Если её Хуана... Мануэля, – поправил его Яша. – Не вижу разницы. Если её мужа не грохнут какие-нибудь пеоны, или, как их там? Луминосовцы?» Вылет долго согласовывали, наконец, решили, что Борис прилетит в Москву за Валерией Викторовной и за Лилей, и они полетят все вместе. Яшей вдруг овладела лихорадочная тяга к деятельности, и он даже засветился на нескольких тусовках, принял участие в показе мод, потолкался за кулисами театра, отыскал Темницкого, вполне себе успокоившегося после кризиса, и даже дал согласие продолжить работу над сериалом. Темницкий, дабы отснятое не пропало, смонтировал фильм, выкинув из «Виконта» лишних персонажей, заменив французские имена на русские, переозвучил, и вышла милая любовная история с патриотическим подтекстом – на времена правления Петра I. Нашли запойного, но все еще популярного поэта песенника, молодых ребят, лабающих джаз-рок, записали шикарный саундтрек с малоизвестным исполнителем, и «Виконт», переименованный в «Россия, вперед!» прошел с потрясающим успехом. А, что, – подумал как-то очередным похмельным утром Яша, – в России жить становится все лучше и лучше?

– Да нет, надо ехать, – вечером того же дня думал Яша, – все одна и та же хрень, все старые лица, трёп какой-то бессмысленный. Куда ни пойдешь – одно и то же, кто сколько бабла срубил, кто кого кинул, кто свалил, куда свалил. А где же искусство? Где те разговоры до утра, что были раньше? В девяностые? В самом начале! Где андеграунд? Где рок? Где вообще, всё? Драйв, полёт, надежды? Любовь – где? Сытые, тупые... нет, нет, надо ехать. Вдохну там свежего воздуха, – Яша ворочался на своем диванчике, перевезенном на Татарскую из Черемушек из того же чувства, из-за которого таскают за собой по жизни игрушечного мишку, – Магду

увидю. Вдруг простит? Да нет, такое не прощают. Ну, и хрен с ней. Не простит, не надо. В Лувр схожу.

Борис прилетел в конце марта, началась бесконечная возня с бумагами и справками, визиты в высокие инстанции. Борис выглядел сильно уставшим, Яша даже подумал, что он болен, но на разговор не решался. Наконец, назначен был день, куплены билеты, Валерия Викторовна собиралась хлопотливо, паковала ненужные вещи, все время паниковала, плакала, звонила подругам, и измучила всех, и себя, в первую очередь. Борис предусмотрительно снял номер в «Балчуге», и, хотя и кривил рот и жаловался на сервис, был доволен, что Яша, живущий неподалеку, проводил с ним все вечера. Они бродили по Замоскворечью в тепловатых апрельских сумерках, когда с крыш уже не капало, но асфальт был влажен и во дворах подышали серые снеговые кучи, заглядывали в окна первых этажей и грустили, что старая Москва из доверчивой и дружелюбной, абсолютно открытой, немного неряшливой превращается в чопорную, закрытую и элитарную. Они вспоминали, что подъезды в дни их молодости не были заперты, и так было славно сидеть на широком холодном подоконнике, дергать шпингалет на полуистлевшей раме, чтобы открыть окно и выбросить в него окурочек. Они вспоминали, как хлопала парадная дверь, и как ей отвечал лифт, и как хлопала его дверца, и как слышно было, что ключ поворачивается в замке... Эти запахи, звуки, та мелодия города, которую теперь уже не услышать – все оказалось в прошлом, как и их – как ни крути, молодость. Они даже купили портвейна в ночном магазинчике и насмешили продавщицу, спрашивая сырок «Дружба», и отказались от пластиковых стаканчиков, сказав девушке, что они будут пить «из горла». Ни в какой подъезд они не смогли проникнуть, всюду были или сложные кодовые замки, или консьержки, и они пили на набережной, глядя на плывущие грязные ноздреватые льдины, и говорили о том, что вот, в Париже! в Париже! всё непременно наладится, как будто там не запирают двери подъездов и продают плавленые сырки. Яша оставил Жене Темницкому ключи от квартиры на Татарской, с одной просьбой – хоть изредка платить за квартиру, сгрэб все барахло в комнату-мастерскую, запер её, и поехал ночевать в Черёмушки. Попрощался с бабушкой, которая не преминула сказать, что он, Яшка, последний подлец и бросает её, беспомощную старуху, и зачем она тратила столько сил, чтобы вырастить такого эгоиста, и лучше бы уж она уехала к беспутной Яшкиной матери в Израиль, где хотя бы тепло и дешевые фрукты. Езжай, Яша, езжай, – она подтолкнула его к двери, – не надо оставаться здесь. Здесь всегда будет как-то не так. Уж поверь мне! Усатая тень опять ляжет на всех, и на нас – особенно! Яша вдруг расстроился, начал оправдываться, что он ненадолго, и скоро вернется, но бабушка вытолкала и его, и звякнула цепочка с сухим звуком взведенного курка.

Валерию Викторовну Яша нашел в полном раздразе. Между упакованных чемоданов и сумок валялись детские вещи, посуда, какие-то тряпки, коробки. Лилечка спала в своей комнате, а Валерия Викторовна полулежала на диване с полотенцем на лбу.

– Яша, – простонала она, – Яша! Звони Боре. Мы никуда не поедem.

– Вы что, шутите? – Яша перешагнул через розового зайчика, – мы завтра летим. Ложитесь, отдохните, завтра утром все будет хорошо.

– Нет же, Яша, – Валерия Викторовна застонала, – никуда, никуда не полечу! Кто будет ходить на могилку к Валере, кто? А как я из Франции съезжу в Харьков, как?

– Самолеты до Харькова пока никто не отменил, – Яша поднял розового зайца, – ложитесь. Выпейте чего-нибудь, тоже мне причина! Харьков!

Ночью никто не спал. Проснулась Лилечка, и, ощущая волнение бабушки, заплакала, заныла, раскапризничалась, у неё даже поднялась температура и, хотя Яша и уверял, что страшного ничего нет, и непременно нужно лететь, утром, Валерия Викторовна, отекая, хмурая, поминутно хватаящаяся за сердце, уже говорила по телефону, – ой, нет, Ната, нет! Куда? Нет! Чужие люди! Пропади она за граница! Пропадem! Нет, да, нет, нет...

Яша курил в форточку, злился, но понимал, что Валерия Викторовна права, и лететь с ребенком, у которого в любую минуту может начаться истерика и жар, невозможно.

– Кстати, а где ваш старший? – Яша аккуратно загасил окурок в чешской пепельнице цветного стекла, – что-то я упустил? Где он? Почему на похороны не приехал? Вы как-то замяли, а мне спросить было неудобно?

– Тарас не живет с нами, – Валерия Викторовна собрала губы в скорбную скобку, – он... он предатель Родины! – вдруг выкрикнула она. – Мы с отцом его вычеркнули навсегда! И Зине я запретила с ним общаться!

– О, как! Ясно, – Яша почему-то обрадовался. – Если предатель, значит, или Израиль, или США. Ну, как говорится, «был бы я хоть там, хоть где, но не в лапах ка ге бе». Хороший выбор. Имя только подгуляло. Тарасик Карасик. Сдохнуть.

– Ничего смешного, мой дед был Тарас. Красивое имя. Ты на себя посмотри!

– Едете?

– НЕТ! – и Валерия Викторовна прошла в комнату Лилечки и демонстративно закрыла дверь за собой.

– Какать хотите, – бормотнул Яша, взял в тесной передней свою сумку, похлопал себя по карманам, проверяя паспорт и деньги, и отвесил в пустоту комнаты земной поклон, – ауфидерзейн, Родина-мать!

В аэропорту было многолюдно, суматошно и весело. Радовались как улетающие, так и прилетевшие, повсюду так пахло дорогой заграничной жизнью, как раньше пахло только в валютных магазинах «Берёзка». Борис, в элегантном пальто, шляпе, выглядел, как преуспевающий адвокат. Подхватив Яшу под локоть, повел его в зал вылета, но, вдруг резко остановившись, спросил:

– Стоп? А где тёща с младенцем? Ты что, оставил её расплачиваться за такси?

– Борь, – Яша покрутил пуговицу на пальто Бориса, – тут такая фигня...

– Что? Что? Документы у меня, что? Ключи? Газ забыла выключить? Что? До вылета полчаса?

– Она не поедет. У неё вроде панической атаки. И Лилька разнюнилась, у неё температура.

– И ты считаешь ЭТО – причиной? Я потратил кучу времени, я подключил всех, я истратил сумасшедшие просто деньги, и ты мне говоришь, что всё это – зря? Детские и бабские капризы! Езжай к ним, не знаю, думай! Думай, Яша! Попробуем переменить рейс! Как это всё некстати, если бы ты знал! – Борис выпростал запястье, взглянул на часы, – Яша! В темпе!

На Яшу же вдруг напало что-то, схожее с обмороком. Закружилась голова, тошнота подступила к горлу, он покрылся потом, начал задыхаться.

– Да что с тобой? – зло бросил Борис, – ведёшь себя, как истеричка!

– Да пошёл ты ... – Яша качнулся, но не упал, развернулся к стойке спиной и пошёл к выходу.

– Стоять! – вдруг заорал Борис, – я кому сказал? Стоять!

– Это ты мне? – Яша обернулся. – Уверен?

– Стоять! – Борис схватил Яшу за плечо и развернул к себе, – стоять, стоять, и слушать! – у Бориса дергался глаз, – сейчас ты поедешь в Черемушки, заберешь Валерию Викторовну и Лилю. Я жду тебя здесь. Я прошу тебя, – она старался говорить спокойно и отчетливо, – не трать время понапрасну. В темпе!

– Да не поеду я в Черёмушки, – Яша вывернулся и потёр плечо, – и, знаешь ... – он помедлил. – Я на хрен – никуда не поеду. Вообще не поеду. Ни в какую Францию.

– Вот, даже как? – Борис тяжело дышал, – не поедешь?

– Не поеду. Мне надоело все!

– Да? – Борис изобразил на лице изумление. Они говорили так громко, что вокруг них уже стала собираться толпа. – А ты мне, значит, не надоел? Ты – мне? Я тебя тащу на себе, ты не заметил? Я решаю все твои проблемы! Я! Я вытаскиваю тебя хрен знает, из каких ситуаций, я трачу на тебя деньги и время, я удочеряю твоего ребенка! Я вообще давно живу твоей жизнью! Ты моей сестре сломал всё, ты Зине всё сломал! Что ты вообще можешь? Сволочь неблагодарная! Я «спасибо» от тебя не слышал никогда!

– Я – сволочь? А какого хрена ты лезешь в мою жизнь? Я тебя просил? Просил? Скажи! – Яша уперся ладонью в подбородок Бориса, с того слетела шляпа, и Борис, не раздумывая, пнул Яшу в живот. Тот взвыл, они покатались по полу, тут же появились милиционер, какой-то дежурный в форме, забегали тетки, засвистели свистки, перекрывая «Flight announcement», голоса слились в один гул, и все закружилось. Яшу оттащили от Бориса, повели в отделение милиции. Борис, приняв от милиционера шляпу, поблагодарил его по-французски, добавив на ломаном русском, – «не карашо», и с достоинством прошел к стойке контроля.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.